

Элизабет Мид-Смит

**Семь молоденьких девиц, или
Дом вверх дном**

Элизабет Мид-Смит
Семь молоденьких девиц,
или Дом вверх дном

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6611332

Аннотация

«Никогда в жизни я не забуду того дня, когда все было решено окончательно. Я одевалась в своей комнате. Мне отчетливо помнится, как солнце ярко светило в наши красивые решетчатые окна, а приятный легкий ветерок раздувал белые занавеси. Моя мама порывисто вошла ко мне и взволнованно сказала...»

Содержание

Глава I	5
Глава II	13
Глава III	26
Глава IV	37
Глава V	55
Глава VI	68
Глава VII	78
Глава VIII	91
Глава IX	110
Глава X	127
Глава XI	144
Глава XII	158
Глава XIII	181
Глава XIV	198
Глава XV	210
Глава XVI	220
Глава XVII	237
Глава XVIII	243

Элизабет Мид-Смит
Семь молоденьких девиц,
или Дом вверх дном

Глава I

Ожидание гостей

Никогда в жизни я не забуду того дня, когда все было решено окончательно. Я одевалась в своей комнате. Мне отчетливо помнится, как солнце ярко светило в наши красивые решетчатые окна, а приятный легкий ветерок раздувал белые занавеси. Моя мама порывисто вошла ко мне и взволнованно сказала:

– Я должна объявить тебе наше решение, Мэгги. Я знаю, это будет не особенно приятно, но тебе необходимо с этим примириться. Твой отец не вполне доволен этим планом, но в конце концов, как я полагаю, все устроится к лучшему.

– Ах, мама! – вскричала я, бросаясь к ней и обнимая ее. – Ах, мама! О чем ты говоришь? Я ничего не понимаю.

– Ты уже давно знаешь, Мэгги, – печальным голосом проговорила мама, – что твой отец лишился большей части своего состояния; он все надеялся поправить свои дела, но теперь дело дошло до кризиса.

Конечно, я знала о денежных затруднениях отца. Мне часто приходилось слышать разговоры об этом в течение последних двух лет. Разве не от этих затруднений в значительной степени пострадала жизнь Джека, моего единственного брата – умного, веселого и дорогого моему сердцу? Он

был на год старше меня, а мне уже минуло четырнадцать. Со временем ему предстояло поступить в Итонский колледж, а затем в Оксфордский университет. Но вследствие того, что отец потерял состояние, этот план рухнул. Правда, Джек был помещен в хорошую школу, но все-таки не в Итон, а об университете ему, конечно, нечего было и думать; по окончании школы ему предстояло поступить в торговую контору одного из наших родственников в Лондоне.

– Я ничего не говорила тебе раньше, – продолжала мама, – так как не хотела огорчать тебя, прежде чем мы с твоим отцом окончательно решим это дело. Но теперь я получила согласие от леди Конвей, миссис Драммонд и мистера Спаркса. Все юные девицы приезжают к нам, и даже скорее, чем я ожидала; вот я и поспешила предупредить тебя.

– Постой, мама, ты просто сводишь меня с ума! – воскликнула я. – Кто такие эти леди Конвей, миссис Драммонд и мистер Спаркс?

– Присядь, Мэгги, – сказала мама. – Я действительно еще ничего тебе не объяснила; нам с тобой надо спокойно обо всем потолковать.

Мама обняла меня за талию и усадила рядом с собой на мою кровать; я прижалась к ней, и сердце мое сжалось от неприятного предчувствия.

– Говори же скорее, мама! – попросила я. – Что это за таинственные личности, о которых ты упомянула?

– Выслушай меня, Мэгги. Твой отец и я, мы давно дума-

ем, как бы нам поправить наши обстоятельства – хотя бы настолько, чтобы быть в состоянии дать тебе приличное образование. Тебе ведь, дитя мое, уже пора учиться языкам, музыке и вообще многому такому, чему мы не в состоянии учить тебя дома без помощи образованной учительницы. Вот мы и придумали: мы можем достичь цели, взяв к себе на полный пансион нескольких молоденьких девиц, которые будут воспитываться вместе с тобой. Это даст нам возможность расширить программу твоих занятий и вместе с тем будет выгодно с хозяйственной точки зрения.

– Ах, милая мама! – начала было я, вскочив со своего места, но мама удержала меня своей сильной рукой.

– Пожалуйста, не возражай, прежде чем не выслушаешь всего, – сказала она. – Мы с твоим отцом окончательно решили этот вопрос и сегодня узнали, что родители тех девиц, которых мы имели в виду, согласны на все наши условия. Итак, к нам завтра приедет, во-первых, Веда Конвей, мать которой собирается уехать к своему мужу в Индию; во-вторых, Люси Драммонд, с которой ты уже познакомилась в прошлом году в Фолкстоуне...

– Эта противная краснощекая девица! – вскричала я.

Мама ничего не возразила, а только вздохнула и продолжала:

– В-третьих, к нам приезжают две девушки-американки – Джулия и Адель Спаркс. Они сиротки, и о них заботится очень богатый дядя, который отдает своих племянниц на на-

ше попечение – по крайней мере, на год. Все четыре девицы приезжают завтра вечером.

Тут я уже была не в силах больше сдерживать себя. До сих пор я пользовалась всеми привилегиями единственной дочери своих родителей, а теперь вдруг, совершенно неожиданно, четыре абсолютно чужие для меня девицы поселятся тут, в нашем доме! Они будут иметь право бегать по нашему саду, ласкать моих любимцев – собаку и кошку, а то еще, пожалуй, вздумают кататься на моем славном шотландском пони Бобби! Эти девицы будут жить здесь, в Гезельхартском приходском доме, у моего отца – пастора здешней церкви; когда мой брат Джек вернется домой, они захотят дружить с ним, и он, может быть, охотнее будет развлекаться с ними, чем со мной. Нет, все это ужасно! Это было выше моих сил! Кровь бросилась мне в голову, и, разразившись слезами, я вскочила с места.

– Это ужасно, это жестоко, и я этого не потерплю! – воскликнула я. – Я буду ненавидеть этих девиц, да-да, я буду презирать их от всей души, я устрою так, что им у нас не очень-то понравится! Да-да, я сделаю это, непременно, непременно сделаю!..

Я закрыла лицо руками и дала полную волю слезам. Но через несколько минут мне стало совестно перед мамой, и я решилась взять себя в руки. Оказалось, однако, что мамы уже не было в комнате, я была одна. Солнце по-прежнему сияло в окне, а снаружи какая-то птичка напевала свою утрен-

нюю песенку. Я успокоилась, тем более, что внезапный уход мамы заставил меня образумиться. Правда, я поплакала еще некоторое время, но известно ведь, что даже самая капризная девица не станет давать волю своему характеру, когда рядом нет никого, кому можно было бы выразить свой гнев. Постепенно я поняла, что мне придется смириться с неизбежным. Дело было уже решенное; девушки должны были приехать на следующий день. Все мои жалобы и слезы не смогли бы предотвратить беду...

Я закончила свой туалет и на четверть часа позже обычного появилась в столовой.

Мне всегда казалось, что на свете нет другой такой красивой комнаты, как наша столовая. И сегодня, несмотря на то, что я была в дурном расположении духа, эта комната выглядела такой же веселой и уютной, как всегда. Отец сидел на своем обычном месте, занятый чтением газеты, когда я тоже заняла привычное место у стола.

– Ах, Мэгги, – сказал он, слегка потрепав меня по плечу, – ты что-то запоздала сегодня.

Мама, разливавшая кофе, передала мне чашку и сказала своим обычным бодрым, деловитым тоном:

– Поторопись, милая Мэгги. Мы опоздали с завтраком, а дел нам сегодня предстоит много.

Обращение моей мамы было очень дружелюбным, и отец, как мне показалось, был особенно ласков со мной, но я почему-то тотчас же поняла, что, несмотря на выраженное мной

неудовольствие, все оставалось так, как было решено ими, и чужие девицы все-таки приедут в наш дом. Значит, мне оставалось только одно – примириться с этим фактом.

Покончив со своим завтраком, я не спеша вышла в сад, а вскоре вслед за мной туда же пришел и папа.

– Подойди сюда, Мэгги, – позвал он меня к себе, – мне надо с тобой поговорить.

Надо сказать, что мой отец был чудный, благороднейший человек, и как же искренне и горячо я его любила!

Впрочем, имя пастора Джона Гильярда пользовалось всеобщим почтением и любовью, так как мой отец был не только честный, справедливый, но и высокогуманный человек, и все, кому доводилось иметь с ним дело, проникались к нему глубокой симпатией.

– Я очень сожалею, Мэгги, но другого выхода у нас нет, – начал папа, ласково обняв меня. – Потеря нашего состояния вынуждает меня и твою мать для поправления наших обстоятельств взять в дом несколько чужих девушек. Ты этим очень недовольна, как я слышал от твоей матери, но со временем ты привыкнешь к новому порядку в доме. Кроме того, тебя должно бы радовать, что вместо того чтобы поступать в какое-нибудь учебное заведение, ты будешь иметь возможность получить хорошее образование у себя дома. Разумеется, вначале тут будут некоторые неудобства, но ради меня и твоей мамы ты, надеюсь, постарайся отнестись к нашему решению благоразумно и не захочешь огорчать нас своим

нелюбезным отношением к твоим новым подругам.

– Все это для меня так неожиданно... – начала я.

– Я понимаю, дитя мое, что тебе эта новость неприятна, но мы с твоей мамой решили ничего не говорить тебе, пока мы сами не будем окончательно уверены, что это дело устроится. Теперь, Мэгги, ты должна понять, что без твоего содействия наше предприятие может потерпеть полную неудачу. Твоя мама и я со своей стороны приложим все усилия, чтобы предоставить приезжим девицам все удобства, но сделать их пребывание в нашем доме приятным – это будет полностью зависеть от тебя. Поэтому если ты откажешься содействовать нам, то мне лучше сразу же предупредить леди Конвей и других родственников девушек, и тем самым положить конец этому делу.

– Неужели, папа, ты готов сделать это ради меня? – спросила я, в сильном волнении взглянув на отца.

– Да, дорогая моя, – отвечал он. – Если ты не пожелаешь нам помочь, то нам придется изменить наши планы; лучше отказаться от них теперь же, чем когда уже будет поздно. Если же ты постарайся взять себя в руки и проявишь готовность быть нам полезной в этом деле, то, поверь, не только дело пойдет хорошо, но ты и сама будешь довольна от сознания исполненного долга. Да и вообще ты во многом выиграешь от общения с девицами твоего же возраста. Вначале, милая моя, дело это ни для кого из нас не будет легким и приятным. Но если уж приходится идти навстречу трудностям,

то всегда лучше идти смело и весело. Признайся откровенно: готова ли ты быть бодрой и смелой? Ведь так неохотно приступая к делу, ты сразу обрекаешь его на неудачу.

– Нет, папа, я постараюсь быть бодрой, – заверила я отца. – Мне это очень трудно, я даже не могу выразить, как мне это трудно, но я постараюсь быть любезной с этими девушками, так как вы с мамой этого желаете.

– Вот и прекрасно, – промолвил папа, – я не сомневался, что моя любимая славная дочурка не захочет испортить наши планы, когда уже дело улажено. Теперь, милая моя, я пойду и займусь своими приходскими делами, а ты ступай к своей маме, ей надо о многом с тобой поговорить.

– Обещаю тебе, папочка, что ради тебя и мамы я постараюсь побороть свои чувства и быть благоразумной, – порывисто воскликнула я и протянула руки к папе в ожидании его ответной ласки.

Отец одобрительно взглянул на меня и, положив свою руку мне на голову, обнял меня и сказал:

– Да благословит тебя Господь, дитя мое, и да поддержит Он тебя в твоём добром намерении.

Глава II

Развенчанная принцесса

Весь день мы с мамой были очень заняты. Теперь, когда окончательно было решено, что к нам приедут эти девицы, я уже больше не возражала и принялась усердно помогать маме в ее хлопотах. Ожидаемый приезд чужих девушек менял весь наш домашний уклад. Пока я это еще только смутно сознавала, но сразу принялась с каким-то лихорадочным рвением переворачивать вверх дном всю нашу обстановку. Надо признаться, что я, Маргарет Гильярд, четырнадцатилетняя девица, была полна различных причуд. Я всегда пользовалась в семье всевозможными преимуществами в качестве единственной дочери своих родителей, и это исключительное, приятное для меня положение отчасти способствовало тому, что я слишком много возомнила о самой себе. Я была не по годам требовательна и щепетильна и при этом преисполнена чувством собственного достоинства. Я считала, что все касающееся моей личной жизни должно служить главной моей заботой. Убранство моей комнаты, расположение моих любимых безделушек, час моего пробуждения, время моих занятий, развлечений – все это имело для меня первостепенное значение. Теперь – первый раз в моей жизни – мне пришлось забыть о личных удобствах и вкусах, так как в силу

обстоятельств я вынуждена была отступить на второй план. Я оказалась как бы в положении развенчанной принцессы.

Мама моя была совсем иного характера, чем я: она всегда быстро находила решения и умела мириться с обстоятельствами, как бы тяжелы они для нее ни были. И теперь она просто объявила мне, что Веда Конвей займет большую зеленую комнату верхнего этажа нашего дома, рядом с моей спальней; что Люси Драммонд поместится вместе со мной в моей собственной комнате – в моей милой, хорошенькой комнате, окрашенной в светло-голубой цвет и с мебелью такого же цвета!

Девушки Спаркс должны были, по распоряжению мамы, занять большую комнату тоже в верхнем этаже, но на другой половине нашего дома.

– Видишь ли, Мэгги, – объяснила мама, когда мы с ней принялись за устройство моей спальни, – я полагаю, что тебе лучше всего разделить свою комнату с Люси Драммонд, а не с какой-либо другой девушкой, потому что ты с ней уже знакома.

– Ах, мама, – с трудом выговорила я, – мне это очень неприятно: эта Люси такая... такая краснощекая и самодовольная! – я прошла через комнату и присела на широкий подоконник. – Надеюсь, мне, по крайней мере, будет позволено сохранить свою собственную кровать?

– Не глупи, Мэгги, – совершенно спокойно отозвалась мама и, обратившись к горничной, приказала передвинуть мою

кровать на новое место и поставить другую – для Люси.

Пока горничная с мамой хлопотали, я сидела на подоконнике в угрюмом молчании. Несмотря на мое обещание папе, что я буду стараться побороть себя, мне было страшно обидно: кто-то станет хозяйничать в моей комнате и даже моя кровать будет сдвинута с привычного места. Я чувствовала, что одна эта перемена изменит всю мою жизнь: просыпаясь по утрам, я уже не смогу, лежа в своей кровати, видеть ни гнездо реполова, свитое им в кустах около нашего дома, ни тонкую верхушку церковного шпиля, ни розы у крыльца дома, ни выющиеся растения на низкой ограде, обрамляющей сад.

– Да что с тобой, Мэгги? – спросила мама. – Раз уж ты изъявила свое согласие и решила примириться с пребыванием у нас этих девиц, так, пожалуйста, не выходи из себя по таким пустякам, как перестановка кровати.

– Нет-нет, мама! – воскликнула я и, сделав над собой усилие, вскочила со своего места.

Еще за завтраком мама рассказала о некоторых других своих распоряжениях, отданных ею, чтобы сделать жизнь наших гостей по возможности приятной. Между прочим, мама уже условилась с одной преподавательницей естественных наук, которая должна была ежедневно заниматься с нами, пятью девицами, с учительницей немецкого языка, с учителями музыки и рисования.

– Таким образом, Мэгги, – заключила мама, – я радуюсь

тому, что ты получишь всестороннее образование, да и всем вам будет веселее вместе и учиться, и развлекаться в часы вашего досуга.

«Все эти планы просто ненавистны мне», – подумала я, не решаясь, однако, высказать свое негодование вслух. Я по-прежнему была всецело поглощена мыслями только о самой себе, о своих удобствах – вместо того чтобы проникнуться сознанием, что эта перемена в нашей жизни вызвана необходимостью, и постараться исполнить свой долг, покорившись обстоятельствам. Мама заметила мое настроение и сказала мне:

– Помни, Мэгги, – что жертвуя своими интересами, ты оказываешь нам – твоему отцу и мне – огромную услугу. Не забывай об этом, и эта мысль будет служить тебе утешением и поддержкой, если тобой овладеет дурное расположение духа или если тебе покажется обидным, что ты уже не будешь играть главенствующей роли в доме. Тебе надо стать выше мелочных претензий и отнестись к перемене в доме с пониманием, как ты обещала папе и мне. Ну а теперь ступай, покатайся верхом, пользуйся хорошей погодой. Поверь мне, что общество сверстниц доставит тебе большое удовольствие, если только ты сумеешь подружиться с ними, забыв о самолюбии. Я даже не сомневаюсь, что не далее как через неделю ты почувствуешь себя такой счастливой, что не захочешь вернуться к прежней жизни. Иди же, дорогая, а я тут еще займусь по хозяйству.

Я вышла из дома, правда, вовсе не в веселом расположении духа и направилась в нашу конюшню. Там я сама оседлала моего Бобби и поехала через лес по знакомым дорожкам, ведущим к деревне.

Вследствие уважения, которое питали к моему отцу жители нашего прихода, я тоже пользовалась их расположением. Они всегда приветствовали меня при встрече и, смотря по времени дня, желали мне доброго утра или доброго вечера. Если же встречавшиеся по пути дети были заняты собиранием полевых цветов, то всегда предлагали мне букетик. Мне нравились эти знаки внимания, мне льстило сознание, что я, как выражалась моя мама, среди них – точно принцесса.

«Вот эти люди, по крайней мере, не переменятся ко мне и всегда будут обращаться со мной по-прежнему, – думала я. – Они всегда будут помнить, что я – мисс Гильярд, дочь приходского пастора, и будут относиться ко мне совсем иначе, чем к тем четырем противным девицам, из-за которых все в доме пойдет кувырком».

Я проехала мимо великолепного поместья некоего сэра Уолтера Пенроуза, который редко жил в наших краях. Имение состояло из прекрасных рощ и садов, среди которых возвышался чудный старинный замок с высокой башней, окруженный крепостным валом; поблизости находилось несколько сторожек для множества служителей, которые поддерживали порядок в отсутствие владельцев замка.

Проезжая шагом мимо поместья, я увидела дочь одного

из лесничих, сидевшую у сторожки. Это была хорошенькая девушка почти одних со мной лет; ее звали Сесилия Ферфакс, и моя мама была ее крестной матерью. Когда она была еще совсем маленьким ребенком, ее часто приносили к нам в дом и мы вместе играла в куклы. Когда же я подросла, моя мама решила, что мне не следует проводить с ней время, отвлекаясь от своих занятий. Я была очень привязана к Сесилии, но в последнее время редко виделась с ней. Теперь же, когда я увидела ее милое, веселое лицо, во мне возродилось чувство прежней симпатии к подруге моего детства и я ласково окликнула ее:

– Ну что, как ты поживаешь, Сесилия? Давненько мы с тобой не виделись!..

– Ах, мисс Маргарет! – вскричала Сесилия. – Как я рада вас видеть!

Сесилия бросилась ко мне, а ее карие глазки засияли от радости; она была такая свеженькая и стройная в своем чистеньком розовом ситцевом платье.

«Странно, – подумала я, – почему мама не позволяет мне дружить с этой милой девушкой; уж лучше было бы, если бы к нам в дом приходила она – вместо тех глупых, противных приезжих девиц». Но тут я вспомнила, что речь шла о поправлении наших денежных обстоятельств; кроме того, Сесилия была дочерью простого сторожа, и мне – в смысле поддержания собственного достоинства – не следовало особенно сближаться с ней.

– Как вы поживаете, мисс Маргарет? – повторила Сесилия. – Представьте, не более получаса тому назад я подумала, когда же я наконец увижу вас? Но что это вы сегодня какая-то грустная?

– У нас в доме предстоят большие перемены, – начала я, но тут же оборвала свою речь словами: – Что ты так впилась в меня глазами, Сесилия? Это неприлично – так разевать рот!

– Ах, какая вы, право, мисс Маргарет! – воскликнула Сесилия с веселым смехом. – Расскажите же мне, что у вас такое затевается. У вас, как я вижу, какие-то важные новости.

– Да, именно, – отвечала я, – и, может быть, тебе эта новость вовсе не понравится.

– Мне? А разве это меня касается?

– И да, и нет, – сказала я. – Было время, Сесилия, когда мы были с тобой подругами.

– Да мы и теперь, как мне кажется, подруги, – отозвалась Сесилия, вопросительно глядя на меня. – По крайней мере, я ни с кем не заводила дружбы в нашей школе. Мне все казалось, что вам, мисс Мэгги, это может не понравиться – ведь там все девицы не вашего круга. Однако это ни к чему не привело, мы с вами все равно почти не видимся. Но в школе две девушки, Нетта Прайс и Энн Доусон, очень хотели бы дружить со мной.

– Что ж, ты можешь водить с ними дружбу, если желаешь, – сказала я. – Конечно, я всегда буду любить тебя, но ты знаешь, Сесилия, что я дочь пастора, а ты, ты... Сама зна-

ешь, кто ты, – договорила я, неловко стараясь выпутаться из затруднительного положения.

Сесилия молчала, и я продолжала:

– В скором времени у меня будут новые подруги, одна из них дочь леди Конвей, а остальные – все настоящие барышни; они будут жить у нас в доме. Так что, Сесилия, лучше, чтобы ты знала всю правду. Теперь нам едва ли придется часто видаться друг с другом, поэтому лучше всего тебе подружиться с Неттой Прайс или с какой-нибудь другой девочкой.

– Хорошо, мисс Мэгги, – покорно отвечала Сесилия. – Я понимаю и благодарю вас, что вы меня хотя бы предупредили.

– Ах, да, Сесилия, – добавила я, – знаешь, что... Мне деньги могут скоро понадобиться. Я ведь не знаю, когда Джек может потребовать, чтобы я вернула ему его деньги. Ты обещала скоро отдать ваш долг.

– Да, мисс Мэгги, я поговорю с моим отцом. И как же вы были добры, что одолжили тогда эти деньги! Это спасло отца от потери его места. Я напому ему, непременно, мисс Мэгги.

– Да-да, смотри, не забудь, – сказала я и поехала дальше.

Я отлично понимала, что не должна была говорить с Сесилией в таком обидном тоне, но утешалась, повторяя самой себе:

– Бедная Сесилия! Она очень миленькая и очень мне нравится, но надо же было проучить ее немного. Необходимо

было дать ей понять, насколько различно наше положение в жизни. Этим приезжим девицам мое сближение с ней может показаться странным. Я очень жалею теперь, что дала деньги Джека взаймы ее отцу, но не могла же я им отказать, когда ему так нужна была помощь, к тому же Сесилия так меня умоляла...

На следующий день у нас осталось еще очень много дел – последние приготовления к приезду девушек. Время прошло незаметно, и скоро настал час отъезда моей мамы на станцию для встречи наших гостей. Было решено, что мама поедет одна, а я останусь дома, чтобы позаботиться о вечернем чае.

Было уже около восьми часов вечера, когда шум катившихся по песку колес заставил меня подойти к входной двери. Первой из экипажа вышла моя мама, а вслед за ней по очереди выпрыгнули четыре девицы.

«Ах, – подумала я, – как их много! Они заполнят весь наш дом и будут всюду толкаться и всем мешать. Как они будут мне надоедать!»

И когда в моей голове роились эти невеселые мысли, до моего слуха донесся веселый голос мамы:

– Мэгги, – звала она, – Мэгги, иди сюда!

Я подошла к ней, и она, взяв меня за руку, подвела к новым подругам.

– Вот это Веда Конвей, – сказала она. – А это – моя славная дочурка Мэгги. Познакомьтесь, милые дети; надеюсь,

что вы полюбите друг друга, как сестры.

Я взглянула на высокую, стройную девушку, стоявшую предо мной; у нее были выразительные карие глаза и симпатичное, хотя и бледноватое лицо. Ее густые белокурые волосы гладкими прядями лежали у широкого открытого лба. В ней было нечто необычайно благородное, чувствовалось достойное спокойствие, перед которым мои предубеждения невольно начали рассеиваться. Я даже задала себе вопрос: «Неужели я ее полюблю? Ведь я была уверена, что возненавижу их всех! Во всяком случае, – подумалось мне, – я, наверное, буду ее уважать».

Она заговорила со мной приятным, ласковым голосом.

– Теперь, Мэгги, поздоровайся с твоим старым другом – Люси Драммонд, – продолжала мама, – и когда Люси звонко поцеловала меня в щеку, мне показалось, будто я из мира грез спустилась на землю. Ее круглая, добродушная, пышущая здоровьем фигура являлась прямой противоположностью воздушному образу Веды.

– Ага! Вот это да! – вскричала она. – Помните, как мы с вами веселились в Фолкстоуне, бегая по морскому берегу? Я пришла в восторг, когда моя мама объявила мне, что я буду жить у вас. Здесь у вас, кажется, всем нам будет чудесно!

Потом очередь дошла до американок.

Они оказались очень милovidными девицами – с большими ясными серыми глазами, тонкими чертами лица и хорошо сложенными фигурками. Сестры были удивительно по-

хожи друг на друга. Они держали себя очень развязно, но в них было что-то необыкновенно оригинальное, смелое и симпатичное, даже несмотря на резкость их обращения.

– Я очень рада познакомиться с вами, мисс Гильярд, – обратилась ко мне старшая из сестер, Джулия. – Я узнала от вашей мамы, что мы с вами почти одних лет; мне скоро минет пятнадцать, а Адель четырнадцать лет. У нас в Америке в эти годы девицы считаются почти взрослыми. А теперь, мисс Маргарет, мы представились друг другу, и я буду вам очень благодарна, если вы будете столь любезны и укажете нам дорогу в нашу комнату.

– Да, пожалуйста, – прибавила ее сестра, – мы очень устали с дороги.

– И покрыты пылью с головы до ног, – добавила Джулия. – Нам надо бы хорошенько умыться и привести себя в порядок.

– Мэгги, – обратилась ко мне мама, – проводи Джулию и Адель наверх, в их комнату. А Веда и Люси пройдут наверх со мной.

Я отвела юных американок в их просторную комнату, где все уже было приготовлено к приему гостей.

Сообщив им довольно холодным тоном, в котором часу будет подан чай, я с минуту молча простояла у дверей их комнаты.

– Что это вы такая угрюмая, мисс Маргарет? Вы как будто бы не особенно довольны тем, что мы явились сюда и нару-

шаем уклад вашей домашней жизни, – заметила Адель, глядя на меня пронизывающим взглядом.

– Нет, отчего же, я очень рада вашему приезду, – сдержанно ответила я.

– На вашем месте я не говорила бы так, прежде чем не убедилась, понравимся мы вам или нет, – возразила Джулия. – Вы нас совсем не знаете, и мы не знаем вас. Мы ведь, американки, все с большими странностями, и мы это отлично понимаем.

Я чувствовала, что пока Джулия говорила, я вся покраснела, но, вместо того чтобы ответить ей в таком же непринужденном тоне, я упорно молчала. Она пристально, как бы испытующе посмотрела на меня и наконец сказала:

– Извините меня, мисс Маргарет, но, право, мне кажется, что было бы любезнее с вашей стороны, если бы вы сошли вниз и дали бы нам возможность умыться и причесаться без свидетелей. Ах, как вы краснеете! И как заблестели ваши глаза! Я подозреваю, что вы – особа с характером. Впрочем, мне нравятся девушки с характером; это лучше, чем мямли. Ну-с, пока – до скорого и приятного свидания!

Я собиралась уже закрыть дверь и спуститься вниз, но Адель подошла ко мне и, положив руку мне на плечо, проговорила:

– Вам, как любознательной англичанке, будет интересно наблюдать за нами. Предупреждаю вас, что мы всегда без стеснения обращаемся с окружающими нас людьми.

– Сделайте одолжение – не стесняйтесь; будет очень интересно наблюдать за вашими выходками, – насмешливым тоном ответила я. – Впрочем, мне вообще-то совершенно безразлично, как вы будете себя вести.

– Во всяком случае, в одном вы можете быть уверены: мы привыкли открыто и недвусмысленно выражать свое мнение, – крикнула мне вслед Джулия, в то время как я, громко захлопнув дверь их комнаты, быстро спускалась вниз по лестнице.

Глава III

Против шерсти

В тот же вечер у нас с Люси состоялся продолжительный разговор в нашей спальне. Я испытала столько волнений в связи с приездом девушек, что была рада облегчить душу в откровенной беседе с Люси. Мне казалось, что я могу ей довериться, памятуя о нашем знакомстве в Фолкстоуне; кроме того, простота ее обращения подействовала на меня успокаивающим образом.

– Что это вы так пристально меня рассматриваете? – спросила Люси, стоя среди комнаты в хорошеньком белом пеньюаре и расчесывая свои короткие вьющиеся волосы.

– Во-первых, – отвечала я, – я удивляюсь, почему у вас такая прическа – как у мальчика.

– А просто мне так очень нравится! – засмеялась она. – Подумайте, сколько времени я выгадываю! Я могу по крайней мере лишнюю четверть часа пролежать утром в постели, так как для моих волос достаточно только провести по ним несколько раз щеткой – и моя куафюра ¹ готова. Вообще, я поставила себе целью быть в жизни простой, рассудительной и полезной другим, не особенно заботясь о своей наружности. Я не наделена красотой, но нисколько не горюю об этом.

¹ Куафюра – прическа (от франц. *coiffure*).

Вот вы, Маргарет, очень хорошенькая.

– Перестаньте, пожалуйста, – перебила я, почувствовав, однако, что покраснела от удовольствия, так как я была очень самолюбива и легко поддавалась лести. Моя мама давно подметила во мне эту склонность и часто твердила мне: «Ты должна главным образом заботиться о развитии своего ума и о том, чтобы выработать характер, а о внешности не стоит хлопотать». Одно время она даже запрещала мне носить шляпу, которая, по общему мнению, очень шла моему лицу.

– Вы будете, по всей вероятности, высокого роста, стройная и грациозная, – продолжала Люси. – Будь я на вашем месте, я носила бы распущенные волосы; это очень бы вам шло. Я же сама даже очень довольна тем, что я не такая уж красивая и что мне не надо остерегаться загара и вообще обременять себя заботами о своей внешности. Но что такое с вами, Маргарет, вы все меняетесь в лице – то хмуритесь, то краснеете?

– Моя мама не желает, чтобы со мной говорили о моем облике, поэтому, Люси, прошу вас, перемените тему разговора.

– Ах, скажите, пожалуйста! Какая вы благодетельная девушка, просто удивительно! – снова засмеялась Люси. – О чем же вы хотели бы поговорить? – спросила она с напускной покорностью.

– Пожалуйста, только не смейтесь надо мной! – нетерпе-

ливо ответила я.

– Я что-то не понимаю вас, Маргарет. Вы какая-то странная – что ни скажешь, все вам не так. Но мы вчетвером скоро выбьем эту блажь из вашей головы.

– Поговорим лучше о других, а не обо мне, – попросила я, присаживаясь ближе к Люси. – И прошу вас, Люси, будьте снисходительны ко мне: я ведь совсем не привыкла к обществу сверстниц, я единственная дочь у родителей и росла в доме одна.

– Если вы будете смотреть на нас как на сестер, – отвечала она, – то мы все вас искренне полюбим.

– Я буду совершенно откровенна с вами, – призналась я. – Вначале, когда мама объявила мне, что вы все приезжаете сюда, я чуть с ума не сошла от волнения. У меня ведь никогда не было подруг, кроме Джека я ни с кем не дружила.

– Ах, это ваш брат? – спросила Люси.

– Да, мой милый, славный, единственный брат!

– У меня тоже только один брат – Фрэнк. Но я не скажу про него, что он милый и славный: иногда он бывает довольно-таки несносным, хотя все-таки он добрый малый. Мы с ним часто не в ладах, но тем не менее очень привязаны друг к другу.

– Я буду очень рада рассказать вам подробнее о Джеке, я обязательно покажу вам его карточку. А теперь...

– Что теперь? – переспросила Люси.

– Расскажите мне что-нибудь о Веде – она меня очень ин-

тересует.

– Я еще мало знаю ее, но она мне очень нравится. А вам?

– Я просто в восторге от нее.

– Ох, какая вы порывистая! Знаете что, я боюсь, что вам с вашей впечатлительной натурой придется испытать кучу неприятностей. Хорошо бы вам относиться ко всему проще.

– Что же делать, если я такая от природы, – ответила я. – Уж если я кого люблю, то люблю, если же ненавижу, то ненавижу от всей души.

– А меня вы сильно ненавидите? – спросила Люси.

– Нет, что вы! Вы составляете исключение. Я вас люблю, хотя, если честно, не скажу, что особенно сильно.

– Благодарю покорно, – ответила она. – Я, кажется, понимаю, что у вас на уме. Ну, а что вы, например, скажете про американок?

Я взглянула на нее, улыбнулась и, покачав головой, ничего не ответила.

– Ну, знаете, вам лучше постараться поладить с ними. Это отличные девочки! Они будут оживлять всю нашу компанию.

– Я, пожалуй, еще примирилась бы с ними, если бы они не гнусавили так ужасно и не одевались бы так смешно. Их выговор в нос просто невыносим!

– Но, согласитесь, в них есть что-то очень привлекательное. Они такие веселые! Ну а говорят в нос – что ж, так говорят все американцы. Может быть, когда они пробудут

несколько лет в Англии, то переймут у нас наши жеманные манеры.

– Жеманные манеры! – воскликнула я. – Что вы хотите этим сказать?

– Вы отлично понимаете, Маргарет, что я хочу сказать. Мы ведь, англичанки, держим себя ужасно натянуто; мы очень скрытные, и в нас много напускного. Я не говорю о таких девушках как Веда, которая держится с большим достоинством и в то же время с привлекательной непринужденностью. Я говорю вообще о большинстве английских девиц, как вы или я, например.

Поболтав еще немного, мы улеглись спать. Теперь я была уже не единственной обладательницей своей хорошенькой спальни – у меня появилась соседка. И под одной кровлей со мной спали милая Веда и две эти американки, которым суждено было стать моими мучительницами, но, с другой стороны, благотворно повлиять на мой своенравный и чересчур себялюбивый характер. Но это станет понятно из моего дальнейшего рассказа.

На следующее утро я проснулась, когда еще только рассветало. Люси, которой требовалось так мало времени на утренний туалет, еще спала крепким сном, и я не стала ее будить. Я вышла в сад, чтобы срезать цветы для украшения нашего чайного стола. Вдруг я услышала чей-то веселый голос и увидела приближающуюся ко мне Адель Спаркс. На ней было то же самое короткое, дурно сшитое платье, в котором

она приехала накануне; волосы были плохо причесаны, и вся она имела довольно неряшливый вид. Но при этом, однако, она производила приятное впечатление своим милостивым лицом и веселой непринужденностью.

– Доброе утро, мисс Паинька! – поздоровалась она.

– Пожалуйста, не называйте меня так, – обидчиво отозвалась я.

– Почему же не называть вас по имени, которое так вам подходит?

– Вы смеетесь надо мной, и мне это неприятно.

– Уж такая у нас манера, не взыщите! Впрочем, ведь и вы вольны посмеяться надо мной. Ну ладно, полно обижаться, давайте-ка мы лучше обойдем сад, и вы мне покажете все, что у вас тут есть хорошего. А кстати, скажите, как вы вообще намерены себя вести – наводить на нас тоску своим недовольным видом в этом очаровательном приходском домике, среди этой чудной природы, или все же вы позволите нам, девушкам из Калифорнии, вас немного растормошить?

– Из Калифорнии? – переспросила я. – А я думала, что вы приехали из Северных Штатов Америки².

– Мы довольно долго прожили в Бостоне, но родились мы в Калифорнии. Нас в Бостоне приучали к обществу, но именно в Англии на нас должны навести окончательный лоск. Ну-

² События, описанные в книге, происходят до Гражданской войны 1861–1865 годов, после которой южные штаты, в том числе и Калифорния, вошли в состав Соединенных Штатов Америки.

с, теперь очередь за вами: расскажите мне, как вы проводите время тут, в вашем счастливом английском семейном кругу?

– Как мы проводим время? – повторила я за ней. – Я думаю так же, как его обыкновенно проводят люди, занятые делом.

– Не говорите ерунды, мисс Паинька, ведь это у вас просто фраза. Есть разные способы проводить время; я хочу услышать про ваш глупый, скучный английский способ препровождения времени.

– Это не особенно лестный отзыв, – сдержанно сказала я, – но я отвечу на ваш вопрос, хотя едва ли вам покажется интересным то, что так нравилось мне.

– Все равно, рассказывайте все по порядку.

– До вашего приезда, – начала я, стараясь говорить спокойно, – я вела полезную и приятную жизнь. Я всегда вставала рано. Утром, если погода была не слишком холодной, я ухаживала за цветами в саду, собирала цветы для украшения нашего чайного стола...

– Она ухаживала за цветами в саду, – повторила Адель, удачно подражая моей манере говорить. – Как это мило! Ну-с, дальше, пожалуйста, это очень интересно, и, главное, какое это полезное дело!

– Если вы будете смеяться надо мной, то я не скажу больше ни слова!

– Продолжайте, продолжайте, я не буду смеяться.

– За утренним чаем мой папа обыкновенно читает нам

газетные новости о текущих событиях...

– Текущие события? И ваш отец читает новости вслух? Там, конечно, несколько полицейских заметок о разных происшествиях, о двух-трех грабежах, а на закуску – описание какого-нибудь интересного убийства!..

– Ах, как вы несносны! – воскликнула я. – И зачем только вы приехали сюда – чтобы все тут перевернуть вверх дном? Все равно вам здесь, у нас, не понравится, вам совсем не подходит та жизнь, какую мы ведем.

– Но раз уж мы здесь, то и нам, и вам придется мириться с этим фактом. Не глупите же, Маргарет, а лучше рассказывайте дальше. Итак, что же вы делаете после чтения текущих новостей?

– Потом я занималась с моей мамой, а после завтрака мы с ней вдвоем посещали наших прихожан.

– Это зачем? Чтобы раздавать им нравоучительные брошюры?

– Нет, чтобы просто побеседовать с ними... Но вам, вижу, это непонятно.

– Действительно, я не особенно-то понимаю, к чему все это. Но вы вот что мне объясните: когда же у вас тут начинается веселье?

– У нас весь день проходит в приятном времяпрепровождении.

– Вы меня удивляете! Неужели вы никогда не смеетесь, никогда не шалите, не поете и вообще не веселитесь от

души? Сохрани нас, Господи, и помилуй от такой жизни! Неудивительно, что вы такая благодетельная.

– Я до сих пор вела очень счастливую жизнь у себя дома, – возразила я.

– Тогда знаете, что я вам на это скажу? Вы и понятия не имеете о счастливой жизни! О! Как мы с Джулией тут все перевернем вверх дном! Через месяц вы сами себя не узнаете! Хотите, теперь я, в свою очередь, расскажу вам, как мы проводим наш день?

– Расскажите, если хотите, – ответила я, – только, судя по всему, ваш образ жизни едва ли заслуживает одобрения.

– Скажите, пожалуйста! А все-таки, мисс Паинька, выслушайте меня. С самого утра, как проснемся, и до вечера мы все время бездельничаем. Мы поедаем несметное количество сладостей, болтаем, резвимся, попадаем в различные передраги, рвем наши платья, танцуем, скачем, рассказываем друг другу сказки. Вот подождите, вы услышите, как мы хохочем! Увидите, как мы пустимся в пляс! Как мы будем пожирать наши шоколадные карамельки! Ах, Маргарет, не будьте такой жеманной! Признайтесь, что это гораздо интереснее, чем ваши поучительные беседы со скучными прихожанами. Мы, да будет вам известно, просто резвушки, вот мы кто! Мы буяны, настоящие буяны! Конечно, иногда приходится подчиняться воле старших и даже стараться быть добродетельными, как вы, но находить в этом удовольствие – извините! Да, немало вам будет с нами хлопот, с чем вас

и поздравляю!

– Вам определенно нельзя будет вести себя так, как вы говорите, здесь, в нашем доме, – строго объявила я. – Вам придется взяться за серьезные занятия и подчиниться установленным в доме правилам. Мне очень жаль вас, Адель. Вам отнюдь не понравится наш английский образ жизни.

Она залилась веселым смехом и шутливо обхватила меня за талию.

– Ну, там еще посмотрим, что будет. А пока солнце сияет, и сегодня дивное утро. Давайте вальсировать! – она увлекла меня за собой, и в одну минуту я, благовоспитанная и чопорная Маргарет Гильярд, помимо своей воли закружилась в вальсе по зеленому лугу, все ближе и ближе к нашему дому.

– Перестаньте! Оставьте меня, Адель! – кричала я, упираясь, но Адель продолжала кружиться со мной – до самого нашего окна в столовой, где мой папа, мой дорогой, милый папа ожидал нас.

– А вот и мы! – весело объявила Адель, входя в столовую. – С добрым утром, сэр. Ну, что новенького в ваших газетах? Вероятно, там есть описание какого-нибудь интересного местного события, вроде воровства или убийства? А вы, Маргарет, кажется, запыхались. Однако этот вальс несомненно очень полезен для вас!

– Идите пить чай, милые мои, – пригласил папа, бросив недовольный взгляд на мои растрепанные волосы.

Адель направилась прямо к стулу рядом с отцом и со сло-

вами: «Можно сесть около вас, сэра?» уселась на мое излюбленное место за обеденным столом. Я ожидала, что папа скажет ей, что это «стул Маргарет», но он и не подумал этого сделать.

– Пожалуйста, сэра, – начала Адель, – мне хотелось бы знать... – и, к моему изумлению, она забросала отца вопросами о фактах, которые в то время волновали умы англичан, интересовавшихся политикой.

Отец дал обстоятельные ответы на ее вопросы, пока мама наливала ей кофе. И никто из присутствующих не обращал внимания на то, что я сидела не на своем обычном месте и злилась, как кошка, которую погладили против шерсти.

Глава IV

Откровенные разговоры

Не знаю, право, как это вышло, но все девицы устроились у нас в доме как нельзя лучше, а я очутилась на заднем плане, и это меня страшно обижало. С самого начала я поняла, что этого никогда бы не случилось, и я по-прежнему главенствовала в доме, если бы не Адель и Джулия Спаркс. Но они без лишних слов ухитрились отвоевать мое место и выставить меня в невыгодном свете. Я была уверена, что они постоянно судачили обо мне и посмеивались надо мной. Надо сказать, что я во всем любила придерживаться известного, с давних пор усвоенного порядка. Я очень заботливо относилась к своим вещам; мои шкафы и ящики комода могли служить образцом чистоты и опрятности. Я так искусно умела штопать чулки, что почти невозможно было отличить заштопанные места от цельных. Я умела шить белье, вязать крючком и спицами, вышивать тонкие узоры. Моя мама часто говорила, что у меня есть художественные способности; хотя я никогда не училась рисовать или писать красками, но эти способности проявлялись в моем умении самой составлять рисунки лилий, нарциссов и роз на сукне и на других тканях, а также подбирать тон шелка или шерсти для вышивки.

В августе месяце у нас в приходе устраивался базар, и мы

с мамой были очень заняты приготовлением различных безделушек для него; мы полагали, что приезжие девицы тоже примут участие в этих приготовлениях. Я с некоторой гордостью показала им несколько изготовленных мной для базара работ. И что же? Адель ухитрилась тотчас же сбить мою спесь:

– Очень мило, – сказала она довольно пренебрежительным тоном. – Тени подобраны очень недурно, но знаете, у нас в Америке... – И тут последовал длинный рассказ о том, какие удивительные рукодельные работы выставляются на базарах в Бостоне. К концу ее увлекательного рассказа остальные девицы уже не интересовались больше моими работами, и даже я сама перестала считать себя такой искусницей по части вышивания, как думала раньше.

Впрочем, то же самое относилось и ко всем другим моим талантам. Уж, кажется, я была такая мастерица ездить верхом, но Адель легко превзошла меня, вскочив на моего Бобби без седла и заставив этого довольно ленивого шотландского пони скакать таким галопом, что его сонные глаза заблестели от азарта. Ему вовсе не нравилось такое бесцеремонное обращение, но он тем не менее охотно подходил к Адели, когда она подзывала его к себе, и тыкался мордой в ее руку. Я и так была ужасно зла из-за наших новых порядков, но когда эта противная Адель завладела сердцем моего милого Бобби, то я почувствовала себя совершенно несчастной.

Хуже всего было то, что и Адель, и Джулия, несмотря на то, что они часто нарушали распорядок нашей домашней жизни и довольно небрежно относились к своим занятиям, все-таки не делали ничего такого, за что их можно было бы серьезно бранить. Большею частью наша учительница была ими довольна. У Адели оказался большой талант к музыке, и она свободно читала ноты с листа. А что касается танцев, то их умение выделять различные па возбуждало всеобщий восторг. Даже папа с мамой стали расхваливать Адель и Джулию, они говорили, что эти девочки очень оживляют наш старый дом, и их пребывание у нас принесет мне огромную пользу. У нас было несколько соседей, с которыми мы были дружны; они заходили навестить маму и посмотреть на наших гостей. Они восхищались Ведой, скептически смотрели на американок, но дружно повторяли: «Как это хорошо, что у Маргарет есть такие подруги!» Ах, как я злилась на такие замечания! Иногда мне казалось, что я готова сойти с ума... Мне некому было излить свою душу, так как Люси была полностью увлечена этими несносными американками, а Веда все еще не проявляла ко мне особого расположения. Сама она всегда вела себя необыкновенно тактично; она мало говорила, но пленяла всех своей милой улыбкой и нежным голосом.

Однажды, спустя уже месяц после приезда девушек, когда в доме установился новый порядок и все у нас, по моему мнению, пошло кувырком, я сидела с Люси в нашей класс-

ной комнате.

Мы были дома одни: Адель и Джулия поехали кататься с моей мамой, а Веда качалась на гамаке в саду. Я смотрела на нее из окна и любовалась ее грациозной позой и ниспадающими на плечи локонами. Люси в это время вполголоса твердила свой французский урок. Эта манера заучивания урока донельзя раздражала меня, и я заткнула уши пальцами, чтобы не слышать ее бормотанье.

Так прошло некоторое время; вдруг Люси подскочила ко мне и, приложив губы к самому моему уху, крикнула во все горло:

– Ну-с, вы, лентяйка! Я кончила свой урок!

Я в негодовании вскочила с места.

– Пожалуйста, никогда не позволяйте себе таких шуток со мной! – вскричала я. – Вы совсем оглушили меня, вы могли повредить мне барабанную перепонку!

– Вот уж вздор-то! – отвечала Люси. – А зачем, спрашивается, вы заткнули уши? Не было никакой надобности этого делать. В итоге вы сами заставили меня кричать так громко...

– Нет, была надобность, – возразила я. – Разве можно выучить эту страницу из Расина³, когда вы тут все бормочете одну и ту же фразу из вашего урока. Это мне ужасно мешало! Знаете, Люси, мне кажется, что вы вообще очень невнимательны к другим.

³ Жан Расин (1639–1699) – знаменитый французский поэт и драматург.

– Так вы бы просто мне сказали, я бы и перестала. Какая вы странная, Маргарет! Вы мучаетесь, терзаетесь, но никогда ничего не скажете. Это невыносимо! Вы воображаете, что мы ничего не замечаем, однако мы все прекрасно понимаем. И вы совершенно напрасно делаете из мухи слона.

– Что вы хотите этим сказать? – покраснев, спросила я.

Люси отошла от меня и остановилась у открытого окна.

– Веда тоже замечает, что вы чем-то недовольны, – сказала она, – и очень этим опечалена. Она отчасти входит в ваше положение и очень жалеет вас.

– Жалеет меня? – переспросила я и почувствовала, что краска на моем лице сменилась бледностью.

– Конечно, жалеет: она видит, что вы страдаете. Но мы ведь не напрашивались к вам, этого пожелала сама ваша мама. Мы думали, что вы примете нас как сестер. А вместо этого...

– Ах, не говорите, пожалуйста! – сказала я недовольным тоном. – Я стараюсь побороть себя, но просто не могу, я не в силах...

И я ударилась в слезы. На открытом, честном лице Люси Драммонд появилось выражение недоумения.

– Так не лучше ли тогда нам просто уехать от вас? – сочувственно спросила она.

– Нет, это невозможно. Мои отец и мать хотят, чтобы вы оставались здесь, а я...

– А вы ненавидите всех нас, не так ли?

– Нет-нет, нисколько, ни вас, Люси, ни Веду. Мне даже очень нравится Веда. Если бы я поближе сошлась с ней, то, наверное, полюбила бы ее.

– Вы тоже очень нравитесь Веде. Она часто говорит со мной о вас, последний раз – не далее как сегодня утром; она тоже хотела бы сблизиться с вами.

– Веда хотела бы подружиться со мной?

– Да, но она говорит, что вы сторонитесь ее. Веда не такая, как многие девушки, – ей многое пришлось испытать в своей жизни.

– Да, она рассказывала мне кое-что. Она тоже была единственной дочерью в семье, и я тогда подумала, что это обстоятельство послужит к нашему сближению. Но мне как-то все не удается подружиться с ней.

– Так ведь вы сами избегаете любого сближения. Повторяю, вы все время из мухи делаете слона. Вы представляете себя несчастной, а должны бы считать себя самой счастливой девушкой в мире!

– Что за глупости вы говорите! – возразила я, хотя была довольна возможностью откровенно поболтать с Люси.

– Нет, вовсе не глупости, – ответила она. – У вас такой чудный дом, отец ваш – замечательный человек, каких мало на свете, ваша мать – прелестная, дельная, добрейшая женщина, у вас в доме полнейшее довольство, а теперь у вас есть еще и подруги!

– Я была счастливее дома одна, до вашего приезда к нам, –

проговорила я.

– Может быть, вы и были счастливее, но это счастье со временем стало бы не таким уж прочным. Вы просто превратились бы в сварливую, занятую исключительно одной собой старую деву. Я могу себе представить, как вы заботились бы только о чистоте ваших комодов, о своей прическе, как ухаживали бы за вашими цветами, как занимались бы вашими вышивками, а больше ничего вам и не было бы нужно на свете. О, вы должны еще благодарить свою судьбу, что мы вовремя приехали сюда!

– Да я ничего не имею против того, чтобы вы жили у нас, Люси, – откровенно ответила я. – Я уступила вам половину своей комнаты; я стараюсь не обращать внимания на то, что вы повсюду разбрасываете свои вещи и небрежно обращаетесь с вашими лентами, перчатками и платьями... И уж, конечно, никто, кажется, не мог бы тяготиться присутствием Веды, потому что она и в самом деле такая рассудительная и милая. Но вот эти американки!.. Эта Адель – ужасная неряха, платья на ней сидят безобразно. Да и Джулия ничуть не лучше! Но обе они первенствуют тут, у нас в доме, так что во всем приходится им уступать...

– Ага, так вы просто ревнуете! Это же ясно как день, – насмешливо сказала Люси.

– Нет, не ревную. Впрочем, пожалуй, вы и правы. Мне просто обидно видеть, как мой отец громко и от души смеется над глупыми остротами этой противной Адели.

– Она вовсе не глупа, она очень даже остроумна, – серьезным тоном возразила Люси.

– Ах, Люси и вы не лучше других! Ну, одним словом, делайте что хотите, но я просто не в состоянии восторгаться этими девицами: и говорят они в нос, и манеры у них неприличные... Если бы можно было как-нибудь избавиться от них, то я всей душой привязалась бы к вам и к Веде.

– Ну, они-то меньше всего думают о том, чтобы уехать от вас. Впрочем, говоря откровенно, я думаю, что именно эти американки и принесут вам больше всего пользы во многих отношениях, то есть в том случае, если вы победите себя и отнесетесь к ним менее враждебно, – продолжала Люси. – Но вот что, Маргарет, идите-ка и поговорите откровенно с Ведой. Смотрите, какая она милая там, в гамаке.

Но в эту минуту я отнюдь не была расположена последовать совету Люси: она тоже погладила меня против шерсти. Я ничего ей не ответила, но, убедившись в том, что уже не в состоянии снова засесть за своего Расина, я закрыла книгу, аккуратно сложила свои учебники и отправилась из классной в свою комнату.

Увы! Она уже не была вполне моей собственной комнатой; половина ее принадлежала Люси; хотя ее и можно было принять за образец аккуратности по сравнению с американками, но она все-таки далеко не отвечала моим представлениям о порядке и опрятности. Сейчас, например, на ее постели валялась пыльная и затасканная матросская шляпа,

возле нее брошена пара перчаток, скомканный галстучек валялся тут же. Ее туалетный столик был весь в пыли; щетка и гребенка не были убраны в ящик столика. Все это можно считать пустяками, но меня это страшно раздражало, в особенности, когда вдобавок я увидела, что в одном из ящиков ее комода в беспорядке напихано столько разных вещей, что ящик с трудом закрывался. Я открыла один из ящиков своего комода и не без гордости осмотрела свои аккуратно сложенные вещи.

Причесавшись, надев шляпу и садовые перчатки, я побежала вниз. В моем распоряжении было ровно два часа до того времени, когда мне предстояло вернуться домой к чаю. «Как я проведу это драгоценное свободное время?» – задала я себе вопрос. Я вышла в нашу библиотеку и на минуту остановилась у открытого окна. Теперь и в этой комнате уже не было прежнего порядка, и тут виднелись следы нашествия приезжих девушек. День был жаркий, и сад выглядел нарядно и празднично. Веда по-прежнему качалась в гамаке, и ее белое платье красиво выделялось на фоне зелени. У меня промелькнула мысль: не пойти ли к ней в сад и, встав возле нее, сказать: «Веда, я здесь, – я, Маргарет Гильярд, никем не понятая девушка. Сжальтесь надо мной и откройте мне тайну, которой вы обладаете, – как всегда иметь такое счастливое лицо и такую ясную улыбку?»

Я почти уже решила подойти к Веде и сказать ей что-нибудь в этом роде, и тогда, возможно, мне удалось бы из-

бежать всех моих последующих злоключений, и у меня на совести не лежал бы тот дурной поступок, в котором я так раскаиваюсь. Но как раз в ту минуту, когда я обдумывала, как начать разговор с Ведой, к ней через луг подбежала Люси. Вид Люси с ее красным лицом и черными пронизательными глазами, а также вся ее нескладная фигура почему-то охладили мой порыв.

«Какая она непоследовательная, – с раздражением подумала я. – Она же прекрасно поняла, что мне хотелось бы поговорить по душам с Ведой. Сама же и уговаривала меня решиться на это, и вдруг теперь, как раз когда я уже решила подойти и откровенно объясниться с Ведой, с этой милой, хорошей девушкой, у которой, наверное, чуткая душа, она появляется как будто нарочно, чтобы помешать мне выполнить мое благое намерение. Ну что ж, хорошо, раз они такие закадычные подруги, пусть себе дружат. Только я не позволю им болтать обо мне за моей спиной! Я догадываюсь, что они в эту минуту говорят именно обо мне; по всему видно, что Люси не утерпела и полетела пересказать Веде наш разговор. Это невыносимо!»

И я в одну секунду очутилась возле них.

– Ах, вот и вы, Маргарет! – воскликнула Люси. – Я только что сообщила Веде, что вы...

– Что вы сообщили Веде? – спросила я холодным, вызывающим тоном.

– Я сказала ей только, что вы хотели бы побеседовать с

ней, и она...

Веда поднялась с гамака, отряхнула свое платье, сдвинула шляпу со лба и посмотрела на меня своими чудными, ясными карими глазами.

– Не пойти ли нам прогуляться в лес, Маргарет? – спросила она своим ласковым голосом. – Я с большим удовольствием прошлась бы с вами.

– Нет, я не могу идти с вами, – ответила я, вовсе не думая о том, что могу обидеть ее своим ответом. – Идите лучше с вашей Люси! Там вы можете продолжать ваш интересный разговор обо мне, там никто вам не мешает. Идите, пожалуйста, я не буду вас задерживать!

– Что вы хотите этим сказать? – спокойно обратилась ко мне Веда.

– Я прекрасно знаю, какого все вы мнения обо мне, – отвечала я, – и я вам прямо скажу, что мне это совершенно безразлично. Я ни с кем из вас не намерена дружить. И я не понимаю ни вас, ни вашу манеру держаться со мной. Что вы так удивленно смотрите на меня? Да, я знаю, что я, по вашему, – самолюбивая и злая. Можете толковать об этом сколько вам угодно, только знайте, что мне решительно нет никакого дела до этого!

Не успела я произнести эти слова, как, разумеется, уже пожалела о своей вспыльчивости. Но я была в каком-то иступлении и не вполне сознавала, что говорила. Я с самого детства была подвержена сильным припадкам гнева, иногда

по самому ничтожному поводу. Правда, в течение последних лет я в значительной степени избавилась от таких вспышек. И вот теперь снова не сдержалась...

В черных глазах Люси загорелся гнев, но Веда смотрела на меня с грустью. Я была не в силах выносить ее взгляд и убежала.

Вскоре, запыхавшись, я остановилась в роще, которая тянулась на несколько миль вокруг нашего дома.

Я всегда любила лес, любовалась ветвистыми дубами и буковыми деревьями. Прохаживаясь теперь под их сенью, я вспомнила выражение лица Веды и от души пожалела о том, что так обидела ее.

«Кажется, я становлюсь совершенно невыносимой, – подумала я. – Если так будет продолжаться, то мне надо будет поговорить с отцом. Я скажу ему, что эти девицы должны уехать от нас, или же я сама уеду из дома, потому что я уже действительно больше не могу их терпеть. Ах, Боже мой! Как бы я хотела с кем-нибудь посоветоваться, поговорить по душам!»

И только я так подумала, как вдруг увидела среди деревьев Сесилию, собиравшую в свой передник валежник для очага. На руке у нее висела корзинка, наполненная чудными полевыми лютиками.

– Ах, это ты, Сесилия! – вскричала я и побежала к ней. Кажется, никогда в жизни я так не радовалась встрече, как теперь, когда увидела свою прежнюю любимую подружку. –

Как я рада тебя видеть! – продолжала я и, обвив руками шею Сесилии, разразилась горячими слезами.

– Полноте, мисс Мэгги! – утешала меня Сесилия. – Да что это такое с вами, говорите же скорее, милая мисс Мэгги! Что случилось?

От волнения Сесилия выронила из передника собранный ею хворост, корзинка свалилась с ее руки и опрокинулась, цветы рассыпались по траве.

– Ах, да что же это с вами, мисс Мэгги? – повторила она. – Не плачьте, пожалуйста! Да что же это такое?..

– Я несчастна, совсем, совсем несчастна! Сердце мое разрывается! – с трудом выговорила я и, сев на землю, продолжала плакать – до тех пор, пока слезы не иссякли.

Сесилия присела рядом со мной.

– Перестаньте же, мисс Мэгги, – она обнимала меня и успокаивала своим ласковым, нежным голоском.

Наконец я приподняла свое заплаканное лицо с опухшими от слез глазами.

– Дай мне твою руку, Сесилия, – попросила я, и милая девочка крепко обняла меня и прижала мою голову к своему плечу. Это подействовало на меня успокаивающе. В эту минуту мне и в голову не приходила мысль, что я – дочь пастора Гильярда, а она – дочь лесничего. Я могла кичиться своим положением в прежние, счастливые дни, но теперь, когда со всех сторон, как я себе представляла, ко мне относились недружелюбно, я была невыразимо тронута участием бедной

маленькой Сесилии.

– Ну вот, так-то лучше, – сказала Сесилия, заметив, что я перестала плакать. – Вы меня ужасно напугали. Что же такое с вами случилось?

– Ты меня любишь, не правда ли, Сесилия?

– Конечно, очень люблю, милая мисс Мэгги. О, мисс Мэгги, вы меня тогда точно ножом в сердце кольнули, помните, с месяц тому назад, когда сказали, что у вас будут новые подруги и что вы больше знатья со мной не хотите.

– Да, это было очень глупо с моей стороны, – призналась я. – Я люблю тебя больше всех других моих подруг, Сесилия!

– Ах, неужели вы говорите правду? Вы не поверите, как вы меня утешаете этими словами!

– Да почему же? – спросила я, глядя на нее с удивлением. – Ведь мы так редко видимся с тобой.

– С меня достаточно хотя бы издали смотреть на вас и знать, что вы относитесь ко мне по-прежнему, – с улыбкой ответила Сесилия.

Ее слова польстили моему самолюбию, и я, утерев следы слез, проговорила:

– Может быть, это неразумно с моей стороны, но все равно меня радуют твои слова. Мне очень приятно слышать, что ты так любишь меня, Сесилия.

– Да я не только люблю, я просто обожаю вас, – повторила Сесилия. – После нашего последнего свидания я все ночи не могла заснуть из-за слез. И мама мне сказала, что если я

буду так сокрушаться, то она пойдет к вам и расскажет обо всем вашей мамаше. Но мы с мамой все же думали, что вы не хотели меня обидеть понапрасну, и что вы все же хоть немножко да любите меня, милая мисс Мэгги.

– Да, я к тебе очень привязана, Сесилия, – сказала я, – и очень рада, что и ты меня любишь. Мы должны непременно видеться с тобой, хотя бы время от времени. Тогда я думала, что буду занята этими приезжими девицами и мне некогда будет встречаться с тобой, но, оказывается, я ошибалась. Теперь я убедилась, что эти девицы вовсе не годятся мне в подруги.

– Они, должно быть, все препротивные, – вставила Сесилия.

– Ну, нет. Я прежде всего должна быть справедлива. Одна из них, которую зовут Люси Драммонд, хорошая девушка, и есть еще другая, Веда Конвей, – прехорошенькая и очень умная.

– Ах, да, я видела ее, видела! – воскликнула Сесилия. – Такая недоступная и холодная девица, не правда ли?

– О нет, нисколько! Ты ведь, вообще-то, немного видела молодых барышень и не имеешь понятия о том, какие из них хорошие, а какие – нет.

– Вот вас я знаю, мисс Мэгги, и знаю, что вы самая красивая и изящная барышня, какую только можно себе представить.

– Перестань, пожалуйста, Сесилия, – самодовольно улы-

баясь, прервала я подругу. – Однако ты отлично умеешь подольститься!

– Я нисколько не лъщу, а говорю сущую правду.

– Во всяком случае, мне очень приятно, что я могу высказать тебе откровенно, что у меня на душе. Из этих девиц мне особенно ненавистны две американки...

– Я сразу угадала, что они не англичанки! – вскричала Сесилия. – Я видела их в церкви и сказала потом своей маме: «В жизни не видела таких пугал, как эти две приезжие барышни в их коротеньких платьях! Никогда на свете не поверю, чтобы моя милая мисс Мэгги могла с ними подружиться!» Так я прямо и сказала, можете спросить у мамы, если не верите.

– Да, они ужасные, – согласилась я. – Невоспитанные и очень неприятные девицы...

– Я видела час тому назад, как ваша мамаша проезжала мимо нашего дома, и эти американки сидели с ней в вашем кабриолете. Ваша мамаша была так весела и ласкова с ними, – продолжала Сесилия.

– Ах, не говори мне про них, пожалуйста! Я хотела бы вообще позабыть, что они существуют на свете!

– И это самое лучшее, мисс. Но мне-то чем же вас утешить?

– Для меня уже и то утешение, что есть человек, который меня понимает и сочувствует мне. Я хотела бы почаще встречаться с тобой, Сесилия, например, здесь, в лесу. Только ты

не должна никому говорить об этом!

– Это будет тайной между нами! Вот это мне очень нравится! – сказала она с сияющими от радости глазами.

– Я буду приносить тебе сюда книжки с рассказами. Возможно, иногда принесу фрукты с нашего стола или какие-нибудь красивые цветы из нашего сада.

– Ах, мисс, мне решительно ничего не нужно, кроме вас самой! Я буду ходить сюда каждый день и надеяться, что, может быть, случайно встречу вас.

– Пожалуйста, Сесилия. А я буду приходить, как только у меня появится возможность. И если ты меня здесь не найдешь, то знай, что меня задержали дома. Для меня всегда будет приятно поболтать с тобой, поделиться своими впечатлениями.

– Да, да! Вы должны все мне рассказывать, мисс, все, что вас касается!

– Я тебе расскажу все, чем захочу с тобой поделиться. И, кажется, найдется немало, потому что я очень несчастна...

– А я вот зато теперь вполне счастлива! – объявила Сесилия. – С тех пор как вы обещали быть откровенной со мной, для меня опять засияло солнышко и мое сердце радуется. Вот удивится моя мама!

– Но помни, Сесилия, что все, что я буду тебе рассказывать, должно храниться в строжайшей тайне!

– Да у меня скорее язык отсохнет, чем я проговорюсь.

– Я надеюсь, что могу на тебя положиться. Теперь, когда

я знаю, Сесилия, что ты ко мне так привязана и что я могу откровенно говорить с тобой, мне уже гораздо легче.

– Да и верно, мисс. Все эти приезжие барышни ужасно неприятные, все до единой!

– Положим, некоторые из них – да, но не все они одинаково несносны. Но дружить с ними я, однако, ни за что не стану. Ну ладно, Сесилия, прощай. Ты очень утешила меня, я тут с тобой облегчила свою душу. Можешь поцеловать меня еще раз на прощанье.

Сесилия принялась крепко обнимать меня и всячески уговаривала принять от нее собранные ею полевые цветы, но я все-таки отказалась. Она собрала свой валежник и удалилась; я следила за ней, пока она не скрылась за деревьями.

«Бедная маленькая Сесилия! – подумала я. – Она так любит меня! Только она понимает и жалеет меня!»

Теперь, когда я чувствовала себя несчастной и, как сама воображала, всеми покинутой, я уже не попрекала Сесилию ее низким происхождением.

Насколько же я была самолюбива и склонна к лести!..

Глава V

Письмо Джека

Я вернулась домой позже, чем следовало. Занятая мыслями о Сесилии, вспоминая ее приятный голос и лестные слова, так успокоительно подействовавшие на мое ожесточенное сердце, я медленно шла лесом по направлению к дому. В сущности, Сесилия оказывала на меня вредное влияние, так как своими неблагоприятными, хотя и приятными для моего самолюбия словами она усиливала во мне чувство обиды, которого я не должна была бы питать, и своими льстивыми похвалами подогревала мое ложное чувство отчужденности от близких мне людей. Я много думала и о ней, и о своих собственных горестях.

В итоге я вернулась домой, когда чаепитие уже закончилось. Обязанность разливать чай обычно лежала на мне, и я, слыша веселые голоса собравшихся за чайным столом, невольно задала себе вопрос: кто в мое отсутствие мог бы заменить меня?

«Ну, вот, – подумала я, – я еще только приближаюсь к дому, но уже слышу эти противные гнусавые возгласы американок, громкий, грубый голос Люси и благовоспитанный до приторности голос Веды. Я всех, всех их одинаково ненавижу и не знаю, кто из них мне противнее!»

Такие рассуждения волновали меня, пока я еще находилась по ту сторону изгороди, отделявшей лес от нашего сада и дома; заглянув поверх изгороди, я увидела всех моих товарок на лугу перед домом. Они сидели у столика, на котором стояли чайник, чайные приборы и тарелки со сладким домашним хлебом. Вечер был удивительно хорош, и девушки, очевидно, попросили маму позволить им пить чай в саду.

«Только этого недоставало! – подумала я. – Мама никогда, никогда, сколько я помню, не позволяла мне пить чай в саду раньше чем в июне, и вот теперь она изменила своему правилу только потому, что эта ужасная Адель или же отвратительная Джулия пристали к ней. Чем дальше, тем все идет хуже и хуже!»

Первой моей мыслью было незаметно пробраться по задней дорожке сада прямо в дом, но вдруг я почему-то раздумала. Поблизости от изгороди, к которой я прислонилась, находилась маленькая, старая, полуразвалившаяся беседка. Если я заберусь в эту беседку, подумала я, то смогу, оставаясь незамеченной, подслушать разговор девушек. Я даже несколько не удивилась и не возмутилась, когда мной овладел соблазн подслушать чужой разговор. С самого приезда к нам этих девиц во мне зародились такие нехорошие, завистливые чувства, что я уже была готова к любым неблагоприятным поступкам. Не далее как месяц тому назад если бы кто-либо посмел сказать, что я, Маргарет Гильярд, позволяю себе тайком подслушивать чужие разговоры, то этому человеку не

поздоровилось бы! А теперь, едва только эта мысль успела зародиться во мне, как я уже была готова ее осуществить. Я перелезла через изгородь, зашла в беседку и уселась на старую сломанную скамейку.

«Я непременно должна знать, о чем они говорят, – думала я. – Наверное, они тут будут говорить обо мне не стесняясь, и когда я узнаю, какого они мнения обо мне, то буду знать, как мне самой держаться с ними. Я делаю это только для самозащиты, – оправдывалась я перед самой собой, – и, следовательно, в моем поступке нет ничего дурного».

Нисколько не подозревая о моем присутствии поблизости, девушки вели очень оживленный разговор. Прежде всего до меня долетел громкий голос Адели с ненавистным мне выговором.

– Разумеется, мы с Джулией можем устроить это, – говорила она. – Нам часто приходилось играть на сцене в кружке наших друзей, и мы с удовольствием поставим какую-нибудь пьесу.

– Это будет очень весело, – обрадовалась Люси, – я уверена, что это всем понравится. И притом это будет что-то новенькое. Если бы вы и Джулия сейчас же начали готовиться, это было бы великолепно.

– Мы можем приняться за дело не откладывая, – отозвалась Адель. – Я хотела бы хоть чем-нибудь доставить удовольствие нашим милым хозяевам и показать им, что мы глубоко благодарны за их внимание к нам.

Тут вмешалась в разговор Веда:

– Да, постарайтесь показать им, как искренне мы их полюбили и как благодарны им за все!

– Ах, это будет великолепно! – воскликнула Адель, вскочив со своего места. – Я очень люблю декламировать стихи, я вообще люблю всякие сценические представления. Хотите послушать? Я прочту вам монолог «Наш боевой клич».

Тут Адель быстро сняла свою шляпку и бросила ее на траву; потом она вынула гребенку из волос, которые широкой волной спустились на ее плечи. На минуту она замолчала, приподняв голову и устремив глаза к небу. Потом из ее уст полились прочувствованные слова известного американского поэта ⁴.

Девушка воодушевилась и, казалось, совершенно преобразилась под влиянием этого вдохновенного призыва к освобождению людей из рабства.

Вникая в смысл ее речи, я забыла про свою ненависть, забыла, что она не англичанка, а ненавистная мне американка; я сознавала только одно: что она произносила такие возвышенные, полные глубокого смысла слова, что даже мой отец мог бы избрать их темой для проповеди.

Несколько секунд я простояла, не двигаясь, пока слушательницы громко выражали Адели свое восхищение. Я уже намеревалась выйти из беседки, но как раз в эту минуту насмешливое замечание Джулии заставило меня остановиться:

⁴ Имеется в виду Генри Уодсуорт Лонгфелло (1807–1882).

– Знаете что? – сказала она. – Если я не ошибаюсь, там, в старой беседке, должно быть, прячется кошка! Я сейчас посмотрю, что там такое шуршит.

Никто не обратил особого внимания на ее слова, и она одна подошла к беседке. Джулия заглянула внутрь и увидела меня... Она не проронила ни слова, только своим взглядом как будто пронзила меня насквозь. Затем она удалилась и села на прежнее место среди остальных девиц.

– Ну что, Джулия, нашла кошку? – услышала я вопрос Адели.

– Нет, мне показалось, – ответила Джулия. – Пойдемте в дом. Мне что-то надоело сидеть здесь, в саду. Когда я долго остаюсь на воздухе, у меня начинает болеть голова.

Адель встала, и обе девушки, взявшись под руки, направились к дому. Веда и Люси, однако, остались сидеть на своих местах, а я не смела пошевелиться, опасаясь, чтобы они, как и Джулия, не заметили меня.

– Хотела бы я знать, где сейчас находится Маргарет, – донесся до меня голос Веды.

– Ах, какое вам дело до нее, – отвечала Люси. – Но что это с вами, Веда, вы кажется, чем-то расстроены?

– Я, право, не знаю, но мне как-то не по себе. Но что за чудный монолог! Какая великолепная актриса могла бы выйти из Адели!

– Да, она мастерски декламирует, и каждое слово у нее глубоко прочувствовано. Как бы я хотела, чтобы Маргарет

поняла и оценила ее! У Адели точно две натуры: иногда она кажется вполне заурядной шаловливой девчонкой, а иногда она вдруг делается такой вдумчивой и сердечной.

– И про Джулию можно сказать то же самое, – заметила Веда. – Мне кажется, в них обеих много действительно выдающихся качеств, достойных всяческих похвал. Мне тоже хотелось бы, чтобы Маргарет их полюбила. Вообще я очень жалею Маргарет, – добавила Веда. – Ведь мы не должны забывать, что наш приезд был для нее жестоким ударом.

– Жестоким ударом! – вскричала Люси. – Какая ерунда! Ради Бога, Веда, не надо сентиментальничать насчет Маргарет и ее припадков ревности.

Веда ничего не ответила на это, и обе девушки пошли к дому.

Наконец голоса девушек сменились тишиной, но я все не выходила из беседки. На меня напал страх. Джулия видела меня, она поняла, что я притаилась в беседке, чтобы подслушать, о чем они говорят, и заметила мое сконфуженное, покрасневшее лицо. Я ожидала, что она громко вскрикнет, чем заставит меня выйти и показаться перед всеми. Но она пощадила меня...

«О, конечно, я была неправа! – сказала я сама себе. – Это было какое-то безумие, зачем только я спряталась в этой беседке! Я не понимаю, что со мной случилось. Теперь я в полной власти этой ненавистной Джулии! Теперь она может заставить меня делать все, что захочет, – ведь я скорее готова

умереть, только бы мои родители не узнали, что я унизилась до подслушивания!»

Я оставалась в беседке почти до самого обеденного времени и только потом пошла в дом. Я испытывала смешанные чувства стыда и страха, поднимаясь наверх, в свою комнату. Конечно, и Люси, и Веде все уже было известно. Правда, Джулия была столь любезна, что не объявила во всеуслышание, как она застала меня в беседке, но теперь, наедине с остальными девицами, она, конечно, скажет им все.

Я быстро вошла в свою спальню. Если бы Люси было известно, что произошло в беседке, и если бы она начала укорять меня, то я решила прямо сказать ей, что мое положение в доме невыносимо, и что я подслушала их разговор только в целях самозащиты; затем я объявила бы ей, что она и ее подруги могут думать обо мне все, что им угодно, так как мне это решительно безразлично. Однако одного взгляда на спокойное лицо Люси было достаточно, чтобы убедиться, что ей пока еще ничего не известно о моем проступке.

– Как вы сегодня опаздываете, – спокойно заметила она своим обычным тоном. – Уже был первый звонок к обеду, а через минуту-другую будет второй. Не помочь ли вам, Маргарет? Хотите, я поправлю ваши волосы?

– Благодарю, – холодно ответила я, – я и сама могу справиться, – и тотчас же прошла на свою половину спальни.

Ах, какой же нехорошей я становилась! Люси ничего мне не ответила, но было слышно, что она многозначительно

вздохнула. Я тоже не промолвила ни слова, но с нескрыва-
емым презрением посмотрела на беспорядок, царивший на
ее половине комнаты. Я переоделась в светлое платье, кото-
рое всегда надевала к обеду, пригладила свои вьющиеся чер-
ные локоны и надела голубой пояс. Покончив со своим туа-
летом, я стала у открытого окна и вскоре услышала, как Лю-
си подходит ко мне сзади. Теперь мне кажется, что стоило
мне обернуться к ней в эту минуту, как она приласкала бы
меня, и тогда едва ли приключилось бы все то, что произо-
шло впоследствии. Но я не двигалась с места, а наоборот,
даже слегка отвернулась при приближении Люси.

– Что такое с вами, Маргарет? – спросила она. – Вы как
будто расстроены или даже сердиты?

– Это вовсе не ваше дело, сержусь ли я или нет, – отрезала
я.

– Может быть, и так, – возразила она, – но своим недо-
вольным видом вы очень огорчаете нас – и меня, и Веду.

– Ах, не надоедайте мне с этой вашей Ведой!

– Вы не вправе относиться к ней так пренебрежительно, –
недовольным тоном заметила Люси. – Она такая славная де-
вушка, я не знаю другой, подобной ей. Знаете, что я вам ска-
жу? Было бы очень полезно для вас, если бы...

– Если бы что? – перебила я.

– А вот что: дать вам хорошую взбучку да на час-другой
запереть в темной комнате!

– А вы прямо напрашиваетесь на то, чтобы вам сказали,

что вы дерзкая девчонка, – резко бросила я в ответ.

В это время раздался звонок к обеду.

– Право, любопытно было бы узнать, почему это вам хочется непременно отравить нам всем жизнь? – со смехом сказала Люси. – Перестаньте, Мэгги, давайте-ка лучше будем друзьями!

– Я попрошу вас не называть меня Мэгги, – перебила я ее. – Меня зовут Маргарет, а Мэгги меня могут называть только мои самые близкие друзья.

В ответ я услышала:

– Я очень жалею, что мне приходится спать в одной комнате с вами, и я буду просить миссис Гильярд, чтобы она перевела меня в комнату Веды. Я уверена, что ваша мама не будет против. Я не хочу оставаться в одной комнате с девушкой, с которой я не могу дружить.

Это заявление Люси очень расстроило меня: какой бы злой и непокорной я ни была, мне все-таки совершенно не хотелось, чтобы мои папа и мама узнали о моем скверном поведении. Разве я не обещала своему отцу, что буду вести себя хорошо, что буду тепло обращаться с приезжими девушками, что буду относиться к переменам в нашем доме сколь возможно терпимо. И что же? Выходит, я самым бессовестным образом нарушила данное отцу слово! Эта мысль привела меня в ужас, и потому я обратилась к Люси с просьбой:

– Пожалуйста, Люси, не обращайтесь на меня внимания, когда я сержусь! Я сегодня очень злая и откровенно сознаюсь

в этом. Мне кажется, я обошлась с вами очень нелюбезно...

– Да уж, это несомненно! – смеясь, подтвердила Люси.

– Надеюсь, вы все-таки останетесь в моей комнате? – продолжала я.

– Нет, ни за что не останусь, если вы будете все такой же несносной! – с иронией ответила Люси.

– Ну хорошо, я постараюсь быть с вами любезнее, – пообещала я.

После этого мы спустились в столовую, и Люси больше ни словом не обмолвилась о своем намерении переменить комнату.

За обедом я боялась взглянуть на американок. Не было ни малейшего сомнения в том, что Люси пока еще ничего не знала о моем подслушивании в беседке. Если бы она что-нибудь знала об этом, то в нашем резком разговоре это наверняка бы обнаружилось. Она считала меня недоброй, невежливой, себялюбивой – и это понятно, но она пока еще не знала, что я была способна на столь неблагоприятный поступок. Несомненно, что и Веда тоже ничего не знала об этом. За столом она смотрела на меня с таким милым выражением сочувствия, но меня, при моем беспокойном состоянии духа, это уже не трогало. Я полагала, что Джулия едва ли скрыла от своей сестры, что видела меня в беседке. Однако и Адель, и Джулия держали себя за столом как обычно и даже были очень внимательны ко мне. При взгляде на Адель мне теперь трудно было воскресить в памяти выражение ее лица

во время декламации монолога, когда она с таким увлечением произносила чудные слова поэта. Теперь она казалась мне такой неинтересной – в будничном платье, с некрасивой прической, да и голос ее звучал совсем иначе и резал мне слух. Да, Джулия безусловно была великодушна: очевидно, что она пока еще ничего не сказала сестре. Я даже невольно задала себе вопрос, как бы я поступила на ее месте, и должна была по совести признаться, что я не была бы столь добра по отношению к ней.

После обеда пришла почта. Было письмо и для меня – от моего брата Джека. Он не особенно часто писал мне, так что я была очень рада получить от него известие.

– Ну, что он пишет, Мэгги? – спросила мама. – Когда ты прочтешь письмо, передай его мне, пожалуйста.

В это время все наше общество сидело в гостиной, где горели лампы и были спущены занавеси. Адель очень недурно играла на рояле, а Джулия – на банджо. Иногда они целыми часам играли по просьбе отца, который с удовольствием слушал их музыку. Как раз в ту минуту, когда мама обратилась ко мне с вопросом о письме, Джулия на своем банджо играла какую-то очень веселую мелодию под аккомпанемент Адели.

Я распечатала письмо и начала его читать. Вдруг кровь прилила к моему лицу; я скомкала письмо и быстро сунула его в карман.

– Что такое? – спросила мама. – Уж не болен ли наш Джек? Отчего у тебя такой странный вид, Мэгги?

– Нет, Джек, слава Богу, здоров, – ответила я и, встав со своего места, отошла к окну.

Мама последовала за мной и снова спросила:

– Да что же случилось? Покажи-ка мне письмо Джека.

Я обернулась и, глядя ей прямо в лицо, ответила:

– Это письмо касается лично меня, и я не могу тебе его дать. Не сомневайся, мама, с Джеком ничего не случилось. Ты ведь никогда раньше не требовала, чтобы я показывала тебе письма Джека, адресованные лично мне.

Мама помолчала некоторое время; она никогда не была особенно ласкова с нами, своими детьми, но при этом никогда не была несправедливой в своих требованиях.

– Ты тоже никогда в жизни не лгала мне, – заметила мама, – и если ты меня уверяешь, что Джек здоров, то я совершенно спокойна; можешь не показывать мне письмо. Ты всегда была со мной откровенна, Мэгги, и я верю тебе.

Мама принялась за прерванную работу и через несколько минут вновь обратилась ко мне:

– Ну, а ты, Мэгги? Полно тебе лениться, возмись-ка за свое вышивание. Тут пока еще достаточно светло.

Как тряслись мои руки, когда я вдевала нитку в иголку, как затуманивались мои глаза, когда я разбирала шелк и шерсть! Все мои переживания, связанные с приездом чужих девушек в наш дом, включая и то, что меня уличили в недостойном поступке, – все это было ничто в сравнении с тревогой, которую вызвало во мне письмо брата, о содержании

которого ни в коем случае не должна была знать моя мама!

Глава VI

Монолог Джулии

Каждый день ровно в девять часов вечера отец читал молитву перед собравшимися домочадцами, а затем мы, девицы, расходились по своим комнатам. Как только я собралась пойти к себе в комнату, ко мне подошла Джулия и прикоснулась к моему плечу.

– Нельзя ли мне поговорить с вами пару минут? – спросила она таким многозначительным тоном, что я не посмела отказать ей.

– Идите, Люси, в нашу комнату, – обратилась я к своей соседке, – я тоже сейчас приду.

– Джулия, не задерживайте Мэгги надолго, – вмешалась моя мама, когда заметила, что Джулия затевает какой-то разговор со мной. – У нее такое бледное лицо и такой утомленный вид. Тебе, Мэгги, надо пораньше лечь спать. И не болтайте перед сном с Люси!

– О, мы вообще-то не так уж много болтаем, хотя и спим в одной комнате, – ответила Люси и начала подниматься по лестнице.

Я стояла около Джулии, еще не зная, куда она решила пригласить меня для разговора.

Когда все девицы удалились, Джулия подошла к маме.

– Прошу вас, милая миссис Гильярд, – сказала она, – позволить нам минут десять поговорить с Маргарет наедине в библиотеке. Можем ли мы рассчитывать на то, что никто не прервет нашей беседы?

– Конечно, можете, – ответила мама, вопросительно поглядывая то на меня, то на Джулию.

– Благодарю вас. Пойдемте, Маргарет.

Она взяла меня под руку, и мы вдвоем прошли по широкому коридору в нашу библиотеку. Лампы были уже погашены, так как прислуга готовилась запира́ть дом на ночь. Но Джулия вынула из своего кармана коробку спичек и зажгла большую лампу, висевшую как раз посередине комнаты.

– Зачем вы зажигаете лампу? – спросила я. – Не надо!

– Напротив, – возразила она, – я хочу видеть ваше лицо.

В эту минуту у меня явилось сильнейшее желание уйти, но сознание, что я полностью нахожусь в ее власти, остановило меня.

– Я видела вас сегодня в беседке, – начала она, – и вы, разумеется, это знаете.

– Да, знаю, – согласилась я.

– Так вот скажите мне, пожалуйста, что все это значит и как вы сами оцениваете свой поступок?

В первую минуту я была готова сказать: «Я знаю, что поступила дурно, и стыжусь своего поступка», но из упрямства не хотела признать себя виноватой и плотно сжала губы.

– Вам, конечно, стыдно, но вы слишком упрямы, чтобы

сознаться в этом, – продолжала американка, глядя на меня в упор своими пронизательными глазами. – Как вы думаете, что я теперь намерена делать?

– Разумеется, рассказать о том, что я подслушивала в беседе.

– Кому рассказать?

– Да всем, – дерзко ответила я, – и Веде, и Люси, и, разумеется, Адели. А также и папе, и маме. Вы можете, если вам угодно, даже нанять глашатая, чтобы он громогласно объявил об этом событии по всей округе – пусть все жители нашего прихода узнают об этом!

– Знаете что, Маргарет, а вы оказывается, глупее, чем я предполагала, – спокойно сказала Джулия. – Вы думаете, что видите нас, американок, насквозь, а я скажу вам, что вы жестоко ошибаетесь, приписывая нам подобную низость. Мы предоставляем делать такие вещи английским барышням. Скажу вам откровенно: до сегодняшнего дня я не подозревала, что молодая англичанка способна шпионить за своими гостями! Но теперь у меня открылись глаза. Но если вы полагаете, что я пойду по вашим стопам и буду поступать против совести, то вы меня совершенно не знаете, вот и все! Я не могла удержаться, чтобы не высказать вам своего мнения, Маргарет Гильярд. Я поняла по вашему нервному поведению за обеденным столом, что вы страшно боитесь, как бы я вас не выдала. Но вы напрасно так думаете, я ничего никому не скажу.

Я хранила молчание, хотя мне очень хотелось сказать Джулии, как успокаивают меня ее слова.

– Я вовсе не намерена говорить кому-либо о вашем поведении, – продолжала она. – Но я намерена сделать нечто другое, и вы должны узнать об этом. Я хочу заставить вас заплатить мне за мое молчание.

– Как? Чем? – запинаясь, спросила я. – Что это значит?

– Сейчас я вам объясню. Вы должны полностью изменить свое поведение и перестать быть такой, какой вы были до сих пор. Весь ваш надутый вид, все ваши сердитые взгляды, которыми вы награждаете нас с Аделью, – все это должно прекратиться. Когда мы с ней будем говорить с нашим гнусавым американским акцентом, – и Джулия при этом специально прогнусавила особенно явно, – вы не должны презрительно отворачиваться от нас, как вы это обычно делаете. Вы должны впредь относиться к нам дружелюбно, вы должны стараться быть всегда любезной с нами. Если же вы не согласны на мои условия, то...

– То что? – перебила я. – Если вы решили не рассказывать о моем поступке, то что же вы тогда можете сделать со мной?

– Что я могу сделать? – повторила Джулия. – Да много чего, и вам не поздоровится от моего плана действий. Мы с Аделью совсем не так глупы, как вы полагаете. У нас найдется достаточно сил, чтобы бороться с вами, если мы захотим. Прежде всего, должна вам заявить, что мы отнюдь не желаем покидать ваш дом, и выжить нас далеко не так легко, как вы,

вероятно, думаете. Мы хотим пожить у вас в свое удовольствие и насладиться всем, что есть тут у вас хорошего. Скорее, если уж на то пошло, вы с вашей ревностью заставите нас досаждать вам так, что сами не будете знать, куда вам деваться. Мы можем наказать вас, и непременно накажем за ваше подслушивание, если только вы не измените свое поведение и не станете относиться к нам совершенно иначе, чем все последнее время.

– О, Боже мой! – воскликнула я и горько разрыдалась, закрыв лицо руками.

– Эх вы, жалкое, завистливое, глупенькое создание! – вздохнула Джулия и, подойдя ко мне, порывисто и ласково обняла меня.

– Ах, Маргарет, – продолжала она, – неужели вы не можете преодолеть все ваши неприязненные чувства к нам и быть счастливой – в своем собственном доме и в нашем обществе? Я не спорю, у нас много странностей, но вы должны помнить, что нас воспитывали не так, как вас. Наши родители давно умерли, и в нашем воспитании не было никакого порядка. У вас же такие примерные родители! И все у вас делается по строгой системе. Почему же вы не можете быть веселой и счастливой у своего домашнего очага? Почему, Маргарет? Да отвечайте же мне!

– Ох, не знаю... – тихо промолвила я. – Право, не знаю! Ваше пребывание здесь просто невыносимо для меня! Я не могу сойтись ни с Аделью, ни с вами! Вот и все...

– И все-таки мы, право, не такие уж несносные, – возразила Джулия. – Мы, по крайней мере, поступаем честно, и у нас нет никаких задних мыслей. Вам не нравится наш выговор, я отлично это вижу. Но мы стараемся его исправить. Ваш отец относится к нам очень хорошо, и ваша милая мама тоже, они так тонко все понимают. Почему только вы одна сторонитесь нас? Ну вот, мы расцеловались с вами! Предлагаю заключить с нами мир, давайте дружить, и вы никогда не будете в этом раскаиваться. Просто относитесь к нам без предубеждения, и вы увидите, что и у Адели, и у меня есть масса достоинств. Вот! Теперь я высказала все, что было у меня на душе. Даю вам недельный срок, а потом вы должны нам сказать, как вы намерены поступить. Если вы решите относиться к нам как подобает, то все пойдет хорошо и больше не о чем толковать. Но если же вы все-таки будете упрямыться, тогда, Маргарет, предупреждаю вас, не ждите от меня пощады! Так или иначе, но я заставлю вас повиниться пред нами. Ну, а теперь нам пора спать.

Она еще раз обняла меня; ее нежная щека прикоснулась к моей щеке, я ощутила на шее локон ее волос. Своей лаской она почти покорила мое сердце; еще минута – и я бы совсем растаяла... Но едва она выпустила меня из своих объятий, как тут же на меня волной нахлынуло прежнее предубеждение против этой доброй, но странной девушки, а сознание, что после моего проступка я нахожусь в ее власти, заставило меня внутренне съежиться, и мое сердце вновь ожесточи-

лось. Я только проговорила ледяным голосом:

– Доброй ночи, – и вышла из комнаты.

Джулия не удерживала меня, и я побежала наверх, в свою комнату. Люси еще не спала и бросила на меня испытующий взгляд.

– Ну вот, наконец, и вы, – сказала она. – Вы обещали мне быть любезнее, чем прежде; надеюсь, что вы докажете это на деле.

– Постараюсь, – я попыталась избавиться от овладевшего мной тяжелого чувства. – Кажется, сегодня довольно прохладный вечер, не правда ли?

– Ах, только не надо говорить о погоде! – вскричала Люси. – Скажите-ка лучше, о чем вы беседовали с Джулией?

– Это касается только нас двоих, меня и ее, – твердо ответила я.

Люси на некоторое время умолкла. Я уже раньше убедилась в том, что она страдает непреодолимой слабостью – любопытством. Она смотрела на меня в упор, и я с некоторым злорадством продолжала:

– Я вам ничего не скажу, и от Джулии вы тоже ничего не добьетесь.

– И прекрасно, – холодно заметила Люси. – Только я не ожидала, что вы когда-нибудь будете заодно с этими американками.

– Тут нет ничего особенного, – возразила я. – Впрочем, я попрошу вас оставить меня в покое и не надоедать своими

расспросами.

После короткого молчания Люси сказала:

– Я полагаю, что если вы намерены быть любезнее со мной, то и я, в свою очередь, должна быть также любезна с вами.

– Да, разумеется, – ответила я с легкой усмешкой.

– Тогда вот что: хотя вы и не желаете сказать мне, какие у вас с Джулией завелись секреты, я все-таки буду откровенна с вами. Знаете, о чем мы говорили сегодня, пока вы изволили в одиночестве так долго прогуливаться по лесу?

Когда Люси задала мне этот вопрос, я была не в силах удержаться, чтобы не покраснеть: конечно, я, находясь в беседе, слышала, о чем рассуждали девушки во время чаепития, но в то же время я не могла в этом сознаться, не выдав себя. Поэтому я только молча смотрела на Люси. Она, видимо, заметила мое смущение, но продолжала:

– Так я вам скажу, о чем мы толковали. Вы, конечно, знаете, что в августе у нас тут затевается базар с благотворительными целями?

– Было бы странно, если бы я не знала о базаре, который устраивается моим отцом и моей мамой, – высокомерным тоном ответила я.

– Опять вы со своей обидчивостью! Ну-с, так вот, наш проект относится именно к этому базару. Хоть вы не питаете любви к Адели и Джулии, но надо признать, что они во многом гораздо умнее доброй дюжины наших чопорных англий-

ских девиц. У себя в Америке эти девушки привыкли устраивать всевозможные общественные развлечения, причем почти без участия взрослых; вот они и придумали разнообразить базар театральным представлением. Они берутся похлопотать об устройстве сцены и попросят мистера Гильярда, чтобы он отвел им для этого часть площади, где устраивается базар; каждый желающий посмотреть на представление должен будет заплатить шесть пенсов за нумерованное место и шиллинг за нумерованное. Джулия и Адель полагают, что им таким образом удастся собрать не менее пяти фунтов стерлингов ⁵. Не правда ли, великолепно придумано?

– Да, пожалуй, – согласилась я. – Но будет ли все это так уж хорошо исполнено? Мой отец не любит, когда что-либо делается кое-как.

– Будет ли хорошо? Вы можете сами в этом убедиться, стоит только попросить Джулию или Адель, чтобы они прочли вам сцену из какого-нибудь драматического произведения.

Люси принялась убирать на ночь свои волосы, а у меня в эту минуту возник в воображении образ Алели с ее вдохновенным бледным лицом, какой я ее видела из беседки, когда она декламировала чудные стихи американского поэта.

На душе у меня было очень тяжело, так как меня мучило нечто, о чем эти беззаботные девицы вовсе и не подозрева-

⁵ Фунт стерлингов – крупная английская денежная единица. Пенс, шиллинг – мелкие разменные монеты.

ЛИ...

Глава VII

В лесу

Причина моей тревоги заключалась в следующем.

До своего отъезда в школу, в конце Святой недели, Джек дал мне на сохранение целых два соверена⁶; он очень гордился тем, что был обладателем такой большой суммы денег и, когда передавал их мне, то строго приказал беречь их пу-ще глаза.

– Ты запри их под замок, – учил он. – У меня, знаешь, деньги так и тают, как только попадут мне в руки, а у тебя, Мэгги, они будут целы. Ты сбережешь их для меня, а я постараюсь из своих карманных денег добавить к ним хотя бы немного. Береги их до тех пор, как я вернусь домой на каникулы; но, разумеется, если я напишу тебе раньше и потребую эти деньги, ты немедленно вышлешь их мне.

Я обещала исполнить просьбу брата и была очень довольна тем, что он оказал мне такое доверие. А Джек продолжал свои наставления:

– Слушай, Мэгги: ты ни под каким видом не должна говорить отцу или матери, что я намереваюсь сделать с этими деньгами. А я хочу на них купить отцу часы для его кабинета; мне хотелось бы преподнести их в день его рождения

⁶ Соверен – золотая монета достоинством в 1 фунт стерлингов.

осенью, и чтобы этот подарок был для него сюрпризом. Отец думает, что я трачу все свои карманные деньги на глупости и что у меня нет и медного гроша за душой, а тут выяснится, что я – обладатель целых сорока шиллингов! Так что, пожалуйста, сбереги мои деньги и твердо храни нашу тайну. Ты мне обещаешь это, не правда ли, Мэгги? Посмотри мне прямо в глаза и скажи, обещаешь?

Когда Джеку было нужно, он умел придавать своим словам необычайную торжественность. Так и в тот раз: он настаивал, чтобы я дала ему нечто вроде клятвы. Я должна была, глядя ему прямо в глаза и держа в то же время его руку, дать обещание в том, что ни за что на свете не скажу ни нашим родителям, ни еще кому бы то ни было ни слова о том, что я сохраняю для него это сокровище. После того как я трижды повторила это обещание, Джек переломил пополам трехпенсовую монету и дал одну половину мне, чтобы я всегда носила ее на узенькой голубой ленте за лифом своего платья, а другую половину монеты он прикрепил к такой же ленте и надел себе на шею.

– Но помни, Мэгги, – объявил он, – что если ты нарушишь свою клятву, то будешь постоянно томиться и терзаться, пока совсем не иссохнешь. Эта половина монеты на твоей шее будет действовать вроде магической силы. Ну что же ты так побледнела, глупенькая, – прибавил он, с удивлением глядя на меня.

Действительно, на меня в ту минуту от слов Джека напал

какой-то панический страх, хотя в то же время меня очень заинтересовала вся эта таинственная история со сломанной монетой. Я запрятала соверены Джека в самое надежное место, какое только могла придумать, и с тех пор постоянно носила на шее заветную половинку монеты. Часто я прижимала ее к сердцу и с любовью вспоминала о своем обожаемом брате.

Спустя некоторое время после его отъезда в школу произошел вот какой случай. Я уже упоминала о своей дружбе с Сесилией Ферфакс, а теперь добавлю, что в наших отношениях с ней во мне частенько говорила не столько привязанность к ней, сколько то влияние, которое эта хорошенькая девушка умела оказывать на меня своим умением вовремя подольститься ко мне. Впрочем, она действительно была очень привязана ко мне и выражала свою любовь самым пленительным образом; я же была настолько слабохарактерна, что поощряла эту лесть. Итак, однажды, вскоре после отъезда Джека, ко мне пришла Сесилия. Она была очень расстроена и стала просить меня, даже умолять выручить из беды ее отца.

Ее отец, Ферфакс, служил лесничим в имении местного богатого помещика, сэра Пенроуза. Я уже говорила, что Пенроузы только изредка проводили лето в своем прекрасном поместье. В свое отсутствие они не позволяли принимать посетителей для осмотра замка и в особенности жилых помещений господ. Но однажды Ферфакс, поддавшись настойчи-

вой просьбе одного из своих приятелей, решил провести его в замок, чтобы показать ему комнаты. В одной из гостиных Ферфакс случайно неловким движением задел фарфоровое блюдо, которым очень дорожила леди Пенроуз; блюдо упало на пол и разбилось.

Узнав об этом, экономка объявила, что все расскажет господам, и тогда Ферфакс лишится своего места. Ему насилу удалось упросить экономку позволить ему заменить разбитое блюдо совершенно таким же новым, которое, по счастью, можно было купить в ближайшем городе за пять фунтов. Ферфакс с трудом набрал три фунта, а остальные два никак не мог раздобыть.

Вот тогда-то Сесилия и пришла ко мне. Она хотела, чтобы я выпросила эти деньги у моего отца. Но так как в это время, как я хорошо знала, у папы не было лишних денег, то я решила, что ни за что не скажу ему об этой просьбе. И тут у меня возникла мысль одолжить Ферфаксу хранившиеся у меня деньги Джека. Речь шла всего о двух неделях; Сесилия заверила меня, что к этому сроку ее отец должен получить некоторую сумму денег и будет в состоянии отдать мне свой долг. Я поверила ей, да и сама она, похоже, полагала, что все устроится именно так, как она говорила.

Итак, два драгоценных соверена, которые я поклялась никому не давать, были вручены Сесилии. Я решила, что при первом же свидании с Джеком расскажу ему эту историю, и была совершенно спокойна. Не могла же я допустить, чтобы

отец моей славной маленькой Сесилии пострадал, потеряв свое место; мне казалось, что Джек вполне одобрит мой поступок. Впрочем, деньги должны были быть возвращены задолго до приезда брата домой. Но неделя шла за неделей, а денег я так и не дождалась.

И вот я получаю от брата следующее письмо:

«Я с одним из моих товарищей попал в маленькую беду. Я не хочу описывать здесь всего подробно, но дело, к счастью, уладится, так как у меня есть деньги. Я тут впутался в историю с кроликами. При встрече я расскажу тебе все подробно. Прошу тебя, Мэгги, ни полслова не говорить кому бы то ни было об этом и сделать следующее: вышли мне мои деньги немедленно по получении этого письма. Деньги в конверт просто так не клади, а возьми довольно толстый ломоть хлеба, срежь корки и сунь мои два золотых в мякиш; потом вложи этот ломоть в конверт и адресуй мне. Мой товарищ научил меня сделать так. Конверт получится довольно толстый, но на почте могут подумать, что ты посылаешь мне носовой платок или что-нибудь в этом роде. Пожалуйста, сделай это как можно скорее: мне надо выручить товарища, а то нам обоим грозит беда – если узнают о нашей проделке, нас могут исключить из школы. А подарок отцу не убежит, потому что я снова начну откладывать карманные деньги. Впрочем, со временем я смогу продать этих дурацких кроликов. Так что еще раз прошу тебя поспешить и исполнить все, как я тебе здесь написал. Если же ты оплошаешь, то знай, что

твоя половинка трехпенсовой монеты всосется в твою кожу и ты очень скоро зачахнешь, как я предупреждал тебя, когда передал ее тебе. Любящий тебя брат».

Немудрено, что, получив такое письмо, я всю ночь провела без сна. Что мне делать? Трудно было надеяться быстро получить долг от Ферфакса. Но неужели же благодаря моей слабохарактерности, из-за которой я не устояла против просьбы Сесилии, мой бедный Джек будет исключен из школы? Рядом со мной спокойным сном невозмутимо спала Люси. О, как я завидовала ей! Насилу я дождалась рассвета; сквозь оконные занавеси мало-помалу начали пробиваться золотистые лучи восходящего солнца, а я все сидела на своей кровати и думала, как же мне справиться с этой бедой. Было еще только около четырех часов утра. Накинув на голову шляпку, я потихоньку выбралась из дома. Скоро я дошла до кустарников, обрамляющих лес, и пустилась дальше по мокрой от росы траве, направляясь к домику, где жило семейство Ферфаксов. Мне надо было во что бы то ни стало повидать Сесилию. Письмо Джеку могло дойти по почте не ранее чем через двенадцать часов после отправки. Я рассчитала, что если отправлю ему деньги до девяти часов утра, то он должен будет получить их в тот же день с последней почтой, и тогда он будет спасен от угрожавшего ему исключения из школы.

«О, какое облегчение доставляет мне эта прогулка по утреннему воздуху, – подумала я. – Какое счастье, что я вы-

бралась из дома, и как я рада, что эта ночь наконец миновала!»

В другое время чудное зрелище просыпающейся природы привело бы меня в восхищение, так как я была в полном смысле слова дитя природы, но в эту минуту меня не занимали ни веселое щебетание птиц, ни прыжки белок по ветвям, и я равнодушно проходила мимо душистых лесных цветов. Путь был неблизкий, и я запыхалась, так как шла быстрым шагом и только изредка позволяла себе маленькие передышки. Наконец я добралась до изгороди, за которой начинались владения сэра Пенроуза. Вскоре я дошла и до маленькой калитки, открыв которую, направилась к домику лесничего. Вокруг царил тишина, так как еще не было и пяти часов утра. Я знала, однако, что лесничий рано выходит из дома, и вовсе не желала, чтобы он увидел меня разгуливающей здесь в такую рань. Мне было известно, куда выходит окно комнатки Сесилии, и подойдя к нему, я метко бросила горсть песка в решетку окна. Но никто не шевелился, и я вынуждена была бросать песок горсть за горстью, пока мне не удалось нарушить крепкий сон Сесилии. Послышался легкий шум в ее комнате, и в ту же минуту в окне показалось раскрасневшееся миловидное личико девушки со спадавшими вокруг ее головы вьющимися волосами.

– Нет, Кейт, – открыв окно, сказала она, – иди уж без меня доить коров, а я еще немного посплю. Ах, Боже мой, – воскликнула она, увидев меня, – да это же вы, мисс Мэгги!

Милая мисс Мэгги, что случилось?

Я приложила руки ко рту, чтобы приглушить свой голос, и ответила:

– Спустись скорее сюда, ко мне, и как можно тише. Мне срочно надо с тобой поговорить.

Сесилия смотрела на меня во все глаза. Вероятно, она заметила по моему лицу, что я сильно встревожена, так как тотчас же отскочила от окна и быстро вышла из дома.

– Ах, мисс Мэгги! – вскричала Сесилия, подбегая ко мне. – Я испугалась до полусмерти! Да что же такое с вами?

– Я все тебе расскажу, Сесилия, только скажи сначала, встал ли уже твой отец?

– Нет, ведь еще нет и пяти часов, а отец ложится поздно.

– Ну и хорошо, – сказала я, – потому что мне нужно сначала переговорить с тобой, а потом ты будешь должна кое-что передать своему отцу. Отойдем отсюда в сторонку, Сесилия, и выслушай меня. Ты помнишь, что шесть недель тому назад я выручила вас из большой беды, одолжив вам два соверена. Твой отец обещал вернуть эти деньги через две недели. Но прошло уже шесть недель, а я от вас не получила еще ни пенни. Теперь мне очень нужны эти деньги; я должна иметь их в руках сегодня же утром; никаких отговорок я принять не могу; понимаешь ты, Сесилия, – никаких! Вы обязаны немедленно отдать мне мои деньги, и если вы захотите еще оттянуть уплату, то я буду вынуждена пойти и пожаловаться самому сэру Пенроузу, мне придется попросить у него эту сум-

му, которую он вычтет из жалованья твоего отца. Я знаю, что сэр Пенроуз сейчас проживает здесь, в своем замке, потому что вижу, что вывешен его флаг. Так вот, Сесилия, поступайте, как хотите, но я должна так или иначе сейчас же получить свои деньги.

– Да, конечно, я понимаю, мисс Мэгги, – пробормотала Сесилия, побледнев от волнения. – Только как же нам быть? Дайте хоть немного сроку...

– Никаких отсрочек я больше дать не могу! – ответила я, с силой толкнув ее в плечо. – Мне вообще не следовало давать вам эти деньги. Они не мои, они принадлежат моему брату Джеку, который дал их мне на сохранение. Теперь деньги нужны ему самому, и они во что бы то ни стало должны быть отосланы ему по почте сегодня же утром. Иди же, Сесилия, сейчас же к своему отцу, разбуди его, если он еще не проснулся, и скажи, что я здесь и требую свои два соверена! Прибавь еще и то, что я сказала о моем намерении прямо от вас пойти к сэру Пенроузу, если твой отец не исполнит моего требования.

– Но ведь это же будет так жестоко с вашей стороны! – воскликнула Сесилия.

– А что мне делать? Я на все готова ради Джека! Я очень люблю тебя, Сесилия, но все-таки брата я люблю в сто раз больше. Ах, Сесилия, ты ведь должна и меня пожалеть! Я же пожалела вас, когда вы попали в беду. У меня сердце разорвется на части, если я сегодня же не пошлю деньги Джеку,

а он... Он просто возненавидит меня, если узнает, что я отдала кому-то его деньги! Повторяю тебе, что я готова на отчаянный, даже жестокий поступок, лишь бы только мне выручить брата! Так иди же скорее к твоему отцу, я подожду тебя здесь.

– Иду, иду, – упавшим голосом ответила Сесилия, – но я знаю наперед, что толку будет мало...

– Как, что ты этим хочешь сказать? – вскричала я в негодовании.

– Да что же ему делать, если у него этих денег нет и достать их негде!

– В таком случае, он просто вор! – объявила я, уже теряя самообладание. – И не будет ему от меня никакой пощады!

– Успокойтесь, мисс Мэгги, – умоляла Сесилия, – дайте сначала переговорить с отцом. Я сейчас же бегу к нему.

Сесилия поспешно направилась к их домику, а я осталась насколько могла терпеливо ждать ее возвращения. Как медленно тянулось время! Солнце поднялось уже высоко, птицы распевали громче и веселее, и цветы уже почти совсем раскрыли свои лепестки. Какое чудное было утро! Голуби нежно ворковали над моей головой, но меня это так раздражало, что мне до сих пор ненавистно их воркование.

Наконец я услышала приближение чьих-то тяжелых шагов. Я прислушалась и скоро убедилась в том, что вместо Сесилии ко мне вышел ее отец. Мне очень редко приходилось разговаривать с Ферфаксом, который производил на меня

впечатление сурового и даже грубоватого мужчины. С Сесилией я могла бы поладить, но сомневалась, что смогу договориться с ее отцом. Он приблизился ко мне со словами:

– Здравствуйте, мисс, – и при этом неуклюже приложил руку к своей фуражке.

– Доброе утро, – поздоровалась я и, набравшись смелости, посмотрела ему прямо в лицо. – Прошу вас, отдайте мне мои деньги, они мне очень нужны.

– А если у меня их нет? – нахально ответил Ферфакс, но тотчас же сбавил тон, увидев мое удрученное лицо. – Право, мисс, мне очень жаль, но что же я могу сделать? Я очень ценю, что вы тогда выручили меня из беды, но не могу же я отдать вам то, чего у меня самого нет.

Он вдруг оборвал свою речь, так как у меня невольно вырвался крик отчаяния; не в силах сдержаться, я бросилась на траву, закрыла лицо руками и зарыдала. Мое поведение, должно быть, поразило Ферфакса, так как он, простояв некоторое время молча, вдруг торопливо заговорил:

– Господи, хоть бы Сесилия подошла поскорее! Что я тут могу сделать? Встаньте-ка, мисс, прошу вас! Моя девочка так любит вас, и вы с ней ровесницы, мисс Маргарет. Вы такая хорошая барышня, что и говорить! Да встаньте же, что это с вами такое? Вы себя совсем измучаете, если будете так убиваться.

– Ах, что же мне теперь делать? – сквозь слезы прошептала я и вскочила на ноги. – Ведь это для моего брата, поймите

же вы, я не для себя хлопочу. Отдайте мне деньги, прошу вас!

– Десять шиллингов я могу вам дать, если угодно. Может быть, этого будет пока достаточно? Моя девочка говорит, что вы хотите пойти жаловаться моему хозяину. Неужели вы это сделаете? Нет, вы не такая, я знаю!

– Нет, Ферфакс, мне ваши десять шиллингов не помогут. Джеку нужны его два соверена, и я должна во что бы то ни стало выслать ему деньги сегодня же, еще до обеда.

– Молодому барину?

– Ну да, да, моему брату.

– Таким молодым господам деньги вовсе не нужны.

– Нет, как раз очень нужны! Вы не хотите мне верить, это ужасно! Его ведь могут исключить из школы, если я не вышлю ему денег. Смотрите, Ферфакс, я покажу вам его письмо, – и я вытащила из кармана письмо бедного Джека.

– Вы прочитайте мне вслух, что же такое с ним случилось.

– Так вот что! – пробормотал Ферфакс, когда я закончила чтение письма. – Он, похоже, охотился на кроликов в чужом лесу, ясное дело. Хотя это моя обязанность – ловить браконьеров, но я все-таки жалею провинившихся. Ах, бедняга! Ему, значит, нужны деньги, чтобы откупиться, а вы отдали его сбережения мне... Ну вот что, мисс, знаете, что я вам скажу?

– Говорите скорее!

– Денег у меня сейчас нет, нет денег, и все! Но через неде-

лю они у меня будут. Вот! На будущей неделе в понедельник.

– Да поймите, что мне сегодня же утром надо послать деньги Джеку!

– Я сказал вам, что раньше, чем через неделю, денег у меня не будет. К тому же для этого мне придется продать мои часы, с недельным заводом.

– Так сделайте это сейчас же, – воскликнула я, совершенно равнодушная к тому, что Ферфаксу, наверное, будет нелегко расстаться со своими часами.

– Да, вам легко говорить, – часы-то не ваши. Эти часы оставила мне в наследство моя мать, а ей они достались от ее матери. Ну да что ж делать, пускай пропадают, а то уж больно вы тут убиваетесь. Да и девчонка моя очень просила меня не отказывать вам. Часы стоят по крайней мере шесть фунтов, но я продам их дешевле, только бы выручить вас.

Волей-неволей, но я, конечно, вынуждена была довольствоваться этим обещанием Ферфакса. Как это было ужасно! Я не знала, на что мне решиться, и едва сдерживалась от нового приступа отчаяния, когда услышала, как где-то неподалеку пробило семь часов. Это заставило меня прийти в себя: надо было спешить домой, а то папа с мамой обратят внимание на мое долгое отсутствие, и тогда дело может принять еще худший оборот.

Глава VIII

Письмо с чеками

Мне, однако, удалось вернуться домой вовремя. Я прошла к себе в спальню, умылась, пригладила волосы и спустилась вниз, делая вид, что ничего особенного не произошло. Девушка в четырнадцать лет уже способна пережить минуты сильной тревоги и даже горя, не выдавая себя выражением лица; так и теперь, когда я разливала кофе за общим столом, по-видимому, никто из присутствующих не подозревал, что со мной могло приключиться что-то особенное. Все четыре девицы были в очень веселом расположении духа. Они уже отлично обходились без меня.

После завтрака все вышли в сад. Оставалось еще полчаса до прихода нашей учительницы. Люси Драммонд и Веда Конвей прогуливались, как обычно, под ручку, не обращая на меня ни малейшего внимания. Впрочем, я сама была всецело поглощена мыслями о Джеке. «Он, наверное, – думала я, – считает часы и минуты до получения моего письма с деньгами. Он уже уверен, что выпутается из беды, поскольку вот-вот получит письмо от сестры, от его Мэгги, которой он полностью доверяет. Но, увы, его ждет разочарование, так как почта скоро уйдет, и никакого письма от меня он вечером не получит! Он будет, конечно, беспокоиться, но

не слишком: он подумает, что письмо, без сомнения, придет завтра рано утром. Ах, что же мне делать?» Эти мысли угнетали меня...

Я растерянно стояла под развесистым буковым деревом, когда мимо меня прошли сестры-американки. Джулия пристально посмотрела на меня, а потом сказала:

– Что это вы стоите, как приговоренная к смерти? Пройдемтесь лучше вместе с нами; мы с сестрой разговариваем просто так, никаких секретов между нами нет, – тут она взяла меня за руку. – Да что с вами? Вы так бледны, и руки у вас холодные как лед!

– Я очень устала, – ответила я.

– Устала! Любопытно было бы узнать, отчего? Мне кажется, что вы просто злитесь на нас и что мы вам ужасно надоели. Мы ведь вас просто изводим, не правда ли, Маргарет?

– Нет, вы ошибаетесь. В эту минуту я думала не о вас, и если что-то меня и мучает, то вы тут ни при чем.

– Ну если так, то мы с сестрой продолжим наш разговор, может быть, это развлечет вас немного. Как ты полагаешь, Адель, на что нам следует употребить наши деньги?

– Надо обязательно употребить их на что-нибудь полезное.

– Это само собой разумеется, – согласилась Джулия. – У нас на руках целых десять фунтов стерлингов. Дядя Иосиф был удивительно щедр перед своим отъездом в Америку. Этакая сумма – целых пятьдесят американских долларов!

– Пятьдесят долларов! – невольно вырвалось у меня, и краска бросилась мне в лицо.

– Вы что, завидуете нашему богатству?

Ах, как мне хотелось во всем признаться! Всего каких-то десять долларов – и с моей души свалилась бы страшная забота! Если бы они дали мне эти деньги, то я, кажется, была бы готова и в самом деле вполне чистосердечно привязаться к ним.

– Мы охотно поделились бы с вами нашими долларами, если они вам нужны, – мимоходом бросила Адель.

– Благодарю вас, но мне не нужно ваших денег, – высокомерно ответила я.

– Как это на нее похоже, Джулия! – воскликнула Адель. – По всему видно, что она охотно воспользовалась бы нашим предложением, но никак не может преодолеть себя и признаться в этом. Как это глупо, непростительно глупо!

– Ах, вот, наконец, и наша учительница! – я воспользовалась этим предлогом, чтобы прервать тяжелый для меня разговор. – Мне немедленно надо в библиотеку, приготовить все к нашему уроку.

Я бросилась бежать от американок, но в моих ушах все звучали слова Адели: «Пятьдесят долларов; если вам нужно сколько-нибудь из этих денег, то стоит вам только слово сказать...» Надо же, мне представился такой простой выход из моей беды! Но из ложного самолюбия я отвергла предложение Джулии, и все оставалось по-прежнему.

Я принялась за свои уроки, но ничего у меня не получалось: я была рассеянна и беспокойна; учительница смотрела на меня с удивлением и только пожимала плечами.

Другие же девицы, в особенности американки, отвечали свои уроки превосходно.

«Ничего удивительного, – думала я, – у них нет никаких забот, что же им еще делать, как не зубрить свои уроки!»

Наконец прошло утро и настало время обеда. Мы редко занимались уроками после обеда, и я была озабочена тем, как бы улучшить минуту, чтобы написать письмо Джеку. Оставалось только одно – сообщить ему, что смогу выслать деньги не ранее, чем через неделю, и что он должен постараться как-нибудь обойтись без них. Я знала, что он придет в негодование, может быть, даже возненавидит меня, и что рано или поздно мне придется объяснить ему, почему я не оправдала его доверия...

– Как вы собираетесь провести послеобеденное время? – спросила мама, когда мы заканчивали свой обед. – Сегодня такой чудный день, было бы хорошо прокатиться в Ширлевскую рощу. Вы можете взять с собой корзинку с провизией и там выпить чаю на свежем воздухе. Что вы на это скажете? Наш Бобби совершенно обленился, и ему было бы невредно размяться.

– О, это будет прекрасно, – воскликнула Адель со своим противным американским акцентом.

Мама посоветовала нам нарвать в роще побольше цветов,

чтобы украсить нашу церковь по случаю ежегодного праздника.

Все обрадовались предстоящей поездке и заторопились со сборами. Толька я одна стояла, понутив голову. Подумав немного, я сказала дрожащим голосом:

– Мне надо до отъезда написать письмо.

– Что за пустяки, Мэгги, – возразила мама, озадаченная моим странным видом. – Вам лучше выехать пораньше, и я уже приказала поскорее закладывать шарабан ⁷. Твое письмо может подождать до завтра. Ты такая бледная, Мэгги, тебе обязательно надо прогуляться.

– Нет-нет, – ответила я, – мне непременно надо написать Джеку.

– Джеку! Ну, так это еще успеется. Я тоже буду писать моему милому мальчику, – настаивала мама.

Адель заметила мое волнение и вступилась за меня:

– Да ведь это же недолго – написать письмо, – заметила она.

– Да-да, я через пять минут буду готова, – и я быстро направилась в классную комнату. Следом за мной туда вошла Джулия. Ее присутствие меня стесняло, тем более что мне предстояла трудная задача – сообщить брату, что не в силах ему помочь. Я взяла листок бумаги и собралась писать, но мысли мои путались, и мне никак не удавалось начать письмо. Я уже была готова зарыдать, до того мне было тяжело,

⁷ Шарабан – конный четырехколесный экипаж.

как вдруг у моего локтя очутилась Джулия.

– Надо торопиться, Маргарет, – промолвила она. – А что это вы так пригорюнились? Да, вы, кажется, еще ничего и не написали? Ах, да, я хотела вам сказать еще вот что: может быть, вот это вам пригодится, – прибавила она и, наклонившись надо мной, положила на мой чистый листок почтовой бумаги два золотых соверена. Затем она быстро повернулась и исчезла из комнаты, прежде чем я успела промолвить хоть слово.

Я ошеломленно смотрела на эти два соверена. Трудно передать, как я обрадовалась этим деньгам, но в то же время они жгли мне руки и приводили в ярость.

Да, но как Джулия могла догадаться, что мне срочно нужны деньги? И причем именно два соверена? Письма Джека она не видела, о том, что я дала их в долг Ферфаксу, не знала... Но в тот момент я была так возбуждена, что не могла рассуждать здраво, я просто отмахнулась от этих мыслей. И только много позже я смогла понять и оценить проницательность, деликатность и благородство Джулии.

Я видела из окна, как девушки собирались в путь, слышала, как Бобби нетерпеливо бил копытом о землю. Мне было необходимо немедленно закончить дело с письмом. Я схватила деньги, побежала на кухню, выпросила у кухарки ломоть хлеба, и, как научил меня Джек, засунула монеты в мякиш. Потом я написала только две строчки: «Милый Джек. Вот твои деньги. Прости, что не смогла послать их тебе с

утренней почтой. Твоя Мэгги».

Я вложила в конверт сложенные вместе два тонких ломтика хлеба, написала адрес, запечатала конверт и с пылающими щеками, стараясь не смотреть в ту сторону, где стояли Джулия и Адель, вышла из дома.

– А вот, наконец, и вы! – воскликнула Джулия. – Ну что, захватили ваше письмо?

– Да, да, – ответила я, не глядя на нее. Я понимала, что мне следовало поблагодарить ее, хотя бы взглянув на нее с признательностью, но из скверного смешанного чувства гордости и стыда я отвернулась и не вымолвила ни слова.

Мы все уселись в шарабан, я взяла в руки вожжи и погнала своего Бобби. Тут ко мне вернулось обычное самообладание, и я начала оглядываться вокруг как ни в чем не бывало.

– Сначала надо на почту, – объявила Джулия и прибавила, глядя на мое письмо, которое я положила в боковой карман своей жакетки:

– Ах, какое славное, пухленькое письмо!

Конечно, я и сама собиралась прежде всего заехать на почту; ничто не могло бы вынудить меня хоть на минуту отложить отправку драгоценного письма. Но мне было обидно, что Джулия пристает ко мне со своими замечаниями.

Едва мы остановились у почты, как Адель выскочила из шарабана.

– Давайте мне ваше письмо, – сказала она, – я опущу его в ящик. – С этими словами она выхватила письмо из моего

кармана и, многозначительно осмотрев и прощупав его, опустила в щель почтового ящика. Она переглянулась с сестрой, и они вместе посмотрели на меня. Вероятно, они ожидали, что я скажу им хоть что-нибудь, хотя бы одно слово благодарности за услугу, но я молчала, упрямо отвернувшись от них. Джулия и Адель наверняка были возмущены моим поведением, но тоже промолчали.

Во время чая, который был устроен на лугу на месте, назначенном для пикника, сестры-американки начали бесцеремонно командовать мной, чего они раньше никогда себе не позволяли. Джулия заявила, что будет разливать чай, хотя обычно это делала я.

Я задыхалась от злости, но поневоле была вынуждена уступить.

– Ничего-ничего, Мэгги, – приговаривала она покровительственным тоном, – не унывайте! Все перемелется – мука будет...

Когда мы закончили чаепитие, уложили вещи в корзинку и затушили костер, Веда спросила, как мы проведем вечер.

– Я предлагаю следующее, – сказала Джулия, – мы с Мэгги вдвоем побродим тут поблизости в роще, а вы – Адель, Веда и Люси – пойдете собирать цветы.

– А Маргарет согласна на это? – спросила Веда. – Может быть, она предпочла бы пойти вместе со всеми нами? Зачем нам разделяться?

Веда смотрела на меня своими добрыми, задумчивыми

глазами. Она была настолько проникательна, что, конечно, заметила, как оскорбляла меня бесцеремонность американок. Ах, если бы я могла броситься ей на шею и сказать: «Да, да, я охотно пойду с вами!» Но Джулия не спускала с меня глаз, и я молча стояла на месте.

– Кажется, Маргарет предпочитает пойти со мной, – сказала она и, подхватив корзинку для сбора полевых цветов, взяла меня под руку и увлекла за собой в рощу.

Мы не прошли и двадцати шагов, как Джулия остановилась и пристально посмотрела на меня.

– Ну-с, – спросила она, – что вы теперь мне скажете?

– Я просто ненавижу вас, вот что! – вскричала я. На глазах у меня выступили слезы, я с трудом выговаривала слова.

– Да, это заметно, – сказала Джулия спокойным, даже несколько презрительным тоном. – Однако помочь вашей беде трудно, и вам придется примириться с фактом, что мы стали вам поперек дороги. Ненавистью и гордостью вы ничего не добьетесь. Мы с Аделью решили заставить вас относиться к нам хоть сколь-нибудь дружелюбно, и мы это сделаем, не сомневайтесь.

Потом, многозначительно взглянув на меня, она прибавила:

– Разве вам нечего больше сказать мне?

– Нет, – ответила я. – Только предупреждаю вас, что я ни за что на свете не буду...

Я не смогла договорить, только гневно топнула ногой.

– Понимаю, вы все-таки не хотите дружить с нами, – закончила за меня Джулия.

Потом, сменив тон на более мягкий, она продолжала:

– Напрасно вы так упрямитесь, Маргарет. Я ожидала, что вы скажете мне совсем другие слова, и специально предоставила вам удобный случай.

Я сделала над собой усилие и уже готова была сказать ей: «Благодарю вас за то, что вы выручили меня», но язык не повиновался мне...

– Я очень ценю ваше доброе намерение, – иронично сказала Джулия с обидным для меня смешком, – и очень сожалею о том, что вы потеряли способность владеть языком. Но знайте, что теперь вы уже не свободны, что на вас наброшена цепь, с виду легкая, но очень крепкая. Придется вам склонить вашу гордую головку; отныне вы должны будете идти туда, куда я или Адель захотим вас повести. Ну, а теперь примемся за дело – давайте собирать цветы.

И с этими словами она громко запела. У нее был очень чистый голос и хороший слух; весело подпрыгивая, она принялась бегать по роще, а я шла следом за ней, чувствуя себя совершенно несчастной и в высшей степени недовольной собой.

С этого времени я действительно очутилась в своего рода рабстве у Адели и Джулии Спаркс. Веда и Люси поражались произошедшей во мне перемене.

Люси часто допытывалась у меня, что за тайна связывает

меня с американками, но я обычно останавливала ее словами:

– Пожалуйста, оставьте меня в покое! Все вы только мучите меня и следите за каждым моим шагом.

Мое положение день ото дня становилось все более невыносимым. Меня утешала только надежда, что когда я верну Джулии эти злополучные два соверена, то избавлюсь от кабалы, в которой очутилась. «Я дам ей деньги, – думала я, – и только тогда поблагодарю ее, но в то же время дам ей понять, что ее власти надо мной пришел конец». Но меня все-таки мучила мысль, что даже отдав ей деньги, я не смогу полностью освободиться. Ведь ей было известно, что я унизилась до того, что, как выразилась Джулия, «шпионила» в беседе. И это сделала я, Маргарет Гильярд, дочь всеми уважаемых родителей! Правда, Джулия обещала не выдавать меня, но вряд ли она удержится от этого, особенно если я буду сторониться ее. Я терзалась и не знала, что мне предпринять; во всяком случае, я понимала одно: для меня будет большим облегчением, если я смогу вернуть ей эти ненавистные деньги.

От Джека я получила краткое извещение о получении письма с деньгами:

«Дорогая Мэгги. Дело уладилось. Конечно, лучше поздно, чем никогда, но почему же ты не послала деньги с первой же почтой, как я тебя просил? Впрочем, прощаю тебе эту оплошность, так как я все-таки выпутался из беды. Но

ты могла бы посадить меня на мель своей провололочкой. Я всегда говорю, что девчонки – ненадежный народ, это всем известно. Любящий тебя брат Джек».

Это письмо было слабым утешением для меня, но все-таки я была рада, что смогла помочь Джеку.

Наконец прошла неделя, и Ферфакс уже должен был приготовить два фунта, как он мне обещал.

Ранним утром назначенного им дня я направилась к дому Ферфакса за обещанными деньгами. Мне не пришлось идти далеко, так как в скором времени я встретила с ним в лесу. Но, увы! Он сообщил мне невеселую новость: его часы не были проданы, и он по-прежнему не в состоянии заплатить свой долг. Оказалось, что его жена и слышать не хотела о продаже часов, и Ферфаксу осталось только одно: выплачивать мне деньги по частям.

Что я могла возразить на это? Просить, умолять Ферфакса было совершенно бесполезно. А между тем уже приближался срок возвращения Джека домой на каникулы. Я с нетерпением ждала приезда брата, хотя в то же время и страшилась этого дня. Меня мучила мысль, что эти ненавистные американки, покорившие сердца моих родителей, похитят у меня и сердце любимого брата! К тому же я опасалась, вдруг он узнает, может быть даже от самой Джулии, что я послала ему не его собственные соверены. Тогда всплывет вся история с Ферфаксом, которую я пока еще надеялась как-нибудь скрыть от него, чтобы он не смог упрекнуть меня в наруше-

нии моего обещания.

И вот наступил день приезда Джека. Никогда в жизни не забыть мне этого дня! Я проснулась раньше обычного и в прекрасном настроении. День был чудесный, и я поспешила спуститься в сад. Мама была уже на ногах; она тут же подзвала меня к себе.

– Милая Мэгги, – сказала она, – как я рада, что ты встала так рано. Наша фермерша забыла прислать масло, а у нас его мало к чаю. Сделай одолжение, вели оседлать твоего Бобби и съезди к ней как можно скорее. Заодно закажи еще яиц и сливок.

– Разумеется, мама, – весело ответила я. – Я живо съезжу туда и обратно.

Я была уже у калитки, когда мама снова окликнула меня.

– Послушай, Мэгги, – промолвила она, – я теперь так редко вижу с тобой наедине, а мне очень хотелось тебе сказать, что я в последние несколько недель чрезвычайно довольна твоим поведением.

– Ах, мама, перестань! – смутилась я.

– Я знаю, дитя мое, что ты не любишь, когда тебя захваливают, но все-таки скажу, Мэгги, что ты очень радуешь нас: и мне, и твоему отцу приятно видеть, что ты дружишь с Джулией и Аделью. Я заметила, что вначале ты сторонилась их, теперь же между вами как будто бы полное согласие. Ну все, больше ни слова, езжай скорее, а то опоздаешь к чаю.

Слезы душили меня; в эту минуту я была готова раскрыть

перед мамой свою душу, но она стала меня торопить, и я не сказала ни слова. О, какое ужасное ярмо я сама взвалила себе на плечи! Но Джек, мой милый Джек освободит меня, утешала я себя. Не может быть, чтобы он не принял мою сторону и не помог бы мне занять прежнее место в доме. Только как быть с этим проклятым долгом? О, если бы только я могла вернуть Джулии ее соверены и освободиться от ее сетей!..

Прекрасное свежее утро понемногу рассеяло мои мрачные мысли, и я подъехала к ферме уже снова в веселом расположении духа.

Фермерша с засученными по локоть рукавами хлопотала со своими цыплятами. Я передала ей поручение мамы и, получив у нее масло, пустилась в обратный путь.

Когда я проезжала мимо деревенской почтовой конторы, из нее вышла почтмейстерша, миссис Роббс, и радостно окликнула меня:

– Вот какой удачный случай! Скажите, мисс Мэгги, вы едете домой?

– Да, – ответила я.

– Тогда, пожалуйста, будьте добры, окажите мне услугу. Видите ли, в чем дело: наш почтальон, Дрейк, захворал и не может разносить почту, а у меня сейчас нет никого, кто мог бы его заменить. Письма и газеты, значит, запоздают, и все получатели будут недовольны. Остальным придется подождать, но мне не хотелось бы огорчать вашего отца – ведь господин пастор всегда так аккуратно следит за своей корре-

спонденцией.

– Так что же вы от меня хотите? – нетерпеливо спросила я.

– Да вот, мисс, вы меня очень выручите, если захватите с собой мешок с письмами, адресованными вам.

Я изъявила свое согласие; миссис Роббс повесила мне через плечо кожаный почтовый мешок, и я продолжила свой путь к дому.

Проехав почти полпути, я случайно взглянула на почтовый мешок и, к своему удивлению, увидела, что он не заперт, как обычно, на ключ. Я знала, что У моего отца и у миссис Роббс имеется ключ от этого мешка, и папа по утрам всегда отпирал мешок своим ключом и вынимал из него письма и газеты. На этот раз миссис Роббс, наверное, второпях забыла запереть мешок своим ключом. Приоткрытый мешок висел у меня через плечо, и, заглянув в него, я тотчас же заметила в числе других пакетов письмо, адресованное Джулии Спаркс. На него была наклеена лондонская почтовая марка; по этой марке и по почерку на конверте я знала, что в таких письмах на имя Джулии всегда находились чеки на получение денег, иногда одного фунта стерлингов, а часто и больше. «Этих американок просто балуют, – подумала я, – им уже некуда девать свои деньги!»

Я еще раз посмотрела на письмо, и меня точно что-то кольнуло в сердце. Я так сильно дернула поводья, что мой бедный пони обиделся и пустился вскачь. Я оглянулась вокруг: нигде никого не было видно. Бобби и я были одни. А

еще тут был мешок с письмами, а в нем – письмо, адресованное Джулии и несомненно содержащее денежный чек. «Ах, Боже мой, – вздохнула я, – если бы это письмо было адресовано мне! Тогда я уплатила бы свой долг Джулии и избавилась от ее власти!» Я вынула письмо из мешка и рассмотрела его со всех сторон. Руки мои дрожали от волнения; я опустила поводья на шею Бобби, который теперь уже снова ступал вперед ленивым шагом. Тут же у меня в голове промелькнула мысль: «А почему же это письмо не может стать моим?»

Я знала, что Джулия в это время не ждала никаких писем из Лондона. Я все думала, думала... И чем больше думала, тем сильнее овладевал мной ужасный соблазн. В голове у меня помутилось; я забыла обо всем на свете – и об отце, и матери, и даже о Боге! Едва сознавая, что делаю, я выхватила письмо из мешка и сунула его в свой карман. В ту же минуту я издалека увидела папу, шедшего мне навстречу своим обычным быстрым шагом.

– А, это ты, Мэгги! – воскликнул он. – Где же это ты была так рано?

– Я была у фермерши, – бойко ответила я, и, к своему стыду, добавлю, что почти не смутилась при встрече с отцом. – Да, папа, – продолжала я, – а еще знаешь что? Бедный Дрейк захворал, и миссис Роббс попросила меня захватить с собой мешок с письмами. Но представь, она забыла запереть его на ключ.

Папа достал из мешка письма и газеты.

– Тут, кажется, сегодня никому нет писем, только газеты и пакет на мое имя, – сказал он. – Я иду теперь в деревню и захвачу мешок с собой, чтобы сдать в почтовую контору; кстати, сделаю маленький выговор миссис Роббс за ее рассеянность. Я не люблю, чтобы посторонние рассматривали мою корреспонденцию. Впрочем, на этот раз мешок был передан тебе, и я совершенно спокоен.

– Так ты разве не вернешься к завтраку, папа?

– Нет, я приду позже. До свидания, Мэгги!

Я поехала домой и, должна сознаться, совесть тогда совершенно не мучила меня, напротив, я была в возбужденном, приподнятом состоянии духа.

«Теперь уже я никак не могу отдать письмо Джулии, – твердила я про себя, – дело сделано. А потом я как-нибудь выпутаюсь, когда получу деньги от Ферфакса. Да и Джулии сейчас эти деньги не нужны».

Когда мы все сидели за чайным столом, мама вдруг заметила:

– Что-то сегодня почта запаздывает.

– Ах, – бросила я небрежно, – я и забыла тебе сказать, что Дрэйк болен и миссис Роббс отдала мне почтовый мешок, а я по дороге встретила папу и передала ему.

– Как это досадно, – сказала мама. – Твой отец нескоро вернется домой, а я жду письма от Джека с точным указанием времени его приезда.

– Но там не было письма от Джека, – сообщила я.

– А почему же вы это знаете? – спросила Джулия.

– Потому что миссис Роббс забыла запереть мешок на ключ.

– Ах вот как, значит, вы перебрали и просмотрели все письма? – задорно продолжала допрос Джулия.

– Ах, Джулия! Что вы пристаёте к Мэгги, – недовольным тоном вмешалась мама.

– Я вовсе не перебирала и не рассматривала письма, – возразила я. – Папа взял у меня мешок и при мне разобрал; там были только газеты и пакет на его имя.

Джулия больше не сказала ни слова. После чая мы принялись хлопотать о приготовлениях к приезду брата.

Улучив удобную минуту, я бросилась к себе наверх и, закрыв дверь на ключ, вынула из кармана письмо к Джулии и распечатала его. О, какой же я стала низкой, нечестной! Я докатилась до воровства! Но в ту минуту я была слишком взволнована, чтобы сознавать это. В письме, как я и ожидала, оказался чек. Письмо было от проживающей в Лондоне знакомой американок. Мне доводилось слышать от них об этой миссис Джефферсон; дядя сестер поручил ей время от времени снабжать их деньгами. Я быстро разорвала письмо на мелкие кусочки и выбросила их, а потом дрожащими от волнения руками разложила чеки на своем туалетном столике. Тут было три чека на двадцать шиллингов каждый. Да, теперь я могла расплатиться с Джулией! Надо сегодня же покончить с этим! Какое счастье! И после возврата долга у ме-

ня останется на руках еще некоторая сумма денег. Но радовалась я главным образом тому, что у меня наконец появилась возможность избавиться от власти, которую приобрела надо мной Джулия. Правда, оставалась еще история подслушивания в беседке, но я тогда о ней уже не думала.

Глава IX

Звонкая монета

Положить три чека по двадцать шиллингов каждый в кошелек и опустить его в карман – дело нетрудное, но обратить эти красивые бумажки в наличные деньги не так-то просто. Я не могла заплатить Джулии чеками, так как она непременно захотела бы узнать, где я их взяла. Нет, необходимо было обменять их на деньги, но как это сделать – вот задача! Я боялась пойти в почтовую контору и попросить, чтобы мне обналичили чеки, так как почтмейстерша, зная обстоятельства нашей семьи, непременно начала бы расспрашивать, откуда у меня такая крупная сумма. Нет, надо было придумать что-то другое.

После долгих раздумий я решила, что лучше всего мне в этом деле может помочь Сесилия. Собственно говоря, в беду-то я попала по ее вине, поэтому она же и должна меня выручить. Она могла бы сходить в ближайший от нас город Гарфилд и там разменять чеки на деньги.

Сразу после обеда я направилась к дому лесничего – разыскивать Сесилию. По дороге я встретила щегольской экипаж, запряженный парой крупных серых лошадей. В экипаже сидела очень красивая, изящно одетая дама, а рядом с ней – хорошенькая девушка, по виду одних со мной лет.

Эта девушка с большими голубыми глазами и золотистыми волосами показалась мне очаровательной; она была вся в белом, а на голове у нее была большая шляпа с белым пером, защищавшая ее от солнца. Когда я приостановилась на краю дороги, чтобы пропустить экипаж, дама обернулась в мою сторону, внимательно посмотрела на меня и велела кучеру остановиться; потом она подозвала меня к себе.

– Кажется, я не ошибаюсь, – сказала она, – вы Маргарет Гильярд?

– Да, я – дочь здешнего пастора.

– А я – леди Пенроуз, и это моя дочь. Вайолет, поздоровайся! Не хотите ли, милая мисс Маргарет, я подвезу вас до вашего дома? Я как раз еду к вам – навестить вашу матушку и повидать Веду Конвей. Мать Веды – моя большая приятельница, и я очень довольна, что Веда поселилась у вас. Я собираюсь на днях всех вас, девушек, пригласить к себе в замок. Садитесь, мы вас доведем.

– Благодарю вас, – ответила я, – но я пришла сюда, чтобы повидаться по делу с одной своей приятельницей, так что пока еще не могу вернуться домой.

Леди Пенроуз, кивнув мне головой, велела кучеру ехать дальше, и скоро экипаж скрылся из вида.

«Какая хорошенькая эта Вайолет, – подумала я. – Прелестная, милая девушка. Хорошо было бы познакомиться с ней поближе. Если бы только...»

Но мне некогда было долго раздумывать, на уме у ме-

ня было совсем другое. Когда я вошла в домик Ферфакса, его жена стояла у печки и мешала что-то в большой кастрюле. Увидев меня, она с недовольным видом поздоровалась и молча ждала, чтобы я объяснила причину моего визита.

– Я пришла повидать Сесилию, – начала я довольно высокомерно.

– Ее нет дома, мисс. Она тут где-нибудь шатается. Она не очень-то любит сидеть дома и всю домашнюю работу оставляет своей матери.

– Я пойду поищу ее, – сказала я и направилась к выходу. Я уже собиралась закрыть за собой дверь, как миссис Ферфакс остановила меня словами:

– Так вы пришли сюда не к моему мужу?

– Нет, – ответила я, – сегодня он мне не нужен.

– А то я вам лучше наперед скажу, что Ферфакс не намерен продавать свои часы. Я вышла за него замуж, потому что у него был полон дом всякого добра; я того мнения, что хорошие, недельного завода, часы должны быть в каждом порядочном доме, и потому я прямо вам заявляю, что не согласна продавать эти часы. Ни за что на свете я с ними не расстанусь!

И она с силой захлопнула дверь перед самым моим носом. Я была возмущена ее дерзостью и готова была снова отворить дверь и высказать ей свое негодование, но в эту минуту показалась Сесилия, и я бросилась к ней навстречу. Она, очевидно, обрадовалась, увидев меня, но сдерживала себя.

Похоже, с тех пор как я дала деньги взаймы ее отцу, ей, бедной, дома жилось нелегко.

– Ах, мисс Мэгги! – вскричала она. – Скажите, что-то случилось?

– Мне нужно поговорить с тобой. У меня есть поручение для тебя.

– Что ж, мисс Маргарет, я сделаю для вас все, что только в моих силах.

– Только надо, чтобы ты немедленно принялась за дело. Тебе придется сходить в Гарфилд.

– В Гарфилд! Ведь это будет мили четыре отсюда!

– Ну так что же? Сделай это, пожалуйста, для меня! Кроме тебя мне некого послать туда, так как я не хочу, чтобы кто-нибудь узнал об этом деле, ты понимаешь, Сесилия?

– Я, конечно, никому не скажу ни слова, – ответила Сесилия, – но четыре мили – это ведь так далеко! А мама будет меня ждать к вечернему чаю...

– Тебе надо будет устроить так, будто ты пошла со мной, пить чай у нас, а я к тому времени, как ты вернешься, приготовлю тебе какой-нибудь вкусный гостинец. И еще я дам тебе шиллинг за труды.

Глаза Сесилии просияли, когда я упомянула о шиллинге.

– Нам с мамой, правда, сейчас очень нужны деньги, – сказала она. – Отец все копит, чтобы расквитаться с вами, а мама все время упрекает его за этот долг. Она страшно разобиделась, когда узнала, что он хотел продать наши часы.

– Твой отец должен был сдержать свое слово. Это бессовестно, что он обманул меня. Я слишком жалею вас, а вообще-то мне следовало бы пожаловаться на твоего отца сэру Пенроузу. Впрочем, я и теперь могу это сделать, если ты откажешься помочь мне. Кстати, знаешь, Сесилия, я только что встретила леди Пенроуз с Вайолет, и они приглашают нас на целый день в их замок. Ты понимаешь, что мне было бы нетрудно все рассказать сэру Пенроузу. Но я пока буду молчать, только ты, Сесилия, постарайся помочь мне.

– Да я готова все на свете сделать для вас, мисс Мэгги!

– Ну так сделай вот что, – я достала свой кошелек из кармана и вынула из него три чека. – Тебе надо сходить с этими чеками в Гарфилд. Тут, вот на этой строчке, тебе придется написать свою фамилию. Для меня лучше, если подпишешься ты, а не я; я не скажу тебе, почему так нужно, но ты должна довериться мне. Тебе, конечно, ничего бы такого не пришлось проделывать, если бы твой отец уплатил мне свой долг вовремя. Когда ты предъявишь эти чеки на почте в Гарфилде, тебе выдадут шестьдесят шиллингов; подумай только, какая сумма!

Итак, – продолжила я, – ты принесешь мне три золотых соверена, а шиллинг я дам тебе из своей копилки. Матери ты скажешь, что все это время провела со мной. Ах, Сесилия, сделай это для меня!

– Я уж постараюсь, мисс Мэгги.

– Если ты мне устроишь это дело, я всю жизнь буду тебе

благодарна за твою услугу, я всегда буду любить тебя!

– Но ведь это такая большая сумма, милая мисс Мэгги! Мне как-то страшно браться за это дело. А вы разве не скажете мне, откуда вы получили эти чеки?

– Нет, – ответила я, – это моя тайна.

– А почему нельзя сходить в нашу деревенскую почтовую контору и там получить деньги? Ведь это гораздо ближе, я обернулась бы за несколько минут.

– Нет, я хочу, чтобы деньги были получены в Гарфилде. И ты никогда, никогда никому на свете не должна говорить об этих деньгах! Ступай сейчас же. Если же ты не исполнишь моей просьбы, то знай, что как только я увижу сэра Пенроуза, то...

– Но мне странно, что вы как будто бы не хотите полностью довериться мне, – заметила Сесилия, но, видя мое нетерпение, только переспросила: – Так где мне надо написать мою фамилию?

– Вот здесь. Сходи сейчас же домой и принеси перо, обмакнув его в чернила. Только сделай это так, чтобы твоя мать ничего не заметила.

Когда Сесилия принесла перо, я указала ей место, где ей надо было расписаться, потом, сложив чеки в кошелек, я еще раз попросила ее стрелой лететь в Гарфилд.

Как я уже упоминала, прибытия Джека ожидали в этот же день, к вечеру. За ним был послан экипаж на станцию железной дороги. При других обстоятельствах я, конечно, не утер-

пела бы и отправилась встречать брата. Но теперь на предложение мамы поехать на вокзал я ответила какой-то отговоркой: был уже седьмой час вечера; Сесилия все еще не вернулась с деньгами, а я должна была караулить ее в условленном месте. Таким образом, встречать Джека поехали мама с Ведой и Люси; американки остались дома.

Наконец появилась Сесилия и подала мне мой кошелек. Я открыла его и с восторгом взглянула на три блестящих золотых соверена. Потом я отдала Сесилии обещанный шиллинг, а также огромный кусок сладкого пирога и корзинку спелого крыжовника.

– Ну, большое тебе спасибо, – сказала я и крепко ее поцеловала. – Только помни, что ты никогда никому не должна говорить об этом!

– Обещаю вам, мисс Мэгги, никогда и никому!

После этого я направилась к дому. Увидев Джулию, сидевшую за своим письменным столом, я подошла прямо к ней – точно так же, как несколько недель назад она поступила со мной, и положила перед ней на стол два соверена.

– Очень благодарна вам за ваше одолжение, – сказала я. – Я не благодарил вас раньше, так как была просто ошеломлена вашей добротой. Но теперь, когда я вернула вам деньги сполна, я благодарю вас.

Увидев золотые монеты, Джулия вскочила со своего места, быстро повернулась ко мне, посмотрела на меня в упор и воскликнула:

– Скажите на милость! Это что же такое значит?

Я разразилась громким смехом и повторила:

– Теперь я расплатилась с вами и приношу вам мою искреннюю благодарность!

Затем я сделала ей глубокий реверанс и выскочила из комнаты.

Вскоре приехал Джек. Я была так взволнована, что ни в чем толком не отдавала себе отчета. Я бегала то туда, то сюда, хохотала, пела, все время подбегала к Джеку и душила его своими объятиями и поцелуями. Наконец это ему надоело, и он остановил меня словами:

– Ну, слушай, не хватит ли уже?

Это случилось в присутствии Джулии; меня обидели его слова, но я взглянула на нее вызывающе и сказала:

– Вот как я люблю своего брата, и вот как он отвечает на мою любовь!

Джек улыбнулся моей выходке и сказал снисходительным тоном взрослого мужчины:

– Это ведь наш миленький цыпленочек, наша маленькая Мэгги. Вы любите ее, не правда ли, мисс Спаркс?

– Ах, прошу вас, зовите меня просто Джулией, – отозвалась она. – Терпеть не могу, когда меня зовут по фамилии. Да, конечно, я очень люблю Маргарет, и она любит меня. Она просто обожает меня! Мы с ней самые закадычные подруги, не правда ли, Маргарет?

Я дерзко кивнула головой:

– Предоставлю Джеку самому убедиться в этом.

На другое утро я рано спустилась вниз – в надежде прогуляться наедине с Джеком. Но как назло, то ли от усталости, то ли от лени, он присоединился к нам только тогда, когда все уже сидели за чайным столом. Джек вообще был общительный юноша и умел обворожить своим обхождением; все девушки весело болтали с ним, как будто уже давно были знакомы. Разумеется, Джек был очень доволен общим вниманием, хотя он не мог не заметить, что я все время была как бы на втором плане. Впрочем, пока еще он по старой привычке время от времени обращался ко мне, в особенности, если дело касалось предполагаемых развлечений во время его каникул. После завтрака я была польщена и обрадована тем, что Джек подошел ко мне, когда все девицы стояли на веранде, и, хлопнув меня по плечу, сказал:

– Что ж, Мэгги, пойдем в лес, прогуляемся в прохладе.

Я высоко подняла голову и торжествующим взглядом посмотрела на Джулию, которая, как мне казалось, все время пристально следила за мной.

– Не забудьте, Маргарет, – сказала она, – что через полчаса нам всем надо быть в беседке, чтобы репетировать наши роли.

– О чем это вы хлопчете? – спросил Джек, обращаясь к Джулии.

– А разве вы не знаете? – воскликнула Люси, – У нас тут на будущей неделе затевается базар и любительский спектакль!

– Да, это делается по желанию отца, – перебила я. – Ты ведь знаешь, что у нас почти каждое лето устраивается благотворительный базар. В этом году на расходы по приходским делам нужна особенно крупная сумма, и мы постараемся сделать так, чтобы базар привлек побольше публики.

– Да-да, – прибавила Адель, – мы все очень озабочены организацией этого базара, который должен иметь блестящий успех. Мы предполагаем, между прочим, поставить палатку, в которой вы, мистер Джек, будете играть роль цыганки-ворожеи.

– О, – вскричал Джек, – вот так потеха! Что же, я должен нарядиться цыганкой?

– Да, Джек, – вмешалась я. – Ты будешь очень хорошенькой цыганкой, у тебя такие выразительные глаза!

– Из этого, однако, не следует, что мистер Джек может слишком много возомнить о себе, – заметила Джулия, – хотя мне действительно кажется, что эта роль очень ему подойдет.

– Послушай, Мэгги, – начал Джек, когда мы с ним вдвоем гуляли по лесу, – какие эти приезжие девицы веселые и интересные, они мне чрезвычайно нравятся. Эта маленькая американка, Джулия, просто красавица. Ты знаешь, что я, собственно говоря, не особенно-то жалую девчонок и считаю их ужасно надоедливыми, но эта Джулия – прелесть что за девушка! В ней нет никакого жеманства, и она такая остроумная.

– И Адель, вероятно, тоже тебе нравится?

– Да, и она, и остальные девицы; в каждой из них есть что-то привлекательное. Но что с тобой, Мэгги? У тебя такое странное выражение лица...

– Ах, пустяки! Решительно ничего.

Джек пристально посмотрел на меня.

– Нет, я подмечаю в тебе что-то новое. Да ты, кажется, просто ревнуешь! Ну, ты это лучше брось, Мэгги. Разумеется, ты всегда у меня будешь номером первым. Ведь ты же моя родная сестра и все такое прочее. Но все-таки мне очень нравятся эти американки! Мы тут с ними обязательно затеем какие-нибудь штуки, чтобы повеселее провести время моих каникул. Ну и довольно про них. Я хотел спросить тебя, почему ты тогда так долго не высылала мне деньги, я ведь их ждал с первой почтой? Я мог бы из-за тебя вляпаться в очень неприятную историю.

– Прости, Джек, но у меня не было возможности их выслать раньше.

– Вот видишь, а будь на твоем месте брат, он бы обязательно ухитрился это сделать. Мы, юноши, готовы сделать все, чтобы выручить товарища. А в особенности имея от этого товарища вещественный знак памяти в виде переломанной надвое трехпенсовой монеты. Ведь если бы ты меня не выручила из беды, на тебя пало бы проклятие! Меня запросто могли бы исключить из школы! И если бы это случилось по вашей вине, мисс Мэгги, то я никогда бы этого не простил. Я просто возненавидел бы тебя, вот что!

– Однако же этого не случилось, – со вздохом возразила я. – Ведь я же все-таки выслала тебе деньги вовремя.

– Да, разумеется, – ответил Джек высокомерным тоном. – Ну ладно, не будем больше об этом толковать. Все кончилось благополучно, и я уже забыл об этой истории.

– Но я-то не забыла, – заметила я. – Я очень исстрадалась, Джек, уверяю тебя.

– Исстрадалась, – повторил Джек, повернувшись и взглянув мне в лицо. – Да, в самом деле у тебя какой-то измученный и озабоченный вид. Ты даже будто подурнела, Мэгги. По моему мнению, из тебя не выйдет ничего путного, ты будешь дурнушкой. А некрасивые женщины не имеют никакого успеха в обществе, мы, мужчины, в них не влюбляемся. Ты умрешь старой девой, Мэгги, точно! Ну-ну, вот ты и обиделась, что за сердитая физиономия!

Тут Джек покатился со смеху, уверяя меня, что выражение моего лица вызывает в нем неудержимый хохот.

– Право, на тебя стоит посмотреть, Мэгги! – воскликнул он. – Это своего рода представление! Просто «не тронь меня»! Прости, не могу удержаться от смеха! Ну, а теперь у тебя и слезы на глазах... Эх ты, бедняжка, Мэгги! Право, я не хотел тебя обидеть. Давай-ка мириться! Я готов даже поцеловать тебя, если хочешь. – Джек нагнулся и подставил мне свою гладкую щеку. – Да, вот еще что, Мэгги, кстати, я вспомнил, – продолжал он, – сделай одолжение, не выставь меня таким дураком перед твоими подругами.

– Что ты говоришь, Джек? Я выставляю тебя дураком?

– Ну да! Ты все обнимаешься со мной и устраиваешь разные чувствительные сцены. Я этого терпеть не могу – как-то глупо обниматься и нежничать с родной сестрой. Прошу тебя, чтобы этого больше не было. Я не прочь поцеловать тебя при случае, если ты будешь добра ко мне и когда мы одни, а при посторонних я отказываюсь от этих нежностей.

– Но разве ты запретишь мне целовать тебя, когда мы здороваемся по утрам и прощаемся перед сном, Джек? – спросила я, жестоко оскорбленная в чувстве сестриной любви. – Ах, как ты меня мучаешь, Джек!

– Пожалуй, если уж ты непременно этого желаешь, – ответил Джек. – Только, прошу тебя, не плачь. Это несносно, когда ты распускаешь нюни! И только с условием: по одному поцелую утром и вечером, и баста! Без всяких этих объятий, которые я ненавижу. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

– Да, я отлично понимаю, – грустно сказала я, – я готова и вовсе не целовать тебя, если это тебе так неприятно.

– Ну вот, теперь она обижается! Я так и знал, что этим кончится. Выходит, я правду говорил, что ты «бедняжка, не тронь меня»!

– Ах, Джек! – начала я. – Если бы только ты знал...

– Только, пожалуйста, нельзя ли без слез, у тебя их, кажется, неиссякаемый запас! Полно же, приободришься и давай поболтаем. Ведь я же очень рад, что я снова дома и вместе с тобой. Ну, пока мы сейчас здесь одни, я тебя обниму еще

раз, чтобы развеселить. Но только один поцелуй, хорошо? Давай-ка поскорее!

Джек обвил мою шею руками, наклонил голову и поцеловал меня во влажную от слез щеку.

– Слушай, Мэгги, да ты вся мокрая! – сказал он, вытирая губы рукавом своей рубашки.

– Джек, – ответила я, – обещаю тебе, что не буду плакать и буду такой, какой ты хочешь, все время, пока ты гостишь дома. И еще раз скажу тебе, что люблю тебя больше всех на свете! Я, конечно, очень люблю и папу, и маму, но тебя я люблю особенно: мы ведь с тобой всегда были большими друзьями и всегда делили все наши горести и радости.

Джек кивнул головой в знак согласия.

– Ах, Джек, мой милый, хороший! – продолжала я и, уцепившись за его рукав, потерлась о него щекой. – Милый Джек, я никогда и ни за что не выйду замуж! Я хочу всегда оставаться твоей единственной сестрой. Мне хотелось бы всю жизнь неразлучно жить с тобой! И даже если ты будешь беден, я стала бы твоей служанкой – чинила бы твою одежду, стирала бы для тебя и держала твою квартиру чистой, как стеклышко.

– Ради Бога, Мэгги, перестань нести эту высокопарную чушь! Ты рисуешь уж очень непривлекательную картину. Я вовсе не намерен быть бедняком. Ты можешь оставаться старой девой, если хочешь, но я-то не намерен становиться старым холостяком. Я непременно женюсь и, надеюсь, еще со-

всем молодым человеком. У меня будет красивая белокурая женошка, которая будет совсем не похожа на тебя, потому что ты брюнетка, и я тоже брюнет. Такая жена, как ты, мне вовсе не подходит. Ты слишком плаксива и чересчур порывиста. Я хочу, чтобы моя жена любила меня, но чтобы она не твердила мне об этом ежеминутно. Ну вот, ты уже опять морщишь свой лобик, и глаза начинают наполняться слезами. Ты непременно превратишься в дурнушку, если будешь так часто реветь. Разве я не знаю, что ты меня обожаешь? И ты тоже знаешь, как я люблю тебя, Мэгги. Ты ведь, право, чудесная сестренка!

Я прилагала все возможные усилия, чтобы удержаться от слез и преодолеть нервный спазм в горле. Джек всегда был немного странный. Он никогда не любил, как он говорил, «телячьих нежностей». Я знала это и жалела, что так расчувствовалась. После небольшой паузы я сказала:

– Скажи, а зачем тебе понадобились эти твои соверены? Пожалуйста, Джек, расскажи мне, в какую беду ты попал, что это за кролики, и кто этот твой товарищ? Мне очень любопытно.

– Ну, знаешь, Мэгги, тебе все-таки придется побороть свое любопытство, потому что я ничего тебе рассказывать не буду. Это большой секрет. Неужели ты думаешь, что я выдам своего товарища? Этому не бывать. Теперь дело улажено – деньгами, но это все-таки была очень неприятная история. К тому же теперь у меня нет и медного гроша в кармане, а день

рождения отца будет уже через две недели. Мне так давно хотелось подарить ему часы! У тебя, Мэгги, наверное, тоже нет денег, чтобы дать мне в долг?

У меня был, конечно, один золотой соверен, правда, чужой и присвоенный бесчестным путем...

– Небольшая сумма у меня есть, – ответила я с невольной запинкой.

– Есть? – вскричал Джек, глядя прямо мне в глаза. – Вот это славно! Сколько же у тебя на руках денег, Мэгги?

– Один соверен наберется, – я опустила глаза.

– Ай да молодец, Мэгги! Какова! Каким чудом ты ухитрилась скопить целый соверен?

– А это уже моя тайна, – сказала я. – Ты не хочешь открыть мне свой секрет, так не требуй, чтобы я была с тобой откровенна.

– Но ты все-таки не откажешься отдать мне займы твой соверен? Я верну его тебе, когда у меня будут деньги. Клянусь, что верну!

– Нет, я не возьму у тебя эти деньги обратно, – ответила я. – Я отдаю их тебе в твою полную собственность, и ты купишь на них подарок для папы.

Лицо Джека засияло от удовольствия, но он продолжал настаивать, что непременно отдаст мне деньги.

– Ты лучшая и добрейшая из всех сестер на свете! – воскликнул он. – Но я не из тех, кто безвозвратно берет деньги у девочек. Тебе придется подождать самое большее год или

два. А этот соверен у тебя здесь, с собой?

– Да, у меня в кармане.

– Так достань же его оттуда поскорее!

Я опустила руку в карман, открыла свой маленький кошелек, вынула из него соверен, который, в сущности, принадлежал Джулии, и подала его Джеку. Он первым делом поднес монету ко рту и прикусил зубами, чтобы убедиться, как он сказал, в ее доброкачественности. Затем бросил соверен об камень, чтобы проверить, будет ли он звенеть как следует, после чего объявил, что это настоящий, вполне доброкачественный соверен, и спрятал его в жилетный карман.

Наш разговор на этом был окончен, и мы направились к дому.

Глава X

Подземелье с привидениями

Оставшиеся до открытия базара дни быстро пролетали один за другим. Мои опасения, что предосудительная проделка с чеками может быть обнаружена, почти исчезли. Только одна Сесилия могла бы уличить меня, но она ведь не знала, каким образом я завладела этими чеками. Джулия, похоже, вовсе не ждала денег из Лондона, – по крайней мере, она ни разу не упомянула об этом. У сестер, впрочем, и без того было столько денег, что они не знали, куда их девать. Каждый день у нас проходил весело, в болтовне и прогулках; я старалась заглушить голос совести, которая у меня, конечно, отнюдь не была спокойной.

На этих днях было получено давно ожидаемое приглашение от леди Пенроуз, которое всех нас привело в восторг. Больше всех, однако, волновались наши американки. Они были очень озабочены своими туалетами и приставали за советами то ко мне, то к Веде. У них были нарядные платья, которые они никогда не носили, предпочитая свои простые, короткие матросские костюмы – чтобы свободнее двигаться и не заботиться постоянно о том, как бы не порвать или испачкать платье.

Джек был крайне недоволен этими толками о туалетах;

объявив, что мы, девицы, просто невыносимы со своими разговорами о тряпках, он убежал от нас, чтобы покататься на лодке по озеру или погонять на своем велосипеде.

Эта суэта отчасти сблизила меня с Джулией и Аделью, но однажды я вдруг получила удар, можно сказать, прямо в сердце и сильно встревожилась. Речь зашла о том, что если мы сблизимся с Вайолет Пенроуз, вероятно, нас будут довольно часто приглашать в замок.

– Придется мне написать миссис Джефферсон в Лондон и попросить ее выслать нам кое-что из туалетных принадлежностей, – заметила Джулия, – нельзя же являться в такой знатный дом все в одних и тех же шляпках. Да, наверное, придется нам заказать и новые платья. Странно только, что мы уже давно не получали никаких вестей от миссис Джефферсон.

– Как раз я сегодня тоже подумала об этом, – прибавила Адель.

– Миссис Джефферсон всегда пишет нам не реже, чем раз в две недели, – продолжала Джулия, – и, как правило, в письмах присылает деньги. Очень странно, что она так долго молчит. Если бы дядя Джозеф не прислал нам перед отъездом в Америку эти десять фунтов, то мы, пожалуй, сидели бы тут без гроша. Ну а так – не беда, если пройдет еще немного времени до получения денег от миссис Джефферсон.

Я вышла из комнаты юных американок в сильнейшем волнении. Недолго, значит, длилось мое веселье! Надо мной сгу-

щалась мрачная туча... Я забралась в постель так быстро, что Люси удивилась и спросила, не случилось ли со мной чего-нибудь. Но я, закрыв лицо одеялом, уверяла ее, что я просто очень хочу спать. Однако прошло немало времени, прежде чем я смогла успокоиться и заснуть.

На следующий день мы все вместе отправились в замок. Папа и мама остались дома, так как предполагалось, что там соберется исключительно молодежь. Леди Пенроуз прислала за нами экипаж, в котором мы все смогли поместиться. Мы разоделись в наши лучшие наряды. Разумеется, я не могла нарядиться так же богато, как американки; в своем простеньком кисейном платье и белой шляпке я составляла с ними резкий контраст. Веда тоже была одета довольно скромно, но она была так грациозна в своем сереньком платье из мягкой летней ткани, что ею можно было залюбоваться. Люси же была так непринужденно весела, что никто и не обращал внимания на ее туалет.

Замок Пенроуз очень походил на исторические здания Средних веков, о которых мы много читали; тут была и сторожевая башня, и цитадель, был и подъемный мост. Когда мы въехали в замок, гремя колесами по подъемному мосту, навстречу нам вышла Вайолет Пенроуз. Ее глаза блеснули от удовольствия, она приветственно протягивала нам обе руки. Но радушнее всех она приняла меня, сразу выделив своим обращением среди других девиц.

Скоро к нам вышла и сама леди Пенроуз. Она провела

нас в огромный зал, где для нас были приготовлены закуски. Мы перекусили, и Вайолет спросила, что нам хотелось бы предпринять до завтрака.

– У нас часа два времени, – сообщила она, – и мы можем распорядиться ими по своему усмотрению.

– В качестве американской гостьи, – сказала Джулия, – я хотела бы употребить это время на экскурсию по вашему чудному замку. Тут все так интересно! И ваша сторожевая башня, например, и цитадель.

– Пожалуйста, мисс Спаркс, давайте приступим к обзору наших владений, – вмешалась в разговор леди Пенроуз. – Вайолет будет очень рада показать вам все наши достопримечательности.

– Благодарю вас, миледи, – ответила Джулия, – я первый раз в жизни нахожусь в таком старинном замке, и меня интересует все, не исключая подземелья, где, наверное, стены пропитаны вековой сыростью.

– И что же вы предполагаете там увидеть, кроме следов этой исторической сырости? – любопытствовала леди Пенроуз.

– Возможно, скелеты или привидения... – ответила Джулия, сделав «страшные» глаза.

– Да, в самом деле, тут у нас есть легенда о некоем скелете, будто бы замурованном в стене башни, – заметила Вайолет.

– Так нельзя ли разломать стену и проверить, правдиво ли это предание? – живо предложил Джек.

И мы все вместе веселой гурьбой пустились исследовать местность. Мы взбирались на башни, спускались по темным коридорам в нижние этажи замка, ходили по крепостному валу. Мы побывали в оранжереях, в садах, где росли прекрасные фруктовые деревья и огромные кусты роз всевозможных оттенков. Мы любовались зелеными коврами лугов с куртинами⁸, окаймленными бордюрами цветов, как разноцветными лентами. Как мы наслаждались всем этим! Это был один из счастливейших дней в моей жизни. Главным образом нашему веселью мы были обязаны Вайолет Пенроуз: она была такая милая, такая оживленная, что в ее присутствии трудно было не чувствовать себя счастливыми. Она с удовольствием водила нас повсюду, показала нам своих любимцев – пони, собак, птиц и кроликов. И все время она почти не отходила от меня, при каждом удобном случае охотно уединялась со мной и выражала свою внезапно возникшую симпатию. Мы с ней, между прочим, разговорились о моих занятиях дома и о том, как я вообще провожу время. Разговор коснулся и моих подруг, и она, вероятно, подметив мое отношение к приезжим девицам, вдруг схватила и крепко сжала мою руку.

– Да, да, я вас понимаю, – сказала она, – они, может быть, и очень милые девушки, но все-таки это не то, что родные и близкие.

– Конечно, не то, совсем, совсем не то! – воскликнула я,

⁸ Куртина – здесь: группа деревьев или кустов одной породы.

обрадованная ее сочувствием. И вдруг я дала волю накопившимся во мне чувствам и, наклонившись к Вайолет, взволнованно прошептала:

– Я ненавижу их всех! Да, ненавижу, всем сердцем ненавижу! В особенности этих американок: они вытеснили меня с моего места в доме! И ничего нельзя поделать, от них невозможно избавиться! Они богатые, и мы должны держать их у себя, потому что мы так бедны: отец лишился части своего состояния, и мы нуждаемся в средствах. Но это так тяжело, так тяжело, вы и представить себе не можете! Впрочем, тяжело это главным образом для меня, а папа и мама с ними мирятся и даже полюбили их. О, они всех очаровали, даже мой брат Джек – и тот все время с ними!

– Как это так, – сказала Вайолет, – я не совсем понимаю. Вы говорите, ваш отец лишился денег? Но я не представляю, что это значит – остаться без средств существования. У нас всегда столько денег, что мы не знаем, куда их девать. Ах, как бы я хотела, Маргарет, чтобы у вас была хотя бы часть моих денег!

– Верю вам, милая Вайолет, вы такая добрая и отзывчивая! Но тут, увы, ничего не поделаешь. Только прошу вас, не передавайте никому то, что я вам говорила.

– За кого вы меня принимаете, Маргарет? Я горжусь тем, что вы так откровенны со мной. Будем друзьями – навсегда! Мы в этом году долго проживем в замке, и я надеюсь часто, очень часто видеться с вами. Я понимаю, как вам тяжело

жить вместе с этими девицами, если они вам несимпатичны.

Тут к нам присоединилось остальное общество, и мы заговорили о том, куда нам направиться дальше.

– Да, Вайолет, – сказала я, – вы ведь еще не показали нам подземный ход под башней. Я слышала, что там более ста лет тому назад погибла одна из леди Пенроуз.

– Я никогда туда не хожу, – ответила Вайолет и слегка побледнела. – Там обитает привидение.

– Что вы говорите! – вскричал Джек. – В замке, значит, есть и привидения? Пожалуйста, расскажите нам о них. Вот было бы здорово встретиться с ними в этом подземелье!

– Но, право же, я не решаюсь провести вас туда, – возразила Вайолет.

– Но все-таки расскажите нам эту историю, – приставал Джек. – Вы же наверняка знаете, что случилось с этой леди Пенроуз. Это очень интересно!

– Это было очень, очень давно, – взволнованно начала Вайолет дрожащим голосом. – У нее был возлюбленный, и он назначил ей свидание в подземном ходе под замком. Там был потайной выход, и они рассчитывали бежать этим путем, так как родители леди Энн Пенроуз не соглашались на их брак. Двоюродный брат леди Энн, сэр Уолтер, тоже препятствовал этому браку, потому что хотел женить на леди Энн своего сына, так как она была богатой наследницей. Тогда влюбленные задумали обвенчаться тайно. Было условлено, что леди Энн спустится по потайной лестнице, и влюбленные встре-

тятся в подземелье. В назначенную ночь она пробралась туда, но больше уже никогда не возвращалась. Ее искали, искали, но так нигде и не нашли. Так никто и не узнал, что случилось с несчастной леди Энн Пенроуз. И только много лет спустя случайно нашли скелет в потайном проходе, и по всем признакам можно было догадаться, что бедная леди Энн заблудилась в подземелье и умерла там голодной смертью. Говорят, что ее тень до сих пор блуждает по подземелью, и никто не решается входить туда. По крайней мере, я сама ни за что на свете не согласилась бы на это, – заключила свой рассказ Вайолет.

– А я готов пойти туда хоть сейчас! – заявил Джек. – Все ведь это чепуха и глупости, все эти рассказы про тень леди Энн и прочее. Я иду в подземелье! Кто за мной?

Все девицы изъявили желание следовать за Джеком, одна только я колебалась, но не из-за страха, а потому что не хотела огорчать Вайолет.

– Эх, ты, глупенькая девочка! – усмехнулся Джек, но я посмотрела на Вайолет и твердо сказала, что останусь с ней.

Джек первым спустился по обросшим мхом ступеням, за ним двинулись девушки.

– Как я вам благодарна, Маргарет, за то, что вы не пошли с ними, – призналась Вайолет, когда мы остались одни. – Мы тут отлично проведем время вдвоем. Можем полакомиться персиками. Вы мне расскажете о ваших питомцах, а я вам – о своих.

– Скажите сперва, неужели вы в самом деле верите, что в этом подземелье бродит тень леди Энн?

– Как вам сказать... И верю, и не верю. Но мысль об этом волнует меня. Иногда я даже думаю об этой истории ночью, когда мне не спится.

– Вам не следует верить таким вещам, – наставительно сказала я, – вы должны считать все это пустой сказкой.

– Какая вы отважная, Маргарет! – восторженно воскликнула Вайолет. – Знаете, при всем моем богатстве я очень скупаю, потому что у меня нет близкого друга. Мне давно хотелось иметь такую подругу, как вы: вы такая смелая, а я слаба и нерешительна; вы поддержите меня, а я буду делиться с вами своими задушевными мыслями. Согласны?

– О, да, конечно! – с радостью отозвалась я.

– Так давайте скрепим нашу дружбу. Я дам что-нибудь вам на память, а вы – мне.

– Но у меня нет ничего ценного...

– Это неважно, наоборот, это даже очень приятно, что вы небогаты, – быть богатой так скучно! Но что касается залога нашей дружбы – я вижу, у вас что-то надето на шее, какая-то голубая ленточка. Что у вас на этой ленточке?

– Это половинка сломанной монеты, которую мне дал Джек.

– Ну так вот что мы сделаем: дайте мне эту ленточку с монетой, и я буду постоянно носить ее, а вы возьмите вот это.

С этими словами Вайолет сняла со своей шеи тоненькую

золотую цепочку, на которой висел золотой медальон. Она открыла его и показала мне локон золотистых волос.

– Я вам отдам этот медальон, и вы никогда не должны с ним расставаться. Это будет служить доказательством того, как сильно я вас полюбила, – объяснила Вайолет. – В этом медальоне хранятся волосы моей единственной сестры, умершей в младенчестве. Носите этот медальон все время, пока будет длиться наша дружба; то же самое сделаю и я с вашей памяткой. Если же мы наскучим друг другу или что-нибудь нас разлучит, то вы вернете мне мой медальон, а я верну вам вашу ленточку с монетой. Что скажете?

Я стояла в нерешительности, так как мне очень не хотелось расставаться с монеткой Джека.

– Если вы непременно этого хотите, Вайолет... – протянула я.

– Разумеется, хочу! Давайте же скорее, а то кто-нибудь может нам помешать.

Мы быстро обменялись залогами нашей дружбы. Тонкая золотая цепочка Вайолет обвилась вокруг моей шеи, а маленький медальон укрылся за лифом. Вайолет, в свою очередь, надела себе на шею мою голубую ленточку с переломленной монетой.

Едва мы успели совершить этот обмен, как к нам подошел лакей и попросил Вайолет пройти к леди Пенроуз.

Я осталась одна и, напрасно прождав некоторое время возвращения Вайолет, соскучилась. И вдруг у меня мельк-

нула мысль: а не спуститься ли и мне в подzemелье, только ненадолго, чтобы вернуться назад к приходу Вайолет. Сказано – сделано. Я с трудом распахнула тяжелую дверь, ведущую в подzemелье, и, не успев войти, очутилась в полной темноте – дверь тут же захлопнулась за мной. Только где-то вдалеке я заметила слабое мерцание удалявшегося фонаря.

– Стойте, господа, стойте! – крикнула я. – Я здесь и иду за вами!

Но мой голос звучал глухо и терялся в гулких сводах подzemелья.

Я несколько не испугалась – по крайней мере, в первую минуту – и побежала вперед, наслаждаясь прохладой после прогулки на солнце с Вайолет. Однако вскоре я поняла, что ноги уносят меня вниз по крутому покатоному спуску, так что мне даже трудно было удержаться на месте. Свет от фонаря исчез; холод и сырость начали проникать сквозь мою легкую одежду. Я стала раздумывать, как мне быть дальше. Если бы мне удалось добраться до какой-нибудь стены, я смогла бы ощупью вернуться к выходу. Даже если дверь окажется закрытой, я буду сильно колотить по ней, пока кто-нибудь не услышит и не придет мне на выручку. Но я никак не могла найти дорогу назад: слишком быстро спустившись вниз, в темноте я уже не могла понять, в какую сторону мне нужно повернуть. Между тем я чувствовала, что с каждым шагом спускаюсь все ниже и ниже. Хоть я и не была трусихой, но тут на меня напал страх, тем более, что в эту минуту я сооб-

разила, что, наверное, попала в потайной ход – тот самый, где погибла несчастная леди Энн. Я наудачу круто повернула направо и сильно ударилась головой о каменный свод. Не столько боль мучила меня, сколько мысль, что мне, возможно, еще долго придется пробыть в этом темном подземелье со скользким, пропитанным сыростью полом. Я почувствовала себя дурно, и была рада, что могла хотя бы прислониться к стене, а не спускаться все глубже и глубже в какое-то бездонное пространство.

«Конечно, рано или поздно, но кто-нибудь придет сюда, – успокаивала я себя. – Только приходили бы они уже скорее, а то тут просто задохнуться можно!»

Я стояла неподвижно, решив, что лучше не удаляться от спасительной стены. Скоро я почувствовала голод – мы ведь еще не завтракали, ограничившись легкой закуской. Мне представилось, как другие девицы и Джек с ними, по всей вероятности, наслаждаются вкусным завтраком, причем без меня. Боже мой! Каким чудным, каким прелестным казался мне в эту минуту мир за пределами мрачного подземелья, мир света и тепла! И как я упрекала себя за то, что так часто бывала чем-то недовольной и не умела ценить все те блага, которыми так щедро наделила меня судьба!

Время шло, но никто не приходил мне на помощь. Мне стало невмоготу терпеть, и я двинулась вперед, держась рукой за стену.

Я старалась гнать от себя мысли о леди Энн, но они

невольно крутились вокруг ее печальной истории. Много лет тому назад, она, юная девушка, не многим, наверное, старше меня, погибла от голода в этом страшном лабиринте! Может быть, ее фонарь погас и она, как и я, заблудилась в этом мраке...

Когда я слушала этот рассказ там, наверху, при солнечном свете, он не произвел на меня сильного впечатления, но теперь при воспоминании о нем мое сердце замирало от ужаса. А что если меня не догадаются искать здесь?.. Из моей груди уже готов был вырваться крик неподдельного ужаса...

И тут вдалеке я увидела световую точку, приближавшуюся ко мне в темноте, как путеводная звездочка.

Я поняла, что спасена, и уже хотела крикнуть: «Сюда, сюда! Я здесь! Что вы так долго не шли?», но сдержалась, услышав голос Джека, который о чем-то оживленно говорил, и, главное, ему вторил голос Джулии...

– Ах, как тут скользко! – вскрикнула она. – Поддержите меня, Джек.

– Я обниму вас за талию, и тогда вы сможете смело идти вперед. Вот, постойте, я подниму фонарь повыше. Кажется, всем нашим надоело это подземелье, и они ушли; но мы с вами, Джулия, не уйдем отсюда, пока не осмотрим все. Надо же наконец добраться до этого потайного хода. А знаете, Джулия, вы молодец, настоящий кремень! Это мне в вас нравится. Мне очень хотелось бы с вами подружиться, как если бы вы были просто мальчиком, моим товарищем. Что скажете?

– Что ж, Джек, я готова подружиться с вами.

– Вот и отлично! Надеюсь только, что Мэгги не будет чересчур ревновать; она такая странная в последнее время. А знаете что, вот это, наверное, и есть тот самый потайной ход!

Они подошли совсем близко ко мне, но вместо того чтобы окликнуть их, я только плотнее прижалась к стене. Слова Джека, обращенные к Джулии, обожгли меня, как каленым железом; я уже забыла о своем страхе. Мое сердце переполнилось таким жгучим чувством ревности, что оно заглушило во мне все другие ощущения, и я решила остаться на месте, чтобы подслушать их бессердечные рассуждения обо мне. «Когда они уйдут, я пойду за ними следом, – думала я, – а пока воспользуюсь случаем, чтобы убедиться в их предательстве».

– Слушайте, Джулия, – продолжал Джек, – я поделюсь с вами своим секретом. Раньше я никогда не дружил с девушками, поскольку Мэгги была слишком ревнива и всегда требовала, чтобы я занимался только ей.

– Да, ваша сестра ужасно ревнива, – согласилась Джулия, – это по всему заметно.

– Ну вот, а теперь она завязала дружбу с этой глупенькой Вайолет. Пускай они себе секретничают, зато нас она оставит в покое. Разумеется, неприятно, когда бедная Мэгги сходит с ума от ревности, но что же делать?

Джулия громко рассмеялась.

– А знаете, Джулия, если вы не выдадите меня, то я рас-

скажу вам кое-что про свою сестрицу.

– Ну, говорите; разумеется, я вас не выдам.

– Надо вам сказать, что я попал в очень неприятную историю в школе. Один из моих близких товарищей совершил проступок, а всю вину свалил на меня; я же был невинен, как агнец. Но меня подставили, и мне было бы трудно выпутаться, если бы, по счастью, у меня не нашлось немного денег, чтобы откупиться и закрыть дело. Мне пришлось заплатить два соверена, представляете? Перед отъездом в школу я отдал эти деньги Мэгги на сохранение, и мне пришлось срочно их потребовать обратно.

– И вы, конечно, получили ваши деньги?

– Да, получил, хотя позже, чем следовало. Дело висело на волоске, потому что моя сестрица замешкалась с присылкой этих денег. Мне угрожало исключение из школы! Деньги, однако, подоспели вовремя. Товарищ был спасен, а я остался вне подозрений; но дело было серьезное, и я тогда дал себе слово, что больше никогда в жизни не доверюсь ни одной девчонке.

– Не говорите так, Джек! Если бы вы доверились, например, мне, то я бы вас точно не подвела.

– Может быть, и так. Но все-таки надо сказать, что молоденькие девушки большей частью легкомысленны, не то что мы, юноши. В последнее время, кстати, доказано, что мозг у девушек гораздо меньше, чем у юношей; значит, от них многого и требовать нельзя.

– А я убеждена, что мои мозги нисколько не меньше ваших, мистер Джек!

– Ничего подобного; это доказано наукой. Вы, женщины, принадлежите к разряду низших существ, и тут уж ничего не поделаешь. Впрочем, все это пустяки! Не стоит об этом спорить. И наука иногда ошибается. Что же касается Мэгги, то она все-таки добрая девушка, и я ей очень благодарен. Представьте себе, на днях она подарила мне целый соверен из своих карманных денег!

– Как? Целый соверен?

– Да, золотой соверен. Я куплю на эти деньги подарок своему отцу. Со временем я, конечно, выплачу ей долг. Ей, правда, некуда тратить деньги, а мне они необходимы, так как день рождения отца наступит очень скоро. Знаете, Джулия, а может быть, вы сможете мне выбрать подарок отцу?

– С величайшим удовольствием!

– И отлично. Как-нибудь после обеда мы выберемся с вами в Гарфилд. Только надо это сделать так, чтобы Мэгги ничего не узнала, а то она страшно обидится.

– Однако как здесь сыро и душно, – пожаловалась Джулия, – тут невозможно дышать! Уж не зашли ли мы слишком далеко и не лучше ли нам вернуться назад? Ах! Что это? – вдруг испуганно вскрикнула она.

Это я отскочила от стены и очутилась перед ними. В сильнейшем негодовании я закричала:

– Да, вы действительно зашли слишком далеко! Я слыша-

ла все и ненавижу вас обоих!

Своим внезапным появлением, бледностью и гневным выражением лица, не говоря уж об измятом белом платье – ну точно привидение! – я так их напугала, что не только Джулия едва не упала в обморок, но и Джек вскрикнул от ужаса.

Глава XI

В паутине

Я уже не припомню, как мы выбрались из подземелья. Помню только, что в замке подняли тревогу, и всем было любопытно узнать, что же такое случилось в подземелье. Джек быстро преодолел свой испуг, как только убедился, что на месте, где погибла леди Энн, оказалась его сестра Маргарет; он сразу начал говорить об этом происшествии с презрительной усмешкой.

– Я тут же догадался, что это не кто иной, как моя любезная сестрица, – объявил он. – Это так на нее похоже: она не может идти вместе со всеми, но ей непременно надо было одной забраться в потайной ход и там заблудиться, чтобы устроить целую историю. Бедная Джулия упала и страшно перепугалась.

– И ты ничего не спросишь обо мне? – возмутилась я. – Тебе не важно, не ушиблась ли я! Это бессердечно с твоей стороны, Джек, и Джулия – не лучше тебя.

Тут к нам подошла леди Пенроуз и велела дочери отвести меня наверх, в свою комнату, чтобы я согрелась и успокоилась. Вайолет уложила меня в постель и позвала свою старую няню, которую она называла миссис Мартин.

Вайолет представила меня ей как свою большую прия-

тельницу и объяснила, что я заблудилась в сыром подземелье. Она попросила няню распорядиться, чтобы завтрак нам подали наверх, но миссис Мартин на это не согласилась без разрешения самой леди Пенроуз.

Вайолет тотчас же побежала вниз, чтобы переговорить с матерью.

Не успела она удалиться, как миссис Мартин подошла ко мне и, глядя прямо в лицо, спросила:

– Так вы и есть та самая мисс Маргарет Гильярд, которая дружит с маленькой дочерью лесничего Ферфакса?

– Да, но почему, вы задаете мне этот вопрос? – удивилась я. – И откуда вам известно о моем знакомстве с Сесилией Ферфакс?

– Я многое чего знаю, мисс Гильярд, недаром я долго живу на свете. Я, конечно, ничего худого не могу сказать про Сесилию, но как же это вы хотите быть подругой моей молоденькой барышни и в то же время дружить и с Сесилией? Скажу вам откровенно, что вчера я заходила к ее матери, и та жаловалась на вас, что вы уговорили Сесилию идти куда-то очень далеко, так что девочка вернулась домой совсем измученной. Я ничего не знаю, что и как, но мать Сесилии подозревает, что между вами есть какая-то тайна. Моя же барышня воспитана так, что у нее все начистоту; если же вы, мисс Гильярд, имеете привычку заводить какие-то секреты с вашими подругами, то лучше уж вам с самого начала отстраниться от моей милой барышни.

– Милая миссис Мартин, – попросила я, – пожалуйста, доверьтесь мне! Я ничем не наврежу Вайолет; я слишком дорожу ее дружбой.

– Я верю, что вы чистосердечно полюбили ее; но, во всяком случае, я хотела предупредить вас, так как знаю, как строго леди Пенроуз относится к подругам своей дочери.

Я не сдержалась и разрыдалась горькими слезами. В глубине души я понимала, что старая няня права. Но сильнее всего меня мучило сознание, что я одинока и несчастна, хотя и по своей собственной вине. Я молчала и плакала.

Тронутая моими слезами, миссис Мартин принялась ухаживать за мной; она даже дала мне какой-то порошок для успокоения моих нервов.

Когда вернулась Вайолет, я уже была спокойнее, и мы с ней принялись за вкусный завтрак, который по распоряжению леди Пенроуз все-таки был подан наверх. Скоро я совсем развеселилась и смогла принять участие в обсуждении планов нашего времяпровождения на оставшуюся часть дня. Я узнала, что предполагается устроить катание на лодке по озеру до маленького острова, где нас будет ожидать чай и десерт.

Пока я приводила в порядок свой туалет, Вайолет расспрашивала меня о предстоящем базаре. Зашла речь и о моем участии в спектакле, устраиваемом Джулией и Аделью.

– Какую же роль вы будете играть? – любопытствовала Вайолет.

– Ах, что об этом говорить! – воскликнула я. – Противные американки! Они ставят эту пьесу только для того, чтобы себя показать. Мне же они навязали роль глупой служанки.

– Но что ж тут такого, – засмеялась Вайолет, – я сама охотно взялась бы за роль служанки, это всегда выходит так комично!

Когда мы подошли к озеру, все наши уже были в сборе. Скоро мы отчалили от пристани. Я поместилась у кормы вместе с Вайолет, которая мастерски управляла рулем.

Джек то и дело посматривал на меня с усмешкой, и я поняла, что его забавляет моя внезапная дружба с Вайолет. Слезы досады выступили у меня на глазах, я про себя мечтала, чтобы Вайолет была сдержаннее в изъявлениях своей дружбы.

Но не только Джек обратил внимание на мои отношения с Вайолет. Вскоре после возвращения домой из замка Джулия, улучив момент, озадачила меня вопросом:

– Скажите, пожалуйста, что значат все эти глупости?

– Что вы хотите этим сказать? – высокомерно ответила я.

– Я хочу знать, почему Вайолет так возится с вами? Разве вы уже давно знакомы? Она обращается с вами как с самой близкой подругой.

– Она просто полюбила меня, и ей приятно проводить со мной время.

– Но вы должны помнить, Маргарет, что вы ни с кем не можете дружить так, как со мной. Мы ведь с вами связаны тонкой, но прочной цепью, как я вам уже говорила раньше.

Есть вещи, касающиеся вас, которые я знаю и о которых Вайолет вовсе не следовало бы знать, так как едва ли они смогут ей понравиться; эти вещи могли бы сильно повлиять на вашу внезапно возникшую дружбу. Мне нет надобности напоминать, что именно я имею в виду, – вы и сами отлично знаете, на что я намекаю. И кстати, Маргарет, я хотела спросить вас еще об одном.

– О чем же именно? – спокойно уточнила я, но сердце мое дрогнуло от страха.

– Сейчас я вам скажу: вы подслушали мой разговор с Джеком в подzemелье, не так ли?

– Да, я слышала все ваши изъявления дружбы и прочее, и я нахожу, что по отношению ко мне вы с ним поступили самым бессовестным образом!

– Тише, тише! Не горячитесь. Ваши слова не вполне уместны. Джек рассказал мне много интересных вещей, в том числе, между прочим, и о вашей щедрости. А так как мне хорошо известно, что вы еще недавно сами очень нуждались в деньгах, то мне весьма любопытно было бы узнать, каким образом вам удалось раздобыть золотой, который вы дали вашему брату? Может быть, вы не откажетесь раскрыть мне эту тайну?

– Я могла бы ответить на ваш вопрос, но не желаю говорить с вами об этом, – сильно покраснев, ответила я.

– Это как вам угодно; но все-таки я должна вам сообщить еще кое-что. Сегодня утром мы получили письмо из Лондо-

на от миссис Джефферсон. Что это вы вдруг так побледнели, Маргарет? Вы, должно быть, сильно ушиблись, когда ударились головой в подземелье. Да, так вот, слушайте дальше. Миссис Джефферсон пишет, что очень удивлена, потому что до сих пор не получила от нас ответа на ее последнее письмо к нам; она говорит, что в то письмо были вложены три чека по двадцать шиллингов каждый, то есть ровно три соверена. И представьте, мы этого письма вовсе не получали! Это очень, очень странно, не правда ли?

– Да, очень странно, – подтвердила я.

– Мы этого дела так не оставим. Мы непременно добьемся истины и узнаем, кто бы это мог украсть наши деньги. Вот, пока все, что я хотела вам сообщить. Кроме того, помните, что Вайолет может быть только вторым вашим другом – после меня, но никак не первым.

Тем и кончился наш разговор. Как же он меня расстроил! Я поняла, что Джулия прямо подозревает меня в присвоении ее денег. «Чем же все это кончится?» – задавала я себе вопрос и ломала голову, как бы мне выпутаться из всей этой истории. Я чувствовала себя, как мошка в паутине...

Погода стояла великолепная; мы занимались приготовлениями к базару. Ожидался большой съезд посетителей, в том числе леди Пенроуз с Вайолет и других знатных лиц, проживавших по соседству. Никогда, кажется, раньше наш базар не возбуждал такого интереса, как в этом году: повсюду говорили о спектакле, затеянном молодыми американка-

ми, и всем захотелось полюбоваться их представлением. Таким образом, пребывание в нашем доме этих девушек должно было, по-видимому, способствовать небывалому успеху базара.

Обычно в день базара еще рано утром к нам приходила Сесилия Ферфакс, чтобы помогать мне. У нас всегда был свой отдельный стол, за которым мы с ней вдвоем продавали разные безделушки. На этот раз, однако, я хотя и понимала, что очень огорчу бедную Сесилию, вынуждена была сторониться ее, так как предчувствовала, что Джулия будет зорко следить за мной; кроме того, мне надо было уделить время и Вайолет Пенроуз.

Наконец все было готово. Ко времени прибытия семейства Пенроузов все палатки были в полном порядке, прилавки великолепно украшены, а деревенский оркестр наигрывал веселые мелодии. Сэр Уолтер Пенроуз произнес соответствовавшую случаю речь и объявил базар открытым. В проходе между палатками был устроен длинный стол, уставленный прохладительными напитками и закусками; распорядительницами у этого стола были Джулия, Адель и Люси. Джек усердно им помогал. Для этого случая американки нарядились в костюмы швейцарских крестьянок; им как нельзя лучше шли эти черные бархатные лифы с массивными серебряными украшениями. В волосы Джулии была воткнута большая серебряная шпилька, а Адель с высокой гребенкой в золотистых волосах была просто очаровательна. Они при-

влекали к себе внимание всех присутствующих.

Джек был до такой степени занят Джулией, что ни на шаг не отходил от нее. А в былое время в таких случаях он всегда был моим неизменным и покорным помощником!

У меня, конечно, было много дел, и Вайолет взялась мне помогать. Все шло успешно, и я радовалась присутствию милой Вайолет.

Когда базар уже был в полном разгаре и посетителей прибывало все больше и больше, я вдруг услышала рядом голос Сесилии:

– Мисс Маргарет, нельзя ли мне поговорить с вами?

– Невозможно, Сесилия, – ответила я. – Ты же видишь, как я занята. А что тебе нужно?

– У меня к вам очень важное дело, мисс.

– Нет, сейчас мне некогда, – повторила я и отвернулась.

– Но, мисс Маргарет, это очень важно, я должна непременно переговорить с вами, – настаивала Сесилия.

Я вышла из себя и резко ответила:

– Ты что, не понимаешь, что мне некогда! Да отойди от меня, а то подумают, что у нас какие-то секреты. Уйди, пожалуйста!

Сесилии пришлось удалиться; уходя, она укоризненно посмотрела на меня.

– Зачем вы обидели эту бедную девушку? – обратилась ко мне Вайолет, – она отошла от вас такая опечаленная. Какая она хорошенькая! Кто она?

– Это дочь вашего лесничего, Сесилия Ферфакс.

– Вы бы выслушали ее, Маргарет; мне кажется, ей очень нужно было поговорить с вами.

– Ах, она всегда пристает ко мне с разными пустяками! – раздраженно ответила я и увлекла Вайолет в сторону, чтобы показать ей выставку разных вещиц, которых она еще не видела.

Представление было решено начать в три часа, и скоро уже пора было гримироваться и переодеваться. Мне пришлось снять свое белое платье и нарядную широкополую шляпу и превратиться в безобразную старуху, морщинистую и ворчливую. Я была в самом дурном расположении духа. Но когда настала моя очередь выйти на сцену, я сумела перебороть себя и блестяще исполнила свою роль. Я с таким комизмом изобразила эту старуху, что зрители пришли в восторг и без конца аплодировали мне. Можно сказать, что я затмила своей игрой и Джулию, и Адель. Публика, конечно, хлопала им и смеялась их остротам, но это было ничто в сравнении с теми взрывами хохота, которые сопровождали каждое сказанное мной слово. Успех совершенно вскружил мне голову, тем более что после спектакля все начали ухаживать за мной и рассыпаться в похвалах.

Джек тоже похвалил мою игру, чем привел меня в полный восторг.

– Отлично, Мэгги! – кричал он. – И где это ты научилась всем этим гримасам и старушечьему выговору? Ты просто

до упаду всех нас насмешила! Но только ты, пожалуйста, не вздумай слишком много возомнить о себе, ты ведь на это способна. Но я все-таки некоторым образом, в качестве родного брата, горжусь твоим успехом.

– Джек, если ты мной гордишься, то должен исполнить одну мою просьбу. Так как я имела такой успех...

– Благодаря счастливой случайности, не забывайте, – перебила меня Джулия, которая, впрочем, как и Адель, искренне, без какой-либо ревности высоко оценила мою игру.

– Это не было случайностью, – я покраснела от досады.

– Еще бы! – насмешливо вмешался Джек. – Какая же это случайность? Это просто, можно сказать, врожденный талант, не так ли, Мэгги?

Я не обратила внимания на его насмешку и увела брата в сторону, объявив, что мне нужно с ним поговорить наедине.

– Ну, что тебе еще нужно? – недовольным тоном спросил Джек. – Это уже становится скучно. Ты все время говоришь какими-то высокопарными словами и ведешь себя совершенно неестественно. Ты очень изменилась за последнее время. Знаешь, Мэгги, если ты не возьмешь себя в руки, то со всеми твоими причудами превратишься в совершенно несносную дурнушку.

– Ну, я так не думаю, – ответила я. – Вайолет, да и многие другие говорят, что я очень хорошенькая.

Джек разразился обидным смехом.

– Хорошенькая!.. – передразнил он меня. – Ладно, не сто-

ит об этом говорить! Не задерживай меня, пожалуйста, выкладывай скорее, что у тебя за тайна.

– Джек, – сказала я, с трудом одолевая ком в горле. – Я хочу, чтобы ты опять стал ближе ко мне.

– То есть насколько же ближе? – издевательски спросил он, приближаясь ко мне на шаг.

– Почему ты не хочешь понять меня? Ты ведь прекрасно знаешь, о чем я говорю. Ты вечно возле Джулии, только с ней и возишься. Я хотела бы, чтобы ты вернулся ко мне, чтобы ты был со мной, как прежде. Ты должен выбрать между нами!

Джек нахмурился и отвечал уже с досадой:

– Слушай, Мэгги, повторяю тебе: брось все эти штучки. Само собой разумеется, что я тебя очень люблю. Я иногда буду проводить время с тобой, но Джулия, если уж говорить правду, гораздо интереснее тебя. Намотай это себе на ус! Джулия мне очень нравится, и я не отстану от нее из-за твоей глупой ревности. Ты вполне могла бы водить с нами компанию, если бы не прикидывалась недотрогой. Скажу тебе откровенно, что ты ужасно невежливо обращаешься с Джулией. Это стыдно и непростительно! Она-то как раз всегда прекрасно отзывается о тебе, вовсе не так, как ты о ней!

– Не верь ей, Джек, это она притворяется! Она ненавидит меня!..

– Я знаю только то, что ты ужасно надоедлива и глупа со своими трагическими выражениями и со своей подозрительностью. Неужели ты притащила меня сюда только для того,

чтобы излить свои жалобы по поводу моей дружбы с Джулией?

– Джек, милый, – умоляла я, – ты можешь проводить сколько тебе угодно времени в обществе Джулии, но только не отстраняйся и от меня. Подумай немного и обо мне, Джек, вспомни о том, как ты всегда обращался со мной раньше! Ведь я твоя единственная сестра, и никто на свете не может любить тебя так, как я.

– Да разве я могу забыть об этом, – смягчился Джек, но вдруг оборвал свою речь и спросил:

– А это откуда у тебя? – он ухватился за тоненькую цепочку, висевшую на моей шее, и вытащил маленький медальон Вайолет.

– А где же голубая ленточка со сломанной монетой, Мэгни? – спросил он. – Ты ведь обещала мне, что никогда с ней не расстанешься. И что же это у тебя за медальон?

– Твоя ленточка цела, не беспокойся, – ответила я с запинкой, – только ее теперь носит Вайолет. Мы обменялись с ней вчера памятками – в залог нашей вечной дружбы.

– Ну и прекрасно, – сказал Джек с напускным равнодушием, – делай, как знаешь, мне это решительно все равно.

– Джек, ты же не сердишься на меня? Ты же знаешь, это ничего не значит, ведь я люблю тебя больше всех на свете!

– Я знаю только одно – что ты не сдержала свое слово, – холодно ответил Джек, – и я больше не намерен с тобой разговаривать.

– Но ты должен обещать мне хотя бы одно! – воскликнула я, бросаясь за ним, когда он повернулся, чтобы уйти.

– Что еще? Да уж, по правде говоря, сестры иногда могут быть надоедливы до отвращения...

– Дело вот в чем: ты собираешься после базара идти покупать подарок папе...

– Да, я хочу пойти в Гарфилд в субботу. Ты знаешь, что день рождения отца в понедельник, так что надо приготовить подарок к этому дню.

– Можно мне пойти с тобой? Ведь ты же будешь покупать подарок на мои деньги...

– Вот где сказывается девчонка! – вспыхнул Джек. – Никогда ни один мальчик на свете не позволил бы себе даже заикнуться об этом. Я полагал, что ты дала мне эти деньги в долг; впрочем, ты же сама настаивала на том, что я могу их не отдавать.

– Ну и пусть они считаются твоими! Я не хочу ни видеть этих денег, ни слышать о них!

– Не бойся, я все-таки непременно когда-нибудь отдам тебе эти деньги. Даже с процентами.

– Перестань, Джек, зачем ты глумишься надо мной! Дело не в деньгах, просто я хочу быть с тобой при выборе подарка отцу.

– Нет, – решительно отрезал он, – я не могу взять тебя с собой. Я готов гулять с тобой хоть каждый день после обеда, но мы договорились с Джулией идти в Гарфилд вдвоем. Ты

ведь знаешь поговорку, что там, где двоим хорошо, третий – лишний.

На этом Джек оборвал разговор и удалился.

Глава XII

Угроза разоблачения

Не успел Джек скрыться из виду, как ко мне бросилась Сесилия, очевидно, поджидавшая случая застать меня наедине.

– Не сердитесь на меня, милая мисс Мэгги, – сказала она, – я все подкарауливаю вас, потому что мне необходимо с вами переговорить.

– Что случилось, Сесилия? Ты сегодня весь день следишь за мной с каким-то таинственным видом; право, мне это очень неприятно. Ты знаешь, что я очень тебя люблю, но мне надо было заняться Вайолет Пенроуз и другими.

– Я вас долго не задержу, – с печальным выражением лица оправдывалась Сесилия. – Я очень хорошо понимаю, что я неподходящая подруга для вас, но все-таки и я могу быть вам полезной. Мне нужно вам передать кое-что. Дело касается мисс Джулии Спаркс.

– Джулии Спаркс! – вскричала я. – Что же ты можешь мне сообщить? Говори скорее!

– Мисс Джулия Спаркс сегодня рано утром приходила к нашему дому, – ответила Сесилия. – Она, как оказалось, поджидала меня, так как, едва я отошла на несколько шагов от дома, она быстро подошла ко мне, ухватила меня за руку и отвела в сторону. Потом она завела со мной длинный разго-

вор, к которому я совсем не была подготовлена. Она начала с того, что очень расхваливала вас. Потом она вдруг спросила, люблю ли я вас. «О да, разумеется, люблю, – ответила я. – Мы еще совсем маленькими детьми всегда играли вместе с мисс Мэгги, и я люблю ее от всей души». «Ну, так вот что, Сесилия Ферфакс, – сказала она, – может быть, вы не откажетесь помочь вашей любимой мисс Мэгги выпутаться из беды?» Это были ее собственные слова, мисс; я посмотрела ей прямо в глаза и тут вдруг почему-то вспомнила о чеках, покраснела и растерялась.

– Ну, и что же? Дальше-то что? – нетерпеливо перебила я.

– Мисс Спаркс не сводила с меня глаз, и вдруг она строго сказала: «Кто краснеет, тот виноват! Я уже и раньше догадывалась, а теперь мне все ясно как день. Вы тоже замешаны в этом деле. Только вы, Сесилия Ферфакс, не догадались об одном: когда вы ходили в Гарфилд менять чеки для мисс Мэгги, вы забыли попросить начальницу почтовой конторы, чтобы она держала в секрете ваше посещение. Вы же хорошо знали, что она и наша деревенская почтмейстерша – родные сестры. И могли бы догадаться, что тот, кому были присланы чеки, спохватится, не получив их, и поднимет тревогу».

«Но ведь это же были собственные деньги мисс Гильярд», – сказала я.

«Ну да, конечно, – проговорила она, – это все так, но все-таки вы вместе с мисс Мэгги поступили очень необдуманно». С этими словами она удалилась, а я села на траву и при-

нялась ломать себе голову над всей этой историей. Ах, мисс Маргарет, милая, скажите по правде, ведь это были ваши собственные чеки, не так ли?

– Неужели же я дала бы тебе чьи-нибудь чужие чеки? – ответила я.

– Нет, конечно, нет, милая, мисс Мэгги! Но все-таки я очень перепугалась – и за вас, и за себя. Ну вот, теперь я все вам рассказала, мисс Мэгги, и больше ничего не могу сделать для вас. Меня так мучает то, что я не догадалась предупредить почтмейстершу, как говорила мисс Спаркс.

Я поцеловала милую девушку и этим несколько успокоила ее. Потом я повторила ей мою просьбу – никому ничего не рассказывать об этой истории – и направилась к нашим гостям. На душе у меня лежал тяжелый камень; я понимала, что моя проделка в скором времени будет обнаружена, но решила пока не отчаиваться и сохранять присутствие духа до конца, каков бы он ни был.

Когда я приближалась к дому, мне навстречу радостно бросилась Вайолет.

– Ах, Маргарет! – воскликнула она. – Пойдемте скорее, я так хотела, чтобы вы ее послушали! Представьте себе, Адель Спаркс превосходно декламирует. Я просто в восторге! Пойдемте скорее!

Мы застали конец монолога Адели и присутствовали при оглушительном взрыве рукоплесканий публики. Вайолет была так взволнована, что только крепко сжимала мою руку, не

в силах выразить свой восторг.

– Какое у нее вдохновенное лицо! – наконец сказала она. – О, теперь я верю, что на свете могут быть героини. Эта американка, кажется, готова была бы пожертвовать жизнью ради освобождения людей из рабства!

– Напрасно вы думаете, что она такая героиня, – заметила я, недовольная успехом Адели. – Она неплохая актриса и просто хорошо передает прекрасные слова американского поэта.

– Но все-таки она должна обладать талантом для этого. И как она прекрасна, когда с таким увлечением декламирует эти чудные стихи! Право, она премилая девушка, и я хотела бы узнать ее поближе.

– Пойдемте, прогуляемся немного, Вайолет, – сказала я. – Мы испытали столько волнений за сегодняшний день, что, кажется, нам уже достаточно.

– Ах, пойдемте! Знаете, Маргарет, я так счастлива, что мы с вами подружились! Я всегда мечтала иметь такую подругу, как вы. И вот мое желание исполнилось!

– Милая Вайолет, вы слишком высоко меня цените. Кто знает, если бы вам было известно обо мне больше... – я не удержалась, и эти слова сами вырвались у меня, так как я почувствовала укоры совести за то, что обманываю эту милую девушку.

– О чем вы говорите? – спросила Вайолет, удивленная моими словами и грустным выражением лица. – Что может

быть такого, чего я еще не знаю? У вас такое славное, смелое выражение лица; у вас ничего плохого не может быть на совести. Только я хотела бы...

– Хотели бы что? – перебила я. – Разве вы уже открыли во мне какой-нибудь недостаток? Будьте уверены, что когда вы узнаете меня поближе, то найдете во мне немало недостатков...

– Это нельзя даже назвать недостатком, – нерешительно ответила Вайолет, – но временами между вашими очаровательными бровями появляется маленькая морщинка, как будто вы чем-то озабочены или недовольны.

– И только-то? – рассмеялась я. – Разумеется, я недовольна и, вероятно, всегда буду недовольна этими нашими новыми порядками. Но стоит ли об этом говорить? Давайте поговорим о чем-нибудь более интересном.

– Конечно, поговорим о другом. Когда вы сможете приехать ко мне? Может быть, в субботу?

Базар должен был продлиться три дня, начиная со среды, и Вайолет предполагала, что в субботу я освобожусь. Я уже хотела пообещать, что приеду, и уже заранее радовалась тому, что проведу хотя бы один день в этом чудном замке, причем наедине с Вайолет, но тут вспомнила, что именно в субботу Джек с Джулией собираются пойти в Гарфилд за подарком нашему отцу. Джек не согласился взять меня с собой, но я предвидела, что этот день для меня не будет спокойным.

– Нет, к сожалению, в субботу я не смогу быть у вас, –

ответила я, – у меня есть дела дома.

– А разве нельзя отложить эти дела? Приезжайте к нам в субботу; мама наверняка предложит вам остаться у нас до утра понедельника. Это будет так чудесно! Пожалуйста, Маргарет!..

– Если ваша мама позволит, то я смогу приехать к вам в субботу вечером. Утром же я непременно должна быть дома. Простите, Вайолет, но причину я вам объяснить не могу.

– Так какая же вы мне тогда подруга, – обиделась Вайолет, – у настоящих друзей не должно быть никаких секретов друг от друга. Когда мы с вами договорились о вечной дружбе, я именно так и понимала наши отношения. После того как мы обменялись памятками, я думала, что вы ничего не будете скрывать от меня.

В эту минуту я услышала чей-то смех и увидела, что навстречу нам через луг идут Джулия и Джек. Он держал концы голубой ленточки, на которой висела половинка сломанной монеты.

– Пожалуйста, Джулия, – Джек нарочно говорил очень громко, очевидно, чтобы я услышала, – примите от меня эту ленточку и носите ее как знак памяти обо мне.

Джулия засмеялась и ответила:

– Ну что ж, если вы непременно этого желаете, – и она набросила ленточку себе на шею.

Увидев это, я побледнела, а Вайолет, внимательно следившая за всем происходящим, схватила меня за руку и спро-

сила:

– Что же это такое? Джек дал Джулии совершенно такую же монетку на голубой ленточке, какую вы дали мне!

– Ах, пусть делает, что хочет! – в сердцах воскликнула я. – Он это сделал нарочно, чтобы позлить меня. Мы с ним сломали пополам трехпенсовую монету, половинки надели на голубые ленточки и должны были носить их, не снимая, чтобы они служили напоминанием о заключенном между нами уговоре. Между нами была маленькая тайна. Когда я познакомилась с вами, Вайолет, то отдала вам свою ленточку с кусочком монеты в обмен на вашу цепочку с медальоном. Но когда Джек узнал об этом, то страшно рассердился на меня. А сейчас он отдал свою ленточку, чтобы мне отомстить.

– Может быть, вам не следовало отдавать мне то, что дал вам в знак памяти ваш брат? – спросила Вайолет.

– Теперь уже поздно, дело сделано, – с досадой ответила я, – не будем больше об этом.

Вскоре к нам подошла леди Пенроуз, чтобы позвать Вайолет домой. Она приветливо улыбнулась мне и сказала:

– Вайолет говорит, что вы с ней очень подружились и что она хочет часто видеться с вами. Я всегда очень рада тому, что доставляет ей удовольствие. Но вот что я хотела вам сказать, милая Маргарет: я чрезвычайно требовательна к девушкам, в обществе которых Вайолет проводит время. И скажу вам откровенно, что эти требования очень высоки. Девушка, которая пожелала бы стать другом моей малень-

кой дочери, должна быть во всех отношениях достойна и безупречна; она должна быть честной, искренней и правдивой. Если она отвечает этим требованиям, если обладает этими главными добродетелями и если моя дорогая, славная Вайолет питает к ней расположение, то такая девушка, будь она бедна или богата, высокого происхождения или нет, встретит с моей стороны самое сердечное отношение. Но, повторяю, главное, чего я требую от подруг Вайолет, – это высокие понятия о чести и безупречность поведения, даже в мелочах.

В то время как леди Пенроуз говорила эти слова, к нам присоединились мои родители, которые вышли, чтобы проводить леди Пенроуз до экипажа.

– О чем это вы рассуждаете, леди Пенроуз? – спросил отец. – Похоже, речь идет о моей дочери?

– Наш разговор действительно касается вашей Маргарет, мистер Гильярд, – ответила леди Пенроуз, – и я вам повторю то, что я только что говорила ей. Моя Вайолет очень подружилась с ней за весьма короткое время их знакомства; хотя ей приходилось и раньше встречаться со многими девушками нашего круга, в том числе и очень милыми, но ни с кем из них она не завязывала дружбы. Недавно она познакомилась с вашей дочерью и сразу почувствовала к ней большую симпатию; то же самое, как я вижу, почувствовала к Вайолет и Маргарет. Но я, надо вам сказать, очень требовательна в отношении выбора друзей для моей дочери. Дружба двух девушек может послужить или к их благу, или же наоборот. Ска-

жу вам откровенно, мистер Гильярд, хоть вы в качестве пастора наверняка позаботились о тщательном воспитании вашей дочери, но если Маргарет не обладает какой-либо из основных добродетелей, которые, по-моему, для юной девушки сводятся к высоким понятиям о чести во всех жизненных вопросах, я не смогу согласиться на то, чтобы она стала подругой моей Вайолет.

Тут вмешалась моя мама:

– Конечно, Маргарет далека от совершенства, – сказала она, – но что касается правдивости и честности, то в этом отношении она безупречна.

Папа, молча выслушавший этот разговор, подошел ко мне и, ласково положив руку на мое плечо, сказал, обращаясь к леди Пенроуз:

– Моя жена верно говорит, что наша Маргарет еще отнюдь не совершенство, у нее, разумеется, есть свои недостатки. Но что касается честности, правдивости и других основных качеств, то я имею счастье заверить вас, что Маргарет еще никогда в своей жизни не сказала мне ни слова неправды. Никогда в жизни она не совершила ни одного низкого или недостойного поступка. Мне приходилось иногда порицать ее вспышки недовольства или упрямства, но краснеть за нее мне еще ни разу не приходилось.

Я почувствовала, что при этих словах отца вся моя кровь как бы застыла; еще минута – и, кажется, мне сделалось бы дурно. Я уже готова была выступить вперед и признаться во

всем. Разве я имела право считать себя безупречно честной, правдивой и искренней? Да, я готова была тут же во всем признаться, если бы к нам в это время не подошли Джулия, Адель, Люси и Веда. Джулия сразу заметила мое смущение и спросила:

– Что с вами, Маргарет? У вас какой-то растерянный вид. Вы точно чего-то испугались.

– Пугаться ей нечего, – ответил за меня мой отец. – Я объяснял леди Пенроуз...

– Достаточно об этом, – прервала его леди Пенроуз. – Я чрезвычайно довольна мнением, высказанном о вас вашими отцом и матерью, Маргарет. Поцелуйте же меня, мое дитя! Вайолет, – прибавила она, – Маргарет – правдивая и достойная девушка. Меня очень радует мысль, что вы будете подругами.

Когда леди Пенроуз произнесла эти слова, Джулия посмотрела мне прямо в лицо и глаза ее заблестели.

– Извините, леди Пенроуз, – сказала она, – что я позволяю себе вмешиваться, но мне хотелось бы сказать два слова.

– Что ж, говорите.

– Вы полагаете, что Маргарет может быть хорошим другом для Вайолет?

– Да, полагаю, и даже убеждена в этом. Меня несколько удивляет ваше вмешательство...

– Прошу вас, простите меня. Это, в сущности, пустяки, но все-таки вам не мешает знать. Вы думаете, что Маргарет бу-

дет самой лучшей и самой близкой подружкой вашей дочери. Но вы ошибаетесь; и вы очень меня обижаете! Маргарет любит меня гораздо больше, чем Вайолет. Не правда ли, Маргарет?

– Да, кажется, вы правы, – едва слышно промолвила я.

– Маргарет! – с упреком воскликнула Вайолет.

– Но это не может помешать нашей дружбе, Вайолет, – сказала я, вглядываясь в ее лицо.

Вероятно, Вайолет прочла в моих глазах что-то утешительное, так как в ответ она улыбнулась.

– Позвольте мне сказать еще кое-что, – продолжала Джулия. – Мне кажется, у меня есть некоторые основания предъяснить свои права на те же качества, которые приписываются Маргарет Гильярд. Я никогда в своей жизни не говорила ни слова лжи; я строго придерживаюсь присущих американкам взглядов на честность – взглядов, которые, по-моему, безупречны. Мы не меньше некоторых молодых англичанок дорожим своими понятиями о чести. Сейчас дело в том, что я тоже полюбила Вайолет, и если бы она узнала меня поближе, то, по всей вероятности, и она полюбила бы меня. Следовательно, я не вижу причин, препятствующих и моему сближению с Вайолет. Почему бы и мне не стать ее другом наравне с Маргарет?

– Это уже дело самой Вайолет, и пусть она выскажется сама за себя, – ответила леди Пенроуз, с некоторым недоумением глядя то на разгоряченное лицо Джулии, то на мое –

бледное и сконфуженное.

Все это время Вайолет стояла молча. Наконец, понимая, что от нее ждут решения, она с некоторой запинкой произнесла:

– Я буду очень рада иметь вас обеих своими подругами, но это будет главным образом зависеть от Маргарет, так как все-таки она останется моим первым и самым лучшим другом.

– Я согласна, – сказала я, делая над собой большое усилие, – чтобы Джулия тоже была вашей подругой.

– Ну, вот и отлично! – воскликнул папа, довольный тем, что кончился этот не совсем понятный для него и довольно тягостный разговор, и похлопал меня по плечу.

Вайолет больше не появлялась на базаре, который продолжался три дня и завершился полным успехом. Денег было собрано много; папа уверял, что их с избытком хватит на закупку предметов первой необходимости для бедных нашего прихода.

Через два дня наступал день рождения моего отца, и, так как мы всегда праздновали его весьма торжественно, нам предстояло множество различных хлопот. В этот день папа освобождал себя от приходских дел и оставался до вечера в своем домашнем кругу.

Мой подарок для папы был заготовлен уже давно. Это была коллекция закладок для Библии. Я изрядно потрудилась над ними, и они вышли очень удачными. А Джек еще только собирался купить свой подарок и испытывал затруднения с

его выбором.

Все последнее время я чувствовала себя беспокойной и несчастной. Я понимала, что нахожусь в полной власти Джулии. Я боялась смотреть ей в глаза и исполняла все, чего бы только ей не вздумалось от меня требовать и как бы эти требования ни были неприятны для меня. Она играла со мной, как кошка с попавшей в ее лапы несчастной мышкой, и я очень опасалась, как бы папа с мамой не заметили, что я сильно изменилась за последнее время. Но все-таки я не решалась избавиться от своих тревог, чистосердечно признавшись в совершенном проступке. Мне казалось, что я скорее готова умереть, чем выдержать взгляд моего отца, который так верил в меня. А Джулия, казалось, читала мои мысли...

Утро субботы было прекрасным, и я спустилась вниз, стараясь, несмотря на угнетенное состояние духа, придать своему лицу веселый, беззаботный вид. Но, как оказалось, мои старания были напрасны: мама, увидев меня, тотчас поняла, что мне не по себе.

– Ты, похоже, утомилась с этим базаром, Маргарет, – сказала она, – ты даже вроде похудела за последние дни, моя девочка!

Папа тоже смотрел на меня заботливым и любящим взглядом, и мне стоило больших усилий удержаться от слез.

Тут в разговор вмешалась Джулия; ей как будто стало жаль меня, и когда мама посоветовала мне до поездки вечером в замок к Вайолет спокойно посидеть дома и отдохнуть

в саду, она, к моему удивлению, предложила нечто неожиданное и несомненно приятное для меня.

– Отчего бы Маргарет не велеть запрячь Бобби, – сказала она, – и не прокатить нас с Джеком до Гарфилда, куда мы с ним условились сегодня отправиться? Утро великолепное, и Маргарет не мешает освежиться на воздухе.

На лице Джека появилось недовольное выражение, но Джулия настояла на своем, и я побежала наверх готовиться к прогулке. Я радовалась этой поездке, но была немало озадачена поведением Джулии, настоявшей на моей поездке в Гарфилд.

Спустя недолгое время мы уже катили по аллее по направлению к городку. Я правила Бобби, который, потряхивая пушистой гривой, бежал своей обычной бойкой рысцой. По дороге Джулия вдруг попросила остановиться на минутку.

– Вот хорошее тенистое дерево, – показала она, – остановите, пожалуйста, Бобби вот тут, в тени. Мне надо кое-что сказать вам, прежде чем мы доедем до Гарфилда.

– Ну, что там еще за разговоры, – заворчал Джек. – Ведь нам нужно довольно много времени, чтобы выбрать подарок отцу; я еще до сих пор окончательно не решил, что именно куплю на свой соверен.

Джулия рассмеялась и возразила:

– Не беспокойтесь: с вами американка, а мы не любим долго задумываться над решением каких-либо вопросов. Во всяком случае, нас никак нельзя упрекнуть в нерешительно-

сти. Маргарет, остановите же пони, как я просила.

– Дело вот в чем, – продолжала она, когда я исполнила ее желание. – Вы, Джек, как мне кажется, намерены купить подарок вашему отцу на тот соверен, который вам дала Маргарет?

– Да, да, она дала мне этот соверен! – воскликнул Джек. – Но мне ужасно надоели все эти разговоры! Несносные, право, создания эти девушки, все без исключения! Поедем дальше, что нам тут даром терять время.

– Еще минутку, пожалуйста, – настаивала Джулия. – Значит, вы, Маргарет, дали Джеку соверен, чтобы купить на него что-нибудь вашему отцу – человеку замечательно честному и высоконравственному?

– Джулия, вы, кажется, просто сходите с ума! – Джек уже окончательно потерял терпение.

– Сейчас, Джек, мы закончим это дело. Только сделайте одолжение, отдайте этот соверен мне.

– Вам! Да что вы такое выдумали? Этого еще не доставало!

– Пожалуйста, Джек, – не отступала Джулия. – Я полагаю, что и Маргарет вполне одобрит мое предложение. Не спрашивайте, почему я обращаюсь к вам с такой просьбой. Вы можете, если хотите, считать это моей прихотью, но все-таки дайте мне, Джек, тот соверен, который у вас, а я вам взамен дам другой; для вас не будет никакой разницы, а мне вы этим доставите большое удовольствие. Маргарет отлично

понимает, почему я хочу сделать этот обмен и, наверное, тоже попросит вас о том же.

– Да, Джек, – попросила я, побледнев от волнения, – сделай то, чего хочет Джулия.

– Ну, хорошо, возьмите этот соверен, и покончим с этим, – и Джек передал мне тот золотой, который я недавно ему вручила.

Получив от меня соверен, Джулия пристально его осмотрела.

– Мне сдается, что в нем как будто нечистая сила, – сказала она. – Нужно сделать на нем особую отметку.

Она вынула маленький перочинный ножик и сделала зазубринку на краю монеты, затем положила ее в свой кошелек, вынула оттуда другой соверен и протянула Джеку.

– Ну, а теперь подгоните Бобби! Поедем скорее в город, –скомандовала она.

После долгих колебаний Джек купил отцу зонтик с серебряной ручкой и очень был доволен своим выбором.

На обратном пути он весело болтал, но когда мы уже подъезжали к дому, вдруг обратился к Джулии с вопросом, который сильно встревожил меня:

– Ах, да, я еще утром хотел спросить у вас, Джулия, что у вас там произошло с каким-то письмом? Адель мне говорила, что вы его не получили. Надо непременно выяснить, не произошло ли это по вине нашей деревенской почтовой конторы.

– Пожалуйста, не будем об этом говорить; я вовсе не хочу, чтобы из-за пропавшего письма поднялся шум, – ответила Джулия.

– Так значит, это правда, что письмо было отправлено, но до вас не дошло? И как же вы хотите оставить это дело? Это просто непонятно. Пропало письмо с чеком на крупную сумму денег, а вы хотите молчать об этом! Если до сих пор еще ничего не предпринято для розыска этого письма, то надо немедленно этим заняться. Этого нельзя так оставлять, это значит – просто потакать воровству. Если вы не хотите говорить со мной об этом деле, то Адель, я уверен, расскажет мне все подробности. А вот, кстати, и она – гуляет неподалеку.

С этими словами Джек быстро выскочил из шарабана и побежал навстречу Адели.

– Постарайтесь доехать до дома как можно скорее, – сказала Джулия с озабоченным видом, – мне надо кое-что передать Адели.

Я не могла понять, каковы были намерения Джулии, но я предположила, что она хочет предостеречь сестру от любых разъяснений по поводу пропавшего письма. Только одно теперь мне было ясно: ей известно все, но пока, до поры до времени, она решила меня пощадить.

Дома я встретилась с Ведой, которая направлялась в сад и предложила мне пойти с ней. Не желая ее огорчать, я согласилась, хотя охотнее осталась бы дома, чтобы подумать обо всем случившемся этим утром.

Веда казалась чем-то озабоченной, но я была так поглощена собственными тревогами, что мне было не до настроения девушки, всегда такой спокойной. Мы сели рядом с ней и некоторое время молчали.

Наконец Веда заговорила о Вайолет Пенроуз – очевидно, с намерением вызвать меня на откровенный разговор о ней.

– Вы с ней очень подружились, – между прочим заметила она.

– Да, Вайолет – мой лучший друг!

– Я знаю, и вот что я хотела вам сказать по поводу этой дружбы: уверены ли вы, что поймете друг друга? Я знаю Вайолет с тех пор, как она была еще совсем ребенком, и очень люблю ее.

– Но Вайолет, наверное, не так уж привязана к вам, – довольно дерзко ответила я, – а то она пригласила бы вас поехать на целый день в замок, а не меня.

– Зачем вы так? – перебила меня Веда. – Не забывайте, что Вайолет моложе меня. Кроме того, она вообще очень часто увлекается...

– Веда, – сказала я уже более спокойным тоном, так как врожденное благородство этой девушки вынуждало обращаться к ней крайне деликатно. – Веда, я знаю, что вы не любите меня...

Веда помолчала немного, а потом ответила:

– Как вам сказать?.. Во всяком случае, простите меня, но я разочаровалась в вас. Вначале мне казалось, что мы подру-

жимся, но...

– Но вы убедились, что между нами нет ничего общего, так? А может быть, вы просто не понимаете меня, Веда.

– Нет, мне кажется, что до известной степени я понимаю вас. Но, по правде говоря, я перестала заниматься вами; сказала бы больше, но боюсь, что это будет вам очень неприятно, Маргарет.

– Нет уж, теперь вы должны высказаться, – настаивала я.

– Ну что ж, скажу: я постепенно пришла к заключению, что и не хотела бы узнать вас ближе.

Я низко склонила голову и вздрогнула, как будто от удара. Слова Веды глубоко огорчили меня.

– Вы поразили меня прямо в сердце, – едва слышно прошептала я.

– Мне, право, очень жаль, что я вас так расстроила, Маргарет, – печально сказала Веда, – но считаю необходимым довести этот разговор до конца. Я обязана это сделать из уважения к семейству Пенроузов, с которым мы, моя мать и я, связаны давними отношениями.

– Так что же, вы думаете, что дружба со мной может повредить Вайолет Пенроуз?

– Пусть уж это будет на вашей ответственности, Маргарет, – ответила Веда, устремив на меня свои большие, ясные глаза и тем самым заставив меня сильно покраснеть. – Я слышала слова, сказанные вам на днях леди Пенроуз, и потому знаю, чего она ожидает от вас – не совершенства, конечно,

но чувства долга и правдивости, причем не только на словах, но и на деле. Это, конечно, дело вашей совести – решить, насколько вы отвечаете этим требованиям, но меня почему-то это очень беспокоит.

– Напрасно вы волнуетесь. Сближение со мной не подвергает Вайолет никакой опасности, – и резко оборвав разговор, я направилась к дому.

Там я натолкнулась на Джека.

– Слушай, Мэгги! – воскликнул он. – Тут поднимается какая-то кутерьма!

– По какому поводу? – спросила я, чувствуя, как вся похолодела от страха.

– По поводу того письма с чеками. Адель рассказала мне все, до мельчайших подробностей. Письмо было от их знакомой, миссис Джефферсон; они узнали даже число, когда было отправлено пропавшее письмо, это было как раз перед моим приездом домой. Эта почтенная дама страшно богата и может им высылать сколько угодно денег, но это не значит, что следует потакать вора.

– Но ведь письма всегда доходят до нас аккуратно, – заметила я, чтобы сказать хоть что-нибудь в ответ.

– Вот это-то и странно. Надо непременно расследовать это дело. Это точно воровство, тут все ясно, как день. Нельзя молчать о подобных вещах! Я сегодня намерен все рассказать отцу. И Адель, и я, мы просто не можем понять, почему Джулия так противится этому. Адель говорит, что ее сестра

готова просто замять это дело. Но это же неслыханно! Ужасно подумать, что тут у нас спокойно разгуливает какой-то воришка!

– Да уж, известное дело, что ты всегда был жестоким и безжалостным к другим.

– Что за вздор! Неужели тебя не возмущает воровство? Ну а если бы у тебя украли целых три соверена? Впрочем, что с вами говорить! Пойду к отцу, он иначе отнесется к этому делу.

– Нет, ты не смеешь идти к отцу! – вскричала я, вне себя от гнева, и так сильно схватила его за руки, что он, хотя и был гораздо сильнее меня, на этот раз, однако, не смог вырваться.

– Джулия! Джулия! – закричал Джек. – Идите скорей на выручку! Уймите хоть вы эту фурию!

– Ну, что у вас тут случилось? – спросила подошедшая Джулия. – Вы точно два индейских петуха!

– Он хочет потревожить папу, а я не могу ему этого позволить! – задыхаясь от негодования, кричала я.

– Это все по поводу вашего пропавшего письма, – объяснил Джек. – Тут решительно ничего не понятно. Но я настою на своем и все доведу до сведения отца. Никто не вправе помешать мне действовать по закону. А вы, мисс Мэгги, обязаны объяснить нам свое поведение, не то...

– Прошу тебя, Джек, – начала я прерывающимся от волнения голосом, – прошу тебя хотя бы об одном: не говори отцу ничего до... Пока не пройдет день его рождения!

– Да, Джек, – неожиданно поддержала меня Джулия твердым и решительным тоном, – вы должны обещать нам, что все останется между нами до этого срока.

Джек вынужден был согласиться, но все-таки спросил:

– Нельзя ли мне, по крайней мере, узнать причину ваших требований?

– Причина в том, что ваш отец, как человек хотя в высшей степени справедливый, но и добрейшей души, будет очень огорчен мыслью, что в его приходе таится вор. Не омрачайте его покоя – по крайней мере, до дня его рождения, который он собирается провести в мирном семейном кругу.

– Ну, хорошо, обещаю вам повременить, зато уж потом обязательно сделаю, как решил.

Я оставила Джека в обществе Джулии и убежала в свою комнату; там я заперла дверь на ключ и упала на колени у своей постели. Все кончено! Моя тайна скоро станет известной всем! Я буду уличена в краже письма с чеками, в присвоении чужой собственности... Мой поступок поразит отца прямо в сердце, он лишит мою мать ее обычного спокойного и жизнерадостного настроения. Я навеки потеряю уважение Джека! До других – до соседей и даже наших девушек – мне было мало дела, но мысль об отце, матери и Джеке разрывала мое сердце на части.

«Уж если дело дойдет до худшего, – думала я, – то мне придется просить пощады у Джулии; она защитит меня! Иначе мне остается бежать из дома и никогда больше не воз-

вращаться – только бы мой бедный отец не узнал о моем позоре!»»

Глава XIII

Пять шиллингов

С тяжелым сердцем я спустилась в столовую. Все по обыкновению весело разговаривали между собой. Только одна я сидела как в воду опущенная, правда, никто и не обращал на меня особого внимания. Джек сидел рядом с Джулией и усердно ухаживал за ней, но я уже не ревновала, только старалась не встречаться с ним взглядом. Когда мы встали из-за стола, мама задала мне несколько вопросов о моей предстоящей поездке в замок.

– Я не увижу тебя, милая Мэгги, – сказала она, – до твоего возвращения завтра вечером, так как мы с папой должны пойти в наш приход и вернемся домой поздно, к обеду. Я надеюсь, что ты весело проведешь время с Вайолет, – и мама ласково потрепала меня по плечу.

Тут в разговор вступил мой отец; выразив свое удовольствие моим знакомством с Вайолет, он тоже ласково притянул меня к себе и поцеловал в лоб. Я едва сдерживалась, чтобы не вскрикнуть, – так мучили меня укоры совести. У меня было одно только желание – как можно скорее вырваться из дома.

Вскоре за мной приехал экипаж из замка. Я быстро спустилась вниз, стараясь избежать прощания с братом и деви-

цами.

– Ого! Посмотрите на нашу Мэгги! – веселился Джек, пока я усаживалась в коляску. – Вот какие мы важные! Жаль только, что нам придется без тебя окончательно договориться, как мы будем чествовать отца в день его рождения. Ведь ты вернешься только завтра к вечеру, и нам придется вопреки обыкновению обойтись без тебя. Ну, прощай, счастливо-го пути!

«Нам придется обойтись без тебя», – сказал мне Джек на прощание. Да, действительно, я как бы отрешилась от всех прежних – детских, невинных – затей нашего счастливого семейного кружка. Я отрешилась от мира, спокойствия и веселья, которые совместимы только со спокойной совестью!

«Зачем, ах, зачем я это сделала? – говорила я себе. – О, я просто была не в своем уме, когда решила утаить это зло-счастное письмо! Но как бы то ни было, а все же я не призна-юсь. Никогда, никогда мой отец не должен узнать об этом! Только Джулия может защитить меня от позора...»

При иных обстоятельствах эта поездка в замок доставила бы мне огромное удовольствие, так как вечер был чудный, а окружающий вид – одним из живописнейших в Англии. Но сейчас, удрученная своими невеселыми мыслями, я ни на что не обращала внимания.

Вайолет уже поджидала меня.

– Ах, как чудесно, что вы приехали! Как нам будет весело вдвоем! – приветствовала она меня и увлекла прямо в сад,

распорядившись сначала, чтобы мой скромный багаж – в основном кое-какие туалетные принадлежности – был отнесен вверх в назначенную мне спальню.

Вайолет объявила, что в этот день покажет мне нечто такое, чего я еще не видела в их саду. Это был отгороженный участок, предоставленный в ее полное распоряжение. Тут росли чудные плодовые деревья, были устроены клумбы с цветами и сооружен маленький летний домик в виде закрытой беседки.

Я пришла в восторг от этого волшебного уголка и удивилась, что Вайолет не привела нас туда, когда мы всей компанией осматривали достопримечательности замка.

– Сюда я мало кого вожу, – ответила милая девушка, – это мой любимый уголок, и я берегу его от посторонних глаз. Здесь я бываю подолгу. Я придаю особое значение тому, что привела вас сюда. Ах, Маргарет, если бы вы жили со мной, то мы вдвоем часто проводили бы здесь время!

– Но вы знаете, что это невозможно. Я ведь единственная дочь своих родителей, точно также, как и вы.

– Я не только единственная дочь, но и единственное дитя, – поправила меня Вайолет, – а это большая разница. У ваших родителей есть еще сын, ваш брат Джек.

– Это правда, Вайолет; кроме того, у нас в доме еще четыре девицы, с которыми папа и мама обращаются как с родными.

– Ну а как же иначе? – возразила Вайолет. – Нельзя, чтобы

они обращались с ними как-то иначе. Это, по-моему, было бы несправедливо.

– Вы думаете? – недовольным тоном проговорила я. – Однако если бы вы были на моем месте, то, может быть, рассуждали бы иначе.

– Да, вы правы; наверное, мне это было бы очень неприятно. Возможно, я даже не смогла бы выносить присутствие посторонних лиц в доме так же терпеливо, как вы. Моя милая мама очень хорошего мнения о вас, Маргарет.

– Ах, Вайолет, не говорите так; боюсь, что леди Пенроуз может разочароваться во мне.

– Нет, о, нет! Этого, я надеюсь, не случится! Ведь тогда она не позволит мне дружить с вами. Мама такая строгая, когда дело касается выбора моих подруг. Ах, Боже мой, но я, кажется, утомляю вас своей болтовней. У вас какой-то нездоровый вид.

Остаток этого вечера мы с Вайолет провели самым приятным образом, обмениваясь впечатлениями о прочитанных книгах, занимаясь игрой на рояле и пением. Минутами я была совершенно счастлива, но часто в течение вечера меня терзала неотвязная мысль о том, что моя тайна скоро обнаружится. И чем внимательнее относилась ко мне леди Пенроуз, тем тяжелее мне становилось при мысли, что всему этому скоро настанет конец. Я даже искренне пожалела, что Вайолет так сильно ко мне привязалась: я предвидела, что наша дружба будет недолгой и мне будет тяжело расстаться

с ней.

В воскресенье утром мы отправилась в нашу церковь, где я сидела рядом с Вайолет на старинной семейной скамье семейства Пенроузов. Вайолет была вся в белом, и ее нежное личико выглядело чистым и невинным, как у ангела. Она внимательно следила за службой, перелистывая свой молитвенник, и усердно молилась. Что же касается меня, то я не могла всецело предаться молитве, так как душа моя была беспокойна. Но я все еще не столько каялась в своем проступке, сколько была озабочена тем, чтобы скрыть свой позор от тех, кто так горячо меня любит, не подозревая, сколь недостойна я этой любви.

Избранный отцом для проповеди текст: «И когда он был еще далеко, увидел его отец и сжалился над ним...» – был из известной притчи о блудном сыне.

И мне казалось, что проповедь относится именно ко мне... Папа говорил о тех, кто согрешил и долго упорствует, не желая сознаться в своем грехе. Но когда эти грешники наконец проникнутся раскаянием, то едва вступят они на путь истинный, как Отец их Небесный выйдет им навстречу и выкажет им свое благоволение.

Слова моего отца сильно меня взволновали, я с трудом сохраняла самообладание. Но я все еще не настолько прониклась раскаянием, чтобы подойти к отцу и повиниться перед ним. Меня удерживало мое самолюбие; я чувствовала это и сокрушалась, что у меня такое гордое и непокорное сердце.

Когда я была еще совсем маленькой, у меня умерла малютка-сестра; в то время я часто думала о ней и жалела, что ее больше нет с нами. Мы с мамой часто говорили об этом. Когда я бывала послушной, мама радовалась и говорила мне, что моя маленькая сестра превратилась в ангела и следит за мной с небес. Я задавала маме наивные вопросы, например, что делает маленькая Алиса на небесах, и спустится ли она мне навстречу, когда я буду умирать... Все эти мысли роились у меня в голове во время службы; меня терзало сознание, что я уже недостойна узреть на небе маленького ангела – свою сестрицу. Я старалась успокоить себя тем, что предо мной еще долгая жизнь, но тут же вспомнила, что смерть одинаково похищает как молодых, так и пожилых людей, как подготовленных к смерти, так и нераскаявшихся грешников...

По окончании службы все вышли на паперть, и там я встретила со всеми нашими. Джек и тут не удержался, чтобы не сказать мне колкость:

– Слушай, Мэгги, ты не очень-то важничай! Ты ведь сегодня же вечером вернешься домой, и все пойдет по-старому.

Из церкви мы вдвоем с Вайолет ехали в шарабане, запряженном парой пони. По дороге Вайолет вздумала заехать в домик лесничего, чтобы повидаться с Сесилией Ферфакс, которая ей так понравилась на нашем базаре. Я старалась отговорить ее от этого намерения, но Вайолет, при всей мягкости характера, была очень настойчива, и мне пришлось усту-

пить.

Случилось так, что в это время по дороге проходил и сам Ферфакс. Вайолет остановила пони и окликнула его своим звонким голосом:

– Здравствуйте, Ферфакс! Подойдите к нам поближе.

Лесничий почтительно повиновался своей маленькой хозяйке, но, увидев меня рядом с Вайолет, изменился в лице и вопросительно посмотрел на меня.

– Ваша дочь, Сесилия, вероятно, дома? – спросила Вайолет, не замечая в нем никакой перемены.

– Она дома, сударыня, но она не совсем здорова.

– Ах, как жаль! А что с ней?

– Она, кажется, сильно простудилась, и моя жена решила, что ей лучше посидеть несколько дней дома.

– В таком случае мы зайдем к ней, не правда ли, Маргарет?

– Не советую вам, барышни: простуда бывает очень заразной.

– Но я никогда не простужаюсь и не боюсь никакой заразы, – возразила Вайолет. – Сесилия так любит вас, Маргарет! Зайдем, это доставит ей удовольствие.

Вайолет велела своему груму взять пони под уздцы, и мы с ней вышли из экипажа. Мы уже сворачивали на тропинку, которая вела к домику, когда Ферфакс догнал меня и сказал:

– Возьмите, пожалуйста, тут ровно пять шиллингов – в уплату моего долга вашему брату.

– Зачем вы сейчас отдаете мне эти деньги? – сказала я, нахмурившись и отступая от него. – Это еще успеется.

– Нет уж, возьмите, пока они у меня целы. Я отдал бы их самому мистеру Джеку, но мне все не удается встретиться с ним. Скажите ему, что я выплачу весь долг по частям и очень ему благодарен за то, что он одолжил мне эти деньги.

При этом Ферфакс так посмотрел на меня, как будто хотел сказать: «Теперь, когда я начал выплачивать этот долг, вы уже не имеете права жаловаться на меня сэру Уолтеру Пенроузу!» Мне поневоле пришлось взять у него эти пять шиллингов и сунуть их в свой карман.

– Как странно, – заметила Вайолет, когда лесничий отошел от нас, – тут, наверное, кроется какая-то таинственная история. Меня удивляет, что Ферфакс брал деньги взаймы у вашего брата.

– Да, это длинная история, и не стоит о ней говорить, – ответила я, – пойдете к Сесилии, если вы непременно хотите ее видеть.

– Да-да, идемте, – согласилась Вайолет и быстро пошла вперед.

Сесилию мы нашли закутанной и сидящей у самого очага. Болезнь страшно изменила ее милое личико: оно раздулось, глаза покраснели и на опухшем лице казались маленькими.

Увидав меня, Сесилия обрадовалась, и, не обращая никакого внимания на Вайолет, воскликнула:

– Ах, мисс Маргарет! Мисс Маргарет! Как я счастлива,

что вижу вас!

Между тем миссис Ферфакс смотрела на меня недружелюбно и уговаривала нас поскорее уйти, чтобы не заразиться от ее дочери.

– Я уверена, – прибавила она, – что Сесилия простудилась, а может быть, и подхватила какую-нибудь тяжкую болезнь, когда по вашей просьбе, мисс Маргарет, прошла всю эту длинную дорогу до Гарфилда и обратно. Я никак не могу понять, зачем вам нужно было посылать ее так далеко? Это просто безжалостно с вашей стороны! Сколько раз я твердила ей: «Смотри, Сесилия, помни мои слова: мисс Маргарет так же мало о тебе заботится, как о зайцах в лесу; она тебя совсем не любит, а ты жертвуешь для нее своим здоровьем!» И я была права, вот и доказательства налицо! Вы теперь водите знакомство со знатью, моя бедная девочка из-за вас заболела, а вам и горя мало!

Я не знала, что сказать в свое оправдание, и только невнятно бормотала, что жалею о болезни бедной Сесилии и что попрошу свою маму прислать ей какие-нибудь лекарства. Потом я начала торопить Вайолет, убеждая ее, что нам действительно не следует тут оставаться.

– Вот, я так и знала! – закричала миссис Ферфакс, которая минутой ранее боялась впустить нас к больной дочери, а теперь хотела во что бы то ни стало удержать нас, чтобы облегчить душу, высказав свою обиду на меня.

– Я скажу вам только одно, мисс Маргарет, – продолжа-

ла она, – вы бессовестно пользуетесь привязанностью к вам моей бедной Сесилии...

– Мама! Мама! – умоляла, обливаясь слезами, больная девушка. – Прошу тебя, прекрати!

– Отстань, пожалуйста! Вот еще выдумала – плакать и жалеть тех, которые и знать тебя не хотят! Я должна сказать еще кое-что, мисс Маргарет: с тех пор как мой муж начал копить деньги, чтобы отдать вам свой долг, в нашем доме не стало ни одной спокойной минуты. Он до того дошел в своем желании расплатиться с вами, что я не могу от него добиться даже гвоздика, чтобы вбить в стену!

Сесилия перестала плакать и только смотрела на меня умоляющим взглядом. Мне очень хотелось сказать ей несколько слов в утешение, но я стеснялась присутствия ее матери и Вайолет.

– Как она изменилась, бедняжка! – сказала Вайолет, когда мы с ней уселись в шарабан и двинулись к замку. – Никак не думала, что можно так расхвораться от простого насморка.

Больше она не сказала ни слова, и мы молча доехали до замка, где нас поджидала леди Пенроуз.

– Мама, милая, – воскликнула Вайолет, подбегая к ней, – мы с Маргарет только что были у Сесилии Ферфакс. Она очень больна! Надо послать что-нибудь бедняжке, мне так ее жаль!

– Больна? – встревожилась леди Пенроуз.

– Да, но у нее только сильная простуда. Мама, эти Фер-

факсы, должно быть, очень бедны, они задолжали Маргарет или, вернее, ее брату Джеку. Все это мне кажется очень странным!

– Как это случилось, Маргарет, – спросила леди Пенроуз, – что Ферфакс занимал деньги у вашего брата?

– Об этом не стоит говорить, – ответила я и почувствовала, что побледнела.

– Но все-таки я не понимаю, как такой человек, как Ферфакс, который получает у нас очень хорошее жалованье, мог задолжать вашему брату?

– Но, мама, – вступила в разговор Вайолет, – Ферфакс всеми силами старается выплатить свой долг. Он сегодня при мне отдал Маргарет пять шиллингов. А его жена очень тяготеет этим долгом и говорит, что ее муж, стараясь накопить побольше денег, стал до того скупым, что во всем ее ограничивает.

Леди Пенроуз не настаивала больше на объяснениях о долге, но, очевидно, была озадачена моим смущением. Она позаботилась о посылке больной девочке лекарств и гостинцев и попросила своего мужа узнать, в чем дело, и в случае необходимости отправить туда доктора.

Вайолет больше не вспоминала о Сесилии, и мы очень мило провели время до моего отъезда.

Я вернулась домой к вечернему чаю. Мои родители отсутствовали, а девушки и Джек весело болтали и шутили. При моем появлении наступило неловкое молчание, как буд-

то я стесняла их. Только одна Веда усадила меня возле себя и спросила, хорошо ли я провела время в замке.

До моего приезда молодежь, видимо, строила планы насчет сюрприза папе на следующее утро, в день его рождения.

– Мне кажется, у нас теперь все готово, – продолжала прерванный разговор Джулия. – Мы с Аделью встанем пораньше, а вы, Джек, постучите нам в дверь, когда будете готовы. Я думаю, что мы наберем красивых цветов, если направимся в Эбенизер-Кросс.

– Разумеется, – согласился Джек, – там сколько угодно ирисов и папоротников; возможно, что мы добудем и водяных лилий, я знаю, где их всегда много – в углу маленького озера.

– Что все это значит? – спросила я. – Что вы тут затеваете?

– Тебя ведь здесь не было, когда мы обсуждали, как будем завтра чествовать папу, поэтому тебе, вероятно, неинтересно, что мы решили, – холодно ответил Джек и отвернулся.

Слова и тон Джека до того оскорбили меня, что я уже не могла совладать собой; я вскочила с места и побежала через луг к роще. Минуту спустя я услышала, что кто-то бежит вслед за мной. «Только этого еще не доставало! – подумала я. – Они исключили меня из своего общества, а теперь хотят насильно вернуть, чтобы успокоить свою совесть!»

Я решила, что не заслужила и не потерплю такого унижения. Я быстро свернула в рощу и, увидев перед собой знакомое дерево, на которое когда-то любила залезать, в одно

мгновение вскарабкалась на него и скрылась в его густых ветвях. Через минуту у дерева появилась Джулия; она зорко осматривалась кругом, но, конечно, не подозревала, что я скрываюсь у нее над головой.

В это же время раздался голос Джека; он кричал Джулии, чтобы она его подождала. Джулия ничего не ответила и прислонилась к тому самому дереву, на которое я влезла.

– Ну что, так и не нашли ее? – спросил подошедший Джек.

– Нет, просто никак не могу понять, куда она скрылась. А вы, мистер Джек, все-таки ведете себя не по-доброму, вы постоянно обижаете и преследуете свою сестру.

– Вот это мне нравится! Я настолько добр к ней, насколько она того заслуживает!

– Не говорите так, пожалуйста, – ответила Джулия наставительным тоном, – вы прекрасно знаете, что если бы мы получали только то, что заслуживаем, то всем нам пришлось бы несладко.

– Все равно нужно, чтобы нам иногда указывали на наши недостатки. Я просто не понимаю, что случилось с моей сестрицей в последнее время. Да и вас, Джулия, я иногда не понимаю, вы тоже бываете какой-то странной.

– Вот еще новости! – засмеялась Джулия. – А может быть, я вовсе и не хочу, чтобы вы понимали, что у меня на уме. Но вернемся к тому, что я вам говорила о вашей сестре. Вы бы должны обходиться с ней помягче, она ведь вас очень любит, Джек.

– Еще бы ей не любить меня, это в порядке вещей; но к чему вы мне это говорите, Джулия?

– К тому, чтобы указать вам, как мало вы цените ее привязанность к вам; вы любите только самого себя.

– Пожалуйста, давайте прекратим этот разговор. Мне нужно с вами поговорить о другом: я хочу, чтобы вы все-таки объяснили, почему вы противитесь расследованию истории с пропавшим письмом?

– Это не ваше дело, – коротко ответила Джулия.

– Согласен, но Адель ведь имеет право заняться этим?

– Адель всегда делает то, что я скажу.

– Это вы так думаете. Но, возможно, она не всегда и не во всем будет подчиняться вам. Я, например, намерен попытаться повлиять на нее. Я твердо решил обо всем сообщить отцу сразу же после дня его рождения. Во всяком случае, вам теперь известно мое решение.

Джек быстро удалился, а Джулия, не сказав ему ни слова в ответ, направилась было в другую сторону, но остановилась, когда я крикнула ей из ветвей:

– Не уходите, я сейчас спущусь к вам!

– Ах, как вы меня напугали! Чего вы только не выдумаете! – вскрикнула Джулия, с удивлением наблюдая, как я слезала с дерева.

Очувтившись на земле, я бросилась к ней и схватила за обе руки.

– Я слышала все, о чем вы тут говорили с Джеком, – взвол-

нованно сказала я, – и я хотела бы точно знать, что вы никогда, никогда не выдадите меня!

– Скажите мне сначала, что вы имеете в виду?

– Ни за что на свете! Это выше моих сил! Скажите мне только одно: вы не выдадите меня?

– Я не хочу вас обманывать, Маргарет, – ответила Джулия, – я понимаю, о чем вы говорите, и знаю все. Вы говорите о...

– Ни слова! – вскричала я. – Пожалейте меня!

– Вы стали ужасно нервной, Маргарет. Кончится тем, что вы не выдержите, сорветесь и захвораете. Ну хорошо, я обещаю вам по крайней мере одно: я ничего не сделаю, не предупредив вас. А вы тогда сами решите, как поступить. Мое поведение будет зависеть от вас, а ваша совесть должна подсказать, что вам следует предпринять.

Джулия вплотную приблизилась ко мне, стараясь заглянуть мне в глаза. Но мое сердце снова точно окаменело; минута раскаяния еще не наступила. Во мне боролись противоположные чувства; я отвернулась от нее, но уже без прежней ненависти, а с невольным уважением.

– Идемте домой, – прервала молчание Джулия, – здесь становится сыро. И вот что еще, Маргарет, я хотела вам сказать: я не хочу, чтобы вас исключали из нашего общества завтра утром; вы непременно должны участвовать во всем и отметить день рождения вашего отца, как вы его всегда отмечали раньше. Надо, чтобы ваш отец провел этот день спо-

койно и радостно. Я разбуджу вас вместе с остальными, мы вам подробно расскажем все, что придумали, и вместе обсудим наши планы.

– Нет-нет, – ответила я, – пожалуйста, делайте все по-своему, только оставьте меня в покое!

С этими словами я быстро прошла к дому; я спешила, потому что заметила Джека, шедшего в ту же сторону, и хотела пройти мимо него незаметно.

Однако он скоро догнал меня, схватил обеими руками за плечи, повернул к себе и, пристально всматриваясь мне в глаза, сказал:

– Ага! Так вот вы какая, мисс Маргарет!

– Что такое? В чем дело, Джек?

– Сейчас узнаешь. Гуляя сегодня в лесу, я проходил мимо дома лесничего Ферфакса. – Ага! Что это ты вдруг так испугалась? Кто бы мог подумать, что наша самолюбивая, примерная Мэгги способна на всяческие хитрости! Сказать по правде, я в последнее время не могу тебя понять, хотя это не очень-то меня беспокоит. Но вот что ты должна выслушать: этот Ферфакс сказал мне, что передал тебе пять шиллингов из своего долга, чтобы ты отдала их мне. Так что отдавай-ка мне сейчас же мои деньги!

– Это вовсе не твои деньги, – ответила я, возмущенная его обращением.

– Вот как? – удивился Джек. – Нет, тут что-то не так! Ферфакс мне прямо сказал, что откладывает деньги по мелочам,

чтобы поскорее выплатить мне то, что должен. Я не возражал, надеясь на то, что ты объяснишь мне, в чем тут дело; я и виду не подал, что ничего не знаю об этой истории и ничего пока от тебя не получил. А еще он сказал, что благодарен мне за мои два соверена, которые получил через тебя, и что он теперь будет выплачивать мне каждую неделю по три шиллинга, пока не расквитается со мной; мы условились, где нам встречаться в конце каждой недели. Таким образом, у меня будут карманные деньги на мелкие расходы. Но вы, мисс Мэгги, все равно должны мне объяснить, что все это значит!

– Тут нечего объяснять, – отрезала я. – Деньги не твои, вот и все! И скажу тебе, Джек, что я очень тебя любила, а теперь я тебя ненавижу, ненавижу, ненавижу!

Я вырвалась и опрометью бросилась к дому, а в ушах у меня раздавался громкий смех оставшегося позади брата...

Глава XIV

День рождения отца

На следующее утро я довольно рано услышала, как все понемногу начали просыпаться и будить друг друга. Люси тоже встала и посмотрела в мою сторону, но я притворилась спящей. Потом я услышала, как они тихонько спускались по лестнице. Наконец в доме все стихло; я подошла к окну и слегка приподняла штору: молодежь весело собиралась в путь. Никто, по-видимому, и не вспомнил обо мне! В эту минуту я забыла о предложении Джулии разбудить меня вместе со всеми, от которого я отказалась. Вот как, подумала я, ведь эти девушки вышли из моего дома, как из своего собственного; они сговорились без меня устроить сюрприз моему отцу, моему дорогому отцу!..

Я посмотрела на часы; было около пяти утра – мое самое любимое время. Я невольно припомнила, как, бывало, в эти августовские дни мы с братом вставали так же рано и тайком выходили из дома, чтобы набрать цветов и веток для убранства комнат в папин день рождения. Семейный завтрак в этот день обычно устраивался на лугу перед домом; стол и кресло отца убирались цветами. Мы с Джеком всегда все это устраивали сами, а теперь... Мне стало так грустно, что я была готова разрыдаться.

Но вдруг у меня мелькнула мысль, что я могу сама устроить сюрприз отцу, без всей этой компании, которая, как я себе повторяла, безжалостно отвергла меня. Я вспомнила, что они собираются идти за цветами в Эбенизер-Кросс. Странно, что Джек не повел их к месту, известному у нас под названием Райдеровой рощи, где всевозможные цветы росли в таком изобилии, что лучшего места для их сбора в нашей округе не было; мы с Сесилией часто гуляли в этих местах. «Ах, – подумала я, – как хорошо, что еще так рано и времени у меня достаточно; пойду-ка я к этой роще и нарву так много чудных цветов, что им всем будет завидно! Еще посмотрим, кто кого!...»

Я наскоро оделась и через несколько минут уже шла через луг, направляясь к лесу. Скоро я дошла до Райдеровой рощи и пришла в восторг от изобилия полевых цветов. Любуясь чудесным видом – в эту раннюю пору, когда еще не обсохла роса и ее капли на ветках и в чашечках цветов блестели на солнце, подобно бриллиантам, – я не спеша начала наполнять свою корзину. И вдруг меня поразило нечто совершенно неожиданное: неподалеку от меня, подперев голову руками, с каким-то странным выражением лица сидела Сесилия Ферфакс. Она смотрела на меня, нисколько не удивляясь моему появлению. Увидев, что я заметила ее, Сесилия встала и медленно, едва передвигая ноги от слабости, пошла мне навстречу, но остановилась на некотором расстоянии от меня.

– Нет-нет, не подходите ко мне близко, мисс Маргарет! –

крикнула она. – Это опасно, вы можете заразиться!

– Что случилось, Сесилия? – спросила я, встревоженная ее состоянием. – Почему ты, при твоей болезни, бродишь по мокрой траве? Сесилия, ты просто сумасшедшая!

– Может быть, вы правы, – ответила Сесилия, – но я должна с вами поговорить, это необходимо... Только, пожалуйста, мисс Мэгги, не дотрагивайтесь до меня!

– Но что же все-таки случилось? – повторила я. – Говори скорее, в чем дело!

– Сейчас скажу, мисс Мэгги, – она испуганно оглянулась вокруг. – Никто не идет сюда? Я жду вас уже более получаса и все время боялась, что кто-нибудь из наших появится и уведет меня домой, и тогда мне не удалось бы увидеться с вами наедине. Мне очень нездоровится, мисс Мэгги, и я боялась умереть, не повидавшись с вами. Я пришла сюда, полагая, что вы в это утро непременно захотите набрать цветов для вашего отца, и именно здесь.

– Ах, Сесилия, бедняжка моя! Но что же ты должна мне сказать?

– Вы никогда, никогда мне не простите, но вам все равно нужно это знать. Вот слушайте. Вчера вечером у нас был доктор; он меня осмотрел и объявил, что у меня какая-то серьезная болезнь; может быть, это корь, но точно пока сказать нельзя. Во всяком случае, он нашел, что я вообще очень плоха здоровьем и что меня нужно побережь. Уходя от нас, он довольно долго говорил с моей мамой, но так, чтобы я

не могла слышать. Только я все-таки подслушала одну его фразу: «Если вы не примете мер предосторожности, то эта девочка ускользнет из ваших рук». И я поняла, что я могу умереть, мисс Мэгги...

Бедная девочка выглядела так плохо, что мое сердце сжалось от сострадания. Мои собственные тревоги и опасность, что моя тайна скоро будет открыта, отошли на второй план. Я сказала:

– Ах, Сесилия, говори же скорее, что у тебя на душе, а потом я отведу тебя домой! А еще лучше пойдём сейчас же, и дорогой ты все мне расскажешь. Давай, обопрись на меня, ты ведь едва стоишь на ногах.

– Нет, не дотрагивайтесь до меня! – замахала руками Сесилия. – Вот в чем дело: над вами нависла беда, мисс Мэгги! Все теперь известно, и тайны больше нет! Известно, зачем вы меня послали в Гарфилд. Мисс Джулия узнала обо всем еще в тот день, когда она приходила ко мне перед базаром...

– Она никому не скажет, – перебила я ее.

– Но, мисс Мэгги, я ведь тоже знаю все! Вы не имели права брать эти деньги.

– Не хочу тебе лгать сейчас, когда ты так больна, – потушив глаза, отвечала я. – Да, Сесилия, признаюсь тебе: я действительно украла это письмо с чеками...

– Вы, мисс Мэгги, так унизились? Тут что-то непонятно! Вероятно, тут замешаны ваша гордость и ненависть к американкам! Это вам затуманило голову, и вы стали совсем дру-

гой, не прежней мисс Мэгги; та, прежняя, была такой правдивой, такой славной, но теперь...

– Говори все, Сесилия! Добей меня до конца, раз уж начала!

– Я не могу не высказать вам всей правды, мисс Мэгги, я не могу не назвать вещи своими именами. Но, мисс Мэгги, знайте одно: что бы вы ни сделали, как бы ни изменились, я все равно всегда, пока только жива, буду любить вас! И вот я пришла сюда – предупредить вас, что все дело раскрылось. Здешняя почтмейстерша уже говорила со своей сестрой, которая служит в Гарфилдской почтовой конторе, и они обе знают, что письмо с чеками попало именно к вам в руки; что вы, без сомнения, вынули из него чеки и послали меня обменять их на деньги. Теперь, мисс Мэгги, вам, по-моему, остается только одно – во всем признаться вашему отцу, прежде чем он узнает о вашем проступке от других. Ну вот, я все сказала. Мне надо поскорее вернуться домой, пока там еще не заметили моего отсутствия.

Сесилия, пошатываясь, сделала пару шагов, но тут же, потеряв сознание, упала на сырую траву.

Я вскрикнула и бросилась на помощь Сесилии. Мой пронзительный крик, нарушивший утреннюю тишину, услышали сразу двое: отец Сесилии, Ферфакс, который, видимо, уже разыскивал ее, и сэр Уолтер Пенроуз, случайно находившийся поблизости; они поспешили к нам. Приложив губы ко рту Сесилии, я старалась своим горячим дыханием оживить ее.

Сэр Пенроуз первым делом оторвал меня от Сесилии.

– Прошу вас, Мэгги, сейчас же идите домой! – сказал он. – Зачем вы в такую рань пришли сюда? И почему здесь эта бедная больная девочка? Что все это значит?

– Я пришла сюда, чтобы нарвать цветов для папы, – задыхаясь, ответила я. – Но прошу вас, сэр, не обращайтесь на меня внимания, помогите ей!

Ферфакс уже успел поднять свою дочь и сказал, обращаясь к сэру Уолтеру:

– Я отнесу ее домой, но теперь, после этого случая, я сомневаюсь в ее выздоровлении. Она, наверное, тихонько вышла из дому в бессознательном состоянии. Мисс Мэгги, вы никогда ничего хорошего не сделали для моей бедной девочки, а теперь вы, возможно, окончательно погубили ее!

– Я, право, не вижу тут вины мисс Гильярд, – вступился за меня сэр Уолтер. – Но лучше оставим этот разговор: вам надо поспешить домой, чтобы привести девочку в чувство, а я распоряджусь, чтобы к вам немедленно послали доктора. А вы, Мэгги, скорее бегите домой и расскажите вашей маме обо всем случившемся. Она знает, что нужно делать.

Трудно передать, что я испытывала, возвращаясь домой в то памятное утро. Корзинка моя была пуста, я не набрала никаких цветов для папы, но это меня несколько не тревожило. Меня угнетала только одна мысль: что я – преступница и что я несчастна. Но в эту минуту, однако, я хотела только одного – чтобы как-нибудь удалось всю эту злополучную

историю с письмом скрыть от моего отца, – по крайней мере, до завтрашнего дня. У меня в душе даже сложилась молитва, которую я повторяла про себя: «О, Господи, я сознаю, что пала очень низко, что нет оправдания тому, что я совершила. Но помоги мне, Боже, скрыть мой позор от отца хоть на один сегодняшний день!»

Первое, что я увидела, подходя к дому, была Джулия, хлопотавшая у чайного стола на лужайке. Кажется, еще никогда раньше праздничный стол для завтрака, устроенный в саду перед домом, не был так прекрасно убран. На нем были расставлены фрукты и всевозможные лакомства; всё украшали гирлянды цветов. Кресла папы и мамы тоже были перевиты зеленью и цветами.

Заметив меня, Джулия поспешила мне навстречу и спросила:

– Что с вами, Маргарет? Что-то случилось?

Я безмолвно стояла перед ней. Платье на мне было изодрано, мое лицо, вероятно, было мертвенно бледным; в бессильно опущенных руках я держала пустую корзинку. Джулия, всегда очень сообразительная, тотчас же поняла, что я нуждаюсь в утешении.

– Ах, бедная Маргарет! – воскликнула она. – Какой у вас несчастный вид! Сейчас все начнут собираться сюда; мы уже договорились между собой и с Джеком, что вам будет предоставлена честь подвести вашего отца к его креслу. Это непременно должны сделать вы, Маргарет. Но почему вы так дро-

жите? Что все-таки с вами приключилось?

– Оставьте меня! Не прикасайтесь ко мне! – вскричала я и, отскочив от нее, побежала наверх, но не в свою комнату, а на чердак под крышей дома. Там у меня хранился всякий хлам – старые игрушки, ношенные платья и прочее. Я вошла туда и заперла дверь на ключ. Сняв с себя вымокшую одежду, я вытащила из комода одно из старых платьев, кое-как наскоро оделась и привела себя в порядок. Потом я открыла дверь и уже собиралась спуститься вниз, когда увидела Джулию, поджидавшую меня у лестницы.

– Зачем вы следите за мной? – сердито спросила я.

– Потому что я вижу, что вы страшно расстроены, и хочу узнать, что с вами.

– Ах, Джулия! – вдруг, неожиданно для самой себя, воскликнула я. – Я так несчастна! Пожалейте меня!

– Да разве я не вижу, Маргарет, бедняжка вы моя!

– Но, Джулия, я не хочу... Ни за что на свете не хочу... Нанести удар прямо в сердце моему отцу сегодня, в день его рождения!

– Понятное дело... Ах, Маргарет!..

– Помогите же мне сделать так, чтобы сегодня не расстроить его.

– Да, я это сделаю, непременно сделаю. Успокойтесь, все будет хорошо.

– Вечером я вам все объясню, только защитите меня сегодня!

– Хорошо, я ведь вам обещала. Мы все устроим. Но только сначала вот что: вам нельзя идти вниз в этом стареньком платье, все обратят внимание на ваш странный вид. У нас с Аделью кое-что приготовлено для вас. Пойдемте скорее в нашу комнату, и вы сами увидите, что это.

Она взяла меня за руку; мы вместе спустились по лестнице и прошли в ее комнату.

Адель, по-видимому, ожидала нас; она сидела возле стула, на котором было разложено изящное шелковое платье светло-зеленого цвета.

Адель и Джулия были одеты в светло-розовые платья, и обе они были так милы, с их покрасневшимися от волнения личиками и блестящими глазами, что их можно было бы сравнить с только что распустившимися розами.

– Наша бедная Маргарет сегодня нуждается в нашем участии, – сказала Джулия, обращаясь к сестре, а потом, обернувшись ко мне, прибавила:

– Маргарет, я надеюсь, вы нам не откажете. Мы с сестрой приготовили вам к этому дню маленький сюрприз – вот это платье. Наденьте его, пожалуйста; надеюсь, оно будет вам впору и как нельзя более к лицу. Мы тайком от вас сняли вашу мерку и попросили миссис Джефферсон заказать его нашей портнихе.

– Ну-с, пожалуйста, одевайтесь, – суетилась Адель. – В этом наряде вы будете похожи на лесную фею!

– Какая прелесть! – невольно вырвалось у меня, и я по-

корно предалась в руки Джулии и Адели, которые, весело болтая, принялись наряжать меня.

Платье сидело превосходно. На талию девушки надели мне узенький золотистый поясок; потом они расчесали мои густые волосы и укрепили на голове веночек из настоящих маргариток.

Когда туалет был закончен, они подвели меня к зеркалу. От испытанного волнения на моих щеках заиграл румянец, я оживилась.

– Ну, не чудо ли? – воскликнула Джулия, обращаясь к сестре, и обе девушки стали рядом со мной, любуясь прекрасной группой, которую мы представляли собой, отражаясь в зеркале.

– Вы слишком добры ко мне, – сказала я, тронутая вниманием сестер, – я, право, этого не заслуживаю. Но не будем сейчас об этом, лучше объясните мне, что я должна делать при чествовании отца.

– Вы должны поднести ему корзинку с фруктами и цветами; потом вы подведете вашего папу к столу и усадите на его зеленый трон. Пора, Маргарет, ступайте! Вот ваша корзинка. Мы все будем ждать вас с вашим отцом у стола на лужайке.

«Буду наслаждаться, пока это возможно, а потом – будь что будет!» – сказала я себе и, взяв корзинку, спустилась в кабинет к папе.

Он сидел у стола, занятый делами, но при моем появлении тотчас же обернулся. Надо заметить, что у моего отца была

замечательная способность угадывать настроение окружающих и сочувствовать тем, кто приходил к нему – кто со своим горем, кто с радостью. Так и теперь, увидев меня в нарядном платье, с цветами в руках и улыбкой на лице, он привлек меня к себе и нежно обнял. Как я была рада, что он пока еще ничего не подозревает о моем проступке, о моем позоре! И что несмотря на его обычную прозорливость, мне пока еще удавалось скрыть от него мою душевную тревогу.

– Ах ты, милая моя лесная фея! – приветствовал он меня.

– Завтрак уже готов, милый папа, – объявила я, – и все ждут виновника торжества; пойдем же, я провожу тебя туда.

– Обожди минутку, моя милая, дай мне сначала сказать тебе, что у меня на душе. Молю Бога, чтобы Он благословил тебя Своей благодатью; благодарю Его, что Он даровал мне такое чудесное, достойное любви дитя!

– Скажи мне, папа, – взволнованно промолвила я, – ты никогда, никогда не откажешься от своей Маргарет? Ты всегда будешь любить ее, чтобы ни случилось?

– Конечно, дочь моя, я всегда буду тебя любить. Но что за странный вопрос? Ты, кажется, в каком-то нервном состоянии. В последнее время я замечаю, что ты как будто не вполне здорова. Но пойдем скорее, нельзя заставлять остальных так долго ждать.

Мое появление за столом произвело большое впечатление, я поразила всех своим роскошным нарядом, даже Джек не смог удержаться от комплимента. Но, понятное дело, ге-

роем дня был наш отец, и все мы весело разместились вокруг стола, счастливые тем, что наш дорогой папа обещал посвятить нам весь этот день.

Глава XV

Деревенская почтмейстерша

Утро прошло незаметно, и никто из посторонних не помешал нам наслаждаться семейным праздником. Я дорожила каждой минутой этого дня, так как несмотря на мое собственное и всеобщее веселое настроение, меня постоянно тревожила мысль о том, что будет завтра, когда все узнают о моем проступке. Этот чудесный день казался мне последним счастливым днем в моей жизни...

Было условлено, что днем мы все отправимся в рощу, где будет устроен обед на открытом воздухе. Пикник удался на славу; мы уже заканчивали его чаепитием в шестом часу вечера, когда вдруг мама подозвала меня к себе.

– Надеюсь Мэгги, что ты не испугаешься, – сказала она, – но я получила сейчас крайне неприятное известие, которое меня сильно встревожило.

– Что такое, мама?

– Девочка, которая принесла нам молоко из деревни, сказала мне, что твоя маленькая подружка Сесилия Ферфакс опасно заболела. Я хочу сейчас же пойти навестить ее. Доктор опасается, что она не перенесет этой болезни; по словам девочки, он даже сказал, что она может не дожить до утра.

– И ты, мама, собираешься туда? – спросила я дрожащим

ГОЛОСОМ.

– Да, я сейчас же еду к ним. Я знала, что это известие подействует на тебя очень сильно, но прошу тебя, Мэгги, по возможности сохранять присутствие духа. Мне бы очень не хотелось испортить наш пикник и расстроить папу. Конечно, позже, вечером, придется ему все сказать, но пока я хотела бы уехать отсюда незаметно.

– Да, так будет лучше, мама. Но вот что, возьми меня, пожалуйста, с собой. Я ведь всегда так любила Сесилию!

– Я это знаю, Мэгги, но у нее может быть какая-нибудь опасная заразная болезнь, и тебе не следует входить к ней в дом.

– Но я могу проводить тебя только до ее дома и не входить туда.

– Хорошо, поедем, если ты так этого хочешь. Впрочем, папа найдет вполне естественным, что я взяла тебя с собой. А вот и Джулия, она поможет нам в этом деле.

Мама подозвала Джулию и объяснила ей, что должна срочно ехать со мной к Сесилии. Она попросила Джулию позаботиться о том, чтобы пикник не сорвался и чтобы все шло своим чередом. Наше отсутствие можно было объяснить тем, что маме пришлось срочно поехать в деревню по приходским делам.

Джулия взялась все устроить, а мы с мамой уселись в кабриолет, запряженный моим пони. Я погоняла Бобби, всю дорогу мы с мамой молчали.

Но когда мы проезжали через деревню, из дверей почтовой конторы выскочила почтмейстерша, миссис Роббс, и стала делать знаки, чтобы мы остановились.

– Мне нужно сказать вам два слова, сударыня, – сказала она, обращаясь к маме. – Кстати, тут и мисс Маргарет, она-то мне и нужна. У меня очень важное дело к вам, миссис Гильярд. Пожалуйста, зайдите ко мне.

– Нет-нет, сейчас нам некогда, мама спешит к больной, – крикнула я и так сильно хлестнула Бобби кнутом, что он всхрапнул и рванулся вперед.

Мама только успела сказать миссис Роббс, что заедет к ней завтра утром.

– Странно, о чем это ей так срочно понадобилось поговорить со мной, – заметила мама. – Может быть, она узнала что-нибудь новое о пропавшем письме?

– О каком письме? – спросила я, стараясь говорить равнодушным тоном.

– О письме с чеками. Я только вчера узнала об этой истории. Миссис Роббс, понятно, очень расстроена, так как уже известно, что это письмо было получено именно в ее почтовой конторе. Но что это ты так побледнела, Мэгги? Тебя, наверное, расстроило известие о болезни Сесилии. Но ведь ты знаешь, дитя мое, что жизнь и смерть – в руках Божьих... А вот и домик лесничего; я зайду и узнаю, что с Сесилией, а ты останься в кабриолете и подожди меня.

Я отвела своего Бобби в тень под деревьями и доволь-

но долго прождала возвращения мамы. Все кругом дышало невозмутимым спокойствием, но сердце мое было преисполнено тревоги, и я уже не могла, как в былое время, наслаждаться природой. Я дошла до крайней степени нервного возбуждения. Бедная Сесилия была смертельно больна, но в ту минуту я относилась к этому гораздо более равнодушно, чем к моему собственному отчаянному положению. Куда мне скрыться от позора? Какие усилия приложить, чтобы стать прежней – честной, беззаботной, веселой девушкой, какой я была, пока так необдуманно не утаила это несчастное письмо!

Вскоре я услышала голос мамы: она разговаривала с миссис Ферфакс, которая провожала ее до калитки их сада.

После какого-то замечания мамы, которое мне не удалось расслышать, миссис Ферфакс ответила:

– Я и сама не понимаю, как это случилось и зачем моей девочке понадобилось выбираться из дома в такую рань. Она вылезла из окна, чтобы нас не разбудить. И все для того, чтобы повидаться с мисс Маргарет! А теперь она лежит при смерти. Это ужасно! Если она, бедняжка, умрет, то в ее смерти надо будет в первую очередь винить вашу дочь. Да, сударыня, мне жаль вас расстраивать, но мисс Маргарет просто погубила мою бедную Сесилию!

– Вы не имеете права так говорить, – спокойно возразила мама. – Моя дочь, скорее всего, вовсе не желала, чтобы бедная Сесилия пошла встречать ее в рощу, особенно при

ее болезни. Впрочем, я выясню это с моей дочерью. Я постараюсь быть у вас сегодня еще раз, попозже вечером, чтобы помочь ухаживать за больной, а пока – до свидания!

Мама вернулась ко мне, и по ее бледному лицу было видно, что она сильно встревожена. Она немного помедлила, прежде чем сесть в экипаж.

– Не знаю, не опасно ли мне садиться рядом с тобой сразу по выходе из дома больной, – сказала она. – Сесилия очень плоха. У нее воспаление легких и корь. В Гарфилде было несколько случаев кори, и бедная девочка, должно быть, заразилась там, когда ходила в почтовую контору. Ее мать говорит, что она ходила туда по твоему поручению, Мэгги, и я не могу понять, зачем тебе это понадобилось.

Мама вопросительно посмотрела на меня, но я упрямо промолчала.

– Знаешь что, Мэгги, мы, пожалуй, не вернемся на пикник в рощу, а лучше сначала поедем домой. Мне надо о многом поговорить с тобой наедине. Но успокойся, тут нет ничего страшного. Будем надеяться, что Сесилия поправится. Ты просто поступила необдуманно, но это должно послужить тебе хорошим уроком, чтобы научиться владеть собой и не падать духом, когда придется понести наказание за неразумные поступки. Между прочим, я только что узнала, что вы с Вайолет ходили навещать Сесилию.

– Да, мама, мы были у нее. Ферфакс сказал нам, что у нее только сильная простуда. Мы думали, что простуда – неопас-

ная болезнь.

– А на деле оказалось, что это корь. За тебя я не особенно опасуюсь, но ужасно боюсь за Вайолет. Она такая слабенькая девочка, и если она захворает, то я не знаю, что станет с ее родителями. Как только вернусь домой, сейчас же напишу леди Пенроуз и сообщу ей о болезни Сесилии.

– Ах, мама, почему вокруг только одни несчастья! Право, я думаю, что лучше было бы мне вовсе не родиться на свет!

– Грешно говорить такие вещи, – возразила мама. – Разве у тебя нет жалости к тем, кто тебя любит, и нет мужества, чтобы переносить неизбежные жизненные невзгоды? Вооружись терпением и твердостью духа, дитя мое! Я вижу, что ты сильно встревожена, Мэгги. Мы с тобой как-нибудь в другой раз поговорим о том, в чем тебя обвиняет миссис Ферфакс, а пока я тебя прошу только объяснить мне, как могло случиться, что ты в такую рань встретила с Сесилией.

– Она, должно быть, отчасти была в бреду, мама. Я пошла в рошу, чтобы набрать цветов для папы, и не знала, что встречу там с ней.

– Я верю тебе, Мэгги, но все-таки тут не все для меня ясно. Мать Сесилии говорит о какой-то тайне между тобой и больной девочкой. Оказывается, Сесилия уже продолжительное время о чем-то беспокоится, и это связано с тобой.

Я отвернулась в сторону и ничего не ответила.

– Судя по всему, Мэгги, тут действительно кроется какая-то тайна, и я буду ждать от тебя полного признания, –

продолжала мама. – Наша святая обязанность – сделать все возможное, чтобы спасти жизнь девочки и успокоить, если ее что-то мучает в эту минуту. Ты сперва пойди наверх и на всякий случай перемени платье, а потом посмотрим, сколько времени у нас останется до возвращения наших с пикника.

Подъезжая к нашему крыльцу, я с ужасом увидела миссис Роббс, которая, очевидно, поджидала нашего возвращения.

– Право же, миссис Роббс, – сказала мама, – я вам уже объяснила, что у меня сегодня нет времени.

– Но мне крайне необходимо поговорить с вами, сударыня, – настаивала почтмейстерша. – Дело касается моей чести. И вы, мисс Маргарет, непременно должны присутствовать при нашем разговоре, поэтому я попрошу вас не уходить, – продолжала она, загораживая мне дорогу.

– Но моей дочери срочно надо переодеться, – вступилась мама. – Я вас не понимаю, миссис Роббс. Если у вас действительно такое неотложное дело, то я могу уделить вам минут пять, а лучше отложить разговор до завтрашнего утра. Бедная Сесилия Ферфакс опасно больна, и надо прежде всего позаботиться о ней.

– Это и неудивительно, что девочка захворала! – воскликнула миссис Роббс. – Вам, может быть, неизвестно, что она две недели назад ходила в Гарфилд? Так выслушайте меня, сударыня! Это дело требует немедленного разъяснения. При том, скажу откровенно, что мне очень тяжело приходится к вам для разоблачения столь позорного дела, в котором заме-

шаны члены вашего семейства...

– Позорного дела? Для нашего семейства? Вы забываетесь, миссис Роббс! – воскликнула мама.

Больше я ничего не слышала, потому что в ту же минуту бросилась по лестнице наверх. Сорвав с себя нарядное шелковое платье и бросив на постель мою чудесную шляпку, я дрожащими руками стала поспешно одеваться в свой будничный наряд. Меня охватил такой ужас, что я ни о чем не могла думать и действовала как будто машинально.

«Я не в силах это терпеть дольше, – повторяла я про себя. – Я негодная, скверная девчонка, хуже меня никого нет на свете! Остается одно – бежать из дома!»

Я открыла комод, достала свой кошелек, в котором хранились пять шиллингов, полученные накануне от Ферфакса, сунула кошелек в карман и, схватив жакетку и старенькую шляпу, сбежала вниз по лестнице.

В доме не было ни души, вся прислуга находилась на месте пикника в роще. Я остановилась на минутку и прислушалась к разговору мамы с почтмейстершей, но они говорили так тихо, что я ничего не смогла расслышать.

С тяжелым сердцем оглядела я наш чудесный домик, мой любимый домашний очаг, где я прожила столько счастливых лет. «Увижу ли я его когда-нибудь вновь?» – промелькнуло у меня в голове. Но время терять было нельзя, и я поспешно направилась к выходу.

Пройдя через двор, я открыла калитку и оказалась на

дороге, которая вела к железнодорожной станции, расположенной как раз в противоположной стороне от роши, откуда должны были скоро прийти домой с пикника папа и все остальные. На дороге никого не было видно. Я пустилась бежать без оглядки, и чем быстрее бежала, тем сильнее меня охватывал ужас. Мое сердце колотилось в груди и сжималось от боли.

Скоро меня обогнал крестьянин на телеге; он поглядел на меня и крикнул: «Беги, беги, не отставай, первой придешь к призовому столбу!» Я со страхом посмотрела на него и пустилась бежать еще быстрее. В деревне из ворот выскочила собака и принялась лаять на меня. Потом какой-то мальчишка встал мне поперек дороги, расставив руки и заграждая путь, но я проскользнула мимо него и побежала дальше.

Наконец я очутилась на станции железной дороги. Теперь все зависело от того, есть ли в ближайшее время какой-нибудь поезд. Я немного замедлила свой бег, чтобы отдышаться, и тут по сигналу семафора поняла, что ожидался поезд. Мне было безразлично, куда шел этот поезд, лишь бы мне удалось сесть в него.

Я поднялась на платформу и подошла к кассе.

– Куда направляется поезд? – спросила я.

– В Эксетер, – ответил кассир.

Город Эксетер, как я знала, находился на расстоянии примерно часа езды от нас.

– Дайте мне билет третьего класса, – распорядилась я. –

И поскорее, мне не хотелось бы пропустить поезд.

Билет стоил два шиллинга. Я взяла билет и, как только поезд подошел к станции, быстро вскочила в вагон и опустилась на первую же скамейку в углу. Вагон был совершенно пуст. Я поблагодарила судьбу, что так удачно попала на поезд, и облегченно вздохнула. Что будет дальше – неизвестно, а пока я по крайней мере избежала страшного позора, угрожавшего мне в семейном кругу...

Глава XVI

На большой дороге

Когда я села в вагон, надвигались сумерки, а когда поезд подходил к Эксетеру, было уже совершенно темно. Всю дорогу я была в вагоне одна и, несколько успокоившись, обдумывала свое положение. Я никогда раньше не отлучалась из дома, хотя мне шел уже пятнадцатый год, и окружающий мир был мне совершенно неведом. Мне случалось читать о том, как девушки моих лет, совершив что-либо дурное, скрывались бегством; я раздумывала, что они делали, покинув родной дом. Прежде всего, мне, разумеется, надо было позаботиться о ночлеге, но я не имела ни малейшего представления о том, куда мне направиться в незнакомом городе.

Когда поезд остановился у большого вокзала в Эксетере, я вышла из вагона и в замешательстве стала осматриваться кругом. Стоявший поблизости сторож подошел ко мне и спросил, не ожидаю ли я кого-нибудь.

– Нет, я никого не жду, – ответила я.

– У вас, может быть, имеется багаж в вагоне, мисс?

– Нет, – сказала я и быстро направилась к выходу из вокзала.

Мне пришло в голову, что этот человек может догадаться, что я бежала из дома, и поднять тревогу. Во всяком случае, я

заметила, что он внимательно оглядел меня с головы до ног и проследил за мной взглядом, когда я выходила.

Город Эксетер славится своим старинным собором; очутившись на одной из главных улиц, я вдруг услышала бой башенных часов. Эти звуки сильно взволновали меня, они словно отдавались в моем сердце; мне хотелось бежать от них подальше, чтобы окончательно не расчувствоваться.

Обратиться с расспросами о ночлеге к кому-нибудь из встречаемых я не осмеливалась. Однако, несмотря на волнение, я начинала ощущать голод. Я хорошо понимала, что мне надо было очень бережно обращаться со своими деньгами, ведь из пяти шиллингов у меня в кармане теперь осталось только три. Но голод все-таки надо было утолить; я вошла в первую же попавшуюся булочную и спросила булку в один пенни. Продавщица дала мне поджаристую, только что вынутую из печи булочку. Никогда в жизни я не забуду, какой вкусной показалась мне эта булка! В то время как я, стоя у прилавка, ела, продавщица пристально посмотрела на меня и сказала:

– Вы, должно быть, очень устали. Хотите, я сейчас принесу вам стул, и вы посидите, пока будете кушать?

– Благодарю вас, вы очень любезны, – обрадовалась я. Продавщица позвала девушку, по-видимому, одних лет со мной, и велела ей принести стул из кухни.

Я с удовольствием присела и доела свою булку.

– Может быть, вам угодно запить еду стаканчиком молока,

мисс? – участливо спросила булочница.

– А разве у вас здесь продается молоко?

– Да, но за такой пустяк я с вас денег не возьму, – ответила булочница. – У нас всегда есть запас молока в кладовой. Мэгги, принеси-ка барышне стакан молока.

Услышав, что девушку, как и меня, зовут Мэгги, я с любопытством взглянула на нее. Это была румяная девица с добродушным круглым лицом. Она мигом исполнила поручение матери, которая куда-то вышла, оставив меня наедине с моей тезкой.

Я с наслаждением выпила молоко; отдавая стакан Мэгги, я коснулась ее руки, от чего она вздрогнула.

– Ах, как вы, должно быть, озябли, мисс! – воскликнула она. – Ваши руки холодны, как лед!

– Да, я пришла издалека, – ответила я, а потом спросила:

– А не знаете ли вы здесь кого-нибудь, у кого я могла бы переночевать сегодня?

– Если моя мама позволит, то я охотно уступлю вам местечко на своей кровати. У меня просторная кровать, и нам места хватит, я могу лечь с краешку; только бы вы согласились, а мне-то вы не мешаете.

– Отчего же, – согласилась я. – Я была бы очень рада.

– Так я спрошу маму и вмиг вернусь к вам. Мэгги бросилась к матери в соседнюю комнату и вскоре вернулась вместе с ней.

– А что, вам в самом деле негде ночевать сегодня? – об-

ратилась ко мне булочница. – Неужели у вас нет никого знакомых или близких людей?

– Знакомых и друзей у меня много, – ответила я, стараясь казаться бодрой, – но я приехала издалека и устала, а теперь уже поздно. Я могу заплатить за ночлег, – прибавила я и вынула из кармана деньги. – Ведь вы не возьмете с меня много.

– Да мы ничего не возьмем с вас, только меня удивляет, что такая барышня, как вы, не имеет пристанища. Как же так случилось?

– На меня обрушилась беда, и я нуждаюсь в сочувствии добрых людей.

– Ах, милая мама, – вступилась девушка, – позволь мне помочь этой хорошенькой барышне!

– Разумеется, Мэгги, я ничего не имею против, но что скажет твой отец, когда вернется домой?

– Ты просто не говори ему ничего, мама.

– А вдруг нам придется отвечать за то, что мы приютили у себя барышню-беглянку?

– Тогда уж лучше мне... – начала я, быстро вскочив со своего места, но в эту минуту у меня так сильно закружилась голова, что я была вынуждена снова опуститься на стул.

Не помню, что со мной было дальше; знаю только, что я очнулась, лежа на диване в жарко натопленной комнате; Мэгги ухаживала за мной,

– Ну, теперь вам должно быть лучше, – сказала она, когда я открыла глаза. – Ну и напугали же вы нас! Вам сделалось

дурно, и маме стало вас так жалко, ведь вы такая слабенькая и одинокая. Теперь уже решено, вы проведете ночь в моей комнатке. Пора нам познакомиться. Меня зовут Мэгги Лоусон, а как ваше имя?

– Меня зовут Маргарет.

– Вот как! А фамилия?

– Не все ли вам равно...

– Так вы, может быть, в самом деле беглянка?

– Ах, оставьте, пожалуйста!..

– Ну, хорошо, – сдалась Мэгги, – впрочем, это меня несколько не пугает, напротив, я просто в восторге, что вы такая смелая! Мне приходилось слышать о подобных случаях, но никогда еще не приходилось встречаться с такими девушками. Это ужасно интересно, тут непременно есть какая-то тайна. И мама тоже очень заинтересовалась вами. Ну а теперь пойдем наверх, я покажу вам нашу спальню.

После моего одинокого путешествия и блуждания по незнакомым улицам, а также после всего, что я перенесла за последние дни, мне было очень приятно дружеское участие Мэгги Лоусон.

Я была уже не в состоянии думать о завтрашнем дне, благо сегодня я нашла приют, где смогу спокойно провести ночь.

Комнатка Мэгги оказалась совсем маленькой, но светлой, уютной и очень опрятной.

– А вот и моя постель, – показала Мэгги. – Может быть, она не так хороша, как у вас дома, так как по всему видно,

что вы важная барышня, но, в конце концов, вы ведь все-таки беглянка, и, может быть, вам даже понравится переночевать в нашем скромном доме.

– Какая вы милая, вы мне очень нравитесь, – сказала я и, обняв Мэгги, крепко поцеловала ее.

– А вы-то какая прелесть! – воскликнула в ответ Мэгги, любуясь мной. – Но пора вам лечь в постель, а я вам сейчас принесу чашку горячего супа. Увидите, как хорошо вы себя почувствуете после этого.

Я все еще была так слаба, что едва держалась на ногах, и поэтому легко поддавалась увещеваниям Мэгги; она принесла мне суп и посоветовала уснуть до ее прихода.

– А разве вам нельзя тоже лечь сейчас же? – спросила я, испугавшись, что останусь одна в незнакомом месте.

– Нет, нельзя, – ответила Мэгги, – мне еще надо помочь отцу заготовить хлеба, которые он будет печь завтра рано утром. Но к десяти часам я уже вернусь сюда, а вы пока постарайтесь заснуть. Я потихоньку прилягу с краешку кровати, так что вы и не услышите.

Меня в самом деле очень клонило ко сну; глаза мои так и слипались, но все-таки я заметила, что перед уходом девушка забрала с собой мое платье.

– Что вы хотите делать с моим платьем? – крикнула я ей в след.

– Мама хочет почистить его, а потом принести обратно. Спице, мисс Маргарет, не беспокойтесь.

Я хотела попросить Мэгги не уносить мое платье, но она быстро сбежала вниз, а я была до такой степени утомлена, что через минуту уже крепко спала.

Долго ли я проспала, не знаю, но когда проснулась, луна светила прямо в окно, которое на ночь оставили открытым, так как на дворе было очень тепло. Комната была освещена полосой лунного света, и я увидела у кровати булочницу, которая шепотом разговаривала с дочерью.

– Теперь уже выяснилось, кто она такая, – услышала я голос булочницы. – Ложись, Мэгги, и не шуми, чтобы не разбудить барышню; пусть она отдохнет, бедняжка. А поутру твой отец известит ее родных, что она находится у нас.

Эти слова так напугали меня, что сон у меня тут же пропал. Значит, все будет открыто, и я напрасно употребила столько усилий, чтобы скрыться из дома! Этого я не ожидала, я была просто ошеломлена словами булочницы. Мне оставалось одно – выбраться украдкой из дома и убежать куда-нибудь подальше, пока Мэгги еще будет спать крепким сном.

Я притворилась спящей и не шевелилась, пока девушка устраивалась рядом со мной. Она как легла, так сейчас же и заснула, а из соседней комнаты раздавался громкий храп булочника и его жены. Чтобы не терять времени, мне надо было воспользоваться этим первым крепким сном моих хозяев. Очень осторожно, чтобы не разбудить Мэгги, я потихоньку встала с постели и подошла к стулу, на котором, как

мне казалось, булочница развесила мое платье. Но каково же было мое удивление, когда я убедилась, что никакого платья тут нет! Это не только удивило, но просто привело меня в отчаяние.

«Что же мне делать? Без помощи Мэгги мне, наверное, не удастся выбраться из дома, – думала я, – придется посвятить ее в свою тайну; она славная девушка и не выдаст меня».

Девушка спала таким сладким сном, что мне было жалко тревожить ее.

Когда мне удалось ее разбудить, я сказала шепотом, что слышала ее разговор с матерью и знаю, что отец ее рано утром намерен уведомить моих родных о том, где я нахожусь.

– Ну, так что ж из того, мисс? – ответила Мэгги. – Ведь не собираетесь же вы вечно быть в бегах, рано или поздно вам все-таки придется вернуться домой.

– Нет, нет, ни за что на свете!

– Ах, как интересно! – оживилась Мэгги. – Это ведь настоящее приключение!

– Говорите тише, милая, хорошая Мэгги, – умоляла я, – ваши родители могут услышать.

– Ну, они-то спят крепко, тут вам нечего бояться. Мы с вами можем даже громко говорить, они все равно не пошевельнутся.

– А вас-то я легко разбудила, хотя вы спали так сладко, что мне вас было жаль. Милая Мэгги, вы должны непременно

помочь мне.

– Я готова все сделать для вас, милая мисс Маргарет!

– Я не нашла тут своего платья и не знаю, где оно.

– Да, это странно, разве тут нет вашего платья?

Мэгги начала осматриваться кругом, но я заметила, что она пришла в некоторое замешательство.

– Вы отлично знаете, что его здесь нет; вы с вашей матерью припрятали его куда-то. Так принесите его, мне надо сейчас же одеться и уйти из вашего дома.

– Ой, как же мне быть? Я не смею отдать вам ваше платье. Вы не знаете, как мне за это достанется от матери. Она никогда, никогда мне этого не простит! Нет, я боюсь ее слушаться.

– Но я требую, чтобы вы принесли мне мои вещи! Ах, Мэгги, да поймите же, мне нельзя возвращаться домой! Я совершила ужасный проступок; я готова скорее умереть, чем вернуться в свой дом.

– Вы совершили что-то ужасное? Как интересно! – воскликнула Мэгги. – Вы, такая хорошенькая барышня, и вдруг – беглянка, и вдобавок еще совершили что-то ужасное! Батюшки мои! Да мне и в книжках редко приходилось читать про что-нибудь подобное!

– Ах, Мэгги, у меня очень тяжело на душе. Там, где я живу, есть бедная девочка, которая сейчас лежит при смерти, и все это из-за меня!

– Ага, понимаю; так вы – почти что преступница! Это

очень любопытно, расскажите же мне, как это все произошло.

– Нет, Мэгги, оставим это; отдайте мне поскорее мое платье.

– Право, уж и не знаю, как тут быть... Мне очень жаль вас, но я боюсь исполнить вашу просьбу. Очень может быть, что за вами сюда явится полиция, и тогда всем нам несдобровать. Впрочем, тогда уж и поздно будет вам помогать. Просто голова идет кругом! Знаете, что мы сделаем: я достану вам платье, но тогда уж и мне придется бежать из дома заодно с вами. Все равно мне страшно достанется от отца с матерью, если я принесу ваше платье, так уж лучше и мне убежать, хотя мне и жаль расставаться с домом... Но ведь такой интересный случай раз в жизни выпадет! Нет, так уж и быть, я иду с вами! И слушайте, мисс, у меня в копилке – целых десять шиллингов. Нам эти деньги пригодятся; надо их взять с собой, но не тратить без особой надобности. Хорошо еще, что погода стоит такая теплая, мы сможем отлично спать под открытым небом. Итак, решено! Сейчас я принесу вам платье, и мы пустимся в бегство.

Мы поспешно оделись и потихоньку спустились с лестницы. Я сама не знала, радоваться ли мне или нет, что Мэгги идет со мной; скорее я была в таком страхе, что думала только об одном – как бы скорее выбраться из дома булочника, не разбудив хозяев.

Соборные часы пробили два часа, когда мы очутились на

улице.

Мэгги была в очень веселом настроении, она старалась и меня воодушевить, но я дала ей понять, что вовсе не разделяю ее восторга.

– Конечно, трудно ожидать, чтобы вам было весело, – согласилась она, – вы же сами говорите, что совершили что-то вроде преступления. Но что касается меня, то я, кажется, никогда в жизни не была так счастлива, как в эту минуту!

Мэгги оказалась мне очень полезной, поскольку хорошо знала город; под ее руководством мы направились к окраине. Ночь стояла теплая и тихая, время уже близилось к рассвету. Моя душа была преисполнена благоговением в торжественную минуту восхода солнца, но я не смела обратиться с молитвой к Богу, так как чувствовала себя недостойной, и сердце мое сжималось от боли. А моя спутница была весела и занята только тем, чтобы не сбиться с дороги. Она составила себе план нашего бегства: мы должны были, по ее предложению, через некоторое время свернуть в поле, там отдохнуть и дожидаться, когда станут проезжать телеги с рынка. По ее уверению, кто-нибудь из фермеров согласится отвезти нас куда-нибудь подальше от города, в глубь страны и поближе к морю, а там, говорила она, мы сможем добраться на каком либо судне и до берегов Франции.

Как я ни была неопытна, грандиозные планы Мэгги меня рассмешили, но я пока не противоречила ей. Вначале это путешествие на рассвете очень освежило и ободрило меня, но

после часа ходьбы я вдруг почувствовала, что совершенно изнемогаю. Все пережитое мной за последнее время и вдобавок эта бессонная ночь отняли у меня последние силы; я остановилась, и жгучие слезы потекли из моих глаз.

– Ах, Боже мой! – вскричала Мэгги. – Ну, что это опять с вами, мисс? Верно, вы вспомнили про преступление, которое совершили.

– Да нет же, нет, никакого преступления я не совершала! Дело просто в том, что из-за меня сильно захворала одна милая девушка; ей надо было передать мне важное для меня известие, и она, желая спасти меня от большой беды, сама погубила себя. Вот что я имела в виду, когда говорила вам, что, может быть, я стану причиной ее смерти.

– Ах ты, батюшки! Ну, это выходит совсем не то, что я думала, – разочарованно протянула Мэгги. – Так вы, значит, никакого преступления и не совершили?

– Нет, но я все-таки очень дурная девушка, вы можете успокоиться на этот счет. Во всяком же случае, я убежала из своего родного дома, значит, на то была важная причина. Но вот что, Мэгги... Что нам делать? Я просто не в состоянии идти дальше.

– Ну так вот, что я вам скажу, – предложила Мэгги, – сейчас мы выйдем на поле и присядем под копной; вы даже сможете уснуть, если хотите.

Кое-как с помощью Мэгги добралась я до жатвенного поля; там мы уселись под копной, и я почти тотчас же впала

в глубокий сон. Но Мэгги не дала мне долго спать, так как скоро, по ее словам, уже должны появиться возвращающиеся с рынка фермеры. Она теперь боялась погони больше из-за себя, чем из-за меня, и торопила меня ехать дальше.

Короткий сон все-таки очень подкрепил меня, но я начала чувствовать сильный голод. Пришлось, однако, пересилить себя, так как в это время к нам приблизилась повозка, груженная сеном. Мэгги попросила возницу остановиться и вступила с ним в переговоры, которые завершились тем, что фермер согласился подвезти нас до указанной Мэгги деревни. А там, по ее словам, жили знакомые, у которых мы сможем достать какой-нибудь еды.

Добродушный фермер ничего не взял с нас за проезд, но в деревне сам остановился на некоторое время, пока Мэгги снова выводила меня на поле и устраивала у копны ржи. Она рассудила, что за едой она отправится одна, без меня, чтобы избежать толков в знакомом ей семействе. Я легко принимала все ее предложения, хотя она была моложе меня и, в сущности, совершенно невежественной. Но под влиянием своей вины и страха я, казалось, утратила прежнее самомнение и твердость характера.

Мэгги пошла к своим знакомым и скоро вернулась с корзиной в руках. Заинтересовавшись тем, что она принесла для нашего завтрака, я не сразу заметила, что она как-то приуныла.

– Ну, что вы раздобыли? – обрадовалась я.

– Это все очень вкусные вещи, – ответила Мэгги. – Кушайте, мисс Мэгги, вам надо подкрепиться. Тут на целых два пенса провизии: вот молоко, свежий хлеб, масло и еще спелый крыжовник; мы отлично позавтракаем.

Мы принялись за еду с большим аппетитом. А когда мы поели, Мэгги объявила, что должна сообщить мне кое-что очень неприятное. Оказалось, что фермер, который подвез нас к дому ее знакомых, выдал нас. Он рассказал, что дочь булочника, наверное, убежала из дома с какой-то барышней, которая прячется во ржи. Мэгги одолели вопросами, на которые она не знала, что отвечать. Потом Мэгги уговорили вернуться домой в тележке, на которой хозяин дома собрался ехать в Эксетер.

– Мне очень вас жаль, милая мисс Маргарет, – сказала Мэгги, – но я вижу, что мне придется покинуть вас. Все равно меня будут искать, и лучше уж мне вернуться домой добровольно с этим знакомым, а то мне еще больше достанется, если я вернусь одна или если мои родители будут вынуждены разыскивать меня. Я вам скажу откровенно, – добавила она, – что я уже и раньше, пока вы спали, начала раскаиваться в своем бегстве. Да и вам не лучше ли вернуться домой, чем скитаться по большой дороге?

Я была ошеломлена этим решением Мэгги, но смогла ответить только одно:

– Вы вольны поступать, как хотите, но я совершенно разочаровалась в вас, Мэгги. Зачем вы тогда решили идти со

мной, если теперь вдруг изменяете мне?

– Все-таки, мисс, я ведь вам очень помогла; без меня вы ни за что не нашли бы этой дороги и вас, пожалуй, давно забрала бы полиция. А меня тут еще напугали, что и меня могут забрать в тюрьму – за то, что помогла барышне-беглянке скрыться от своих родителей. Если вы не хотите вернуться со мной, я с удовольствием отдам вам все свои деньги, так как мне вас очень жаль. Но сама я отправлюсь домой. Ой, смотрите, вот идет миссис Ноулз, наша знакомая фермерша; она меня предупредила, что придет сюда поговорить с вами. Пожалуйте сюда, миссис Ноулз, и скажите этой барышне, что вы думаете по поводу ее бегства.

– А я думаю только то, что вам обеим должно быть стыдно за свое поведение! – строго сказала миссис Ноулз. – Мой муж сейчас запряжет нашу лошадь, и ты, Мэгги, поедешь домой; я надеюсь, что и вы, барышня, тоже отправитесь вместе с ней.

– Нет, я ни за что не поеду назад! – отчаянно заявила я. – Вам нет до меня никакого дела, и я прошу вас оставить меня в покое!

Эта новая тревога заставила мое сердце забиться сильнее; при моей общей слабости я почувствовала, что готова опять, как вчера, упасть в обморок, но сумела овладеть собой.

Миссис Ноулз заметила, как я изменилась в лице, и сказала:

– Похожи вы на беглянку, нечего сказать! Вот что я вам

скажу, моя милая, вы просто не в состоянии идти дальше, и если вы ни за что не хотите быть благоразумной и вернуться с Мэгги в Эксетер, то пойдите к нам в дом и посидите у меня, пока не спадет жар. А лучше поезжайте-ка вы домой. Разве вас совесть не мучает, что вы заставляете ваших близких страдать! Слава Богу, что вы не моя дочь! Я живо бы вернула вас домой! Но, во всяком случае, при вашей слабости я не пущу вас скитаться по большой дороге. Если вы добровольно не последуете за мной, я готова притащить вас силой и запереть на ключ, пока за вами не приедут ваши родители. Пойдем, Мэгги; тележка уже готова, а у моего мужа много дел, и ему некогда дожидаться тебя.

– Ах ты, батюшки, вот уж это совсем не то, чего я ожидала! – воскликнула Мэгги. – Сегодня на рассвете я была просто в восторге от такого приключения, а тут выходит такая ерунда, что всякая охота бежать из дома пропадет! А еще неизвестно, что будет, когда я вернусь домой. Уж там меня, наверное, будут бранить!..

– Тебя не то что бранить, а просто выпороть следовало бы, – заявила миссис Ноулз. – И все-таки тебе надо сейчас же отправляться домой.

Мэгги нежно попрощалась со мной и, незаметно передав мне деньги, удалилась вместе с фермершей, а я осталась одна посреди поля. Когда я смотрела им вслед, меня охватило страшное чувство одиночества. Я хотела скрыться куда-нибудь, пока не вернулась фермерша: я понимала, что она уже

не оставит меня в покое – отчасти из сострадания, отчасти же из чувства долга и сознания ответственности перед моими родными. Я вскочила на ноги, но тотчас же почувствовала, что силы изменяют мне.

Мои мысли начали путаться; мне казалось, что я сижу в нашей церкви, а мой отец читает проповедь; мне чудилось даже, что я слышу слова: «И когда он был еще далеко, увидел его отец и сжалился над ним...»

Ноги мои подкосились, и я потеряла сознание.

Глава XVII

Жертва Джулии

Прошло, по всей вероятности, довольно много времени, прежде чем я очнулась и поняла, что кто-то ухаживает за мной и говорит со мной нежным, ласковым голосом:

– Успокойтесь, Мэгги! Ах, какая же вы глупенькая! Что это вы затеяли! Но это все пустяки; сейчас вы вместе со мной отправитесь домой, и все уладится, не сомневайтесь.

– Это вы, Джулия? – спросила я, глядя на нее с удивлением. – Как вы добры!.. Но все-таки я не вернусь домой, нет, ни за что на свете!

– Да бросьте! Ведь ничего особенного не случилось, и если бы не ваше отсутствие, мы все были бы веселы и счастливы. Вот смотрите, тут яблоко из вашего собственного сада. Понюхайте, как оно вкусно пахнет.

Джулия протянула мне яблоко, но я оттолкнула ее руку и продолжала сидеть с поникшей головой.

– А теперь послушайте мои новости, – сказала Джулия. – Сесилия вне опасности, это доктор твердо сказал, теперь дело пойдет на поправку. Вайолет Пенроуз здорова и вряд ли она могла заразиться корью, потому что уже перенесла эту болезнь в раннем детстве. О них вам, значит, нечего беспокоиться. Теперь о вас. Ну и задали вы нам страху! И, глав-

ное, совершенно напрасно.

– Я вас не понимаю, Джулия, – промолвила я, уже несколько успокоившись.

– Так вот, слушайте; я вам расскажу все по порядку. Что же касается вашего непонимания, так вы ведь никогда меня не понимали, не правда ли? Если бы вы постарались хоть немного понять меня, то никогда не случилось бы всей этой злополучной истории.

– Но, Джулия, вы тоже меня не щадили и не хотели войти в мое положение; ведь мне было нелегко уступить свое место в родном доме...

– Может быть, вы отчасти и правы, и я во многом раскаиваюсь, но не будем сейчас говорить об этом.

– Да, скажите лучше, как вы разыскали меня, – попросила я.

– Как разыскала? Неужели вы воображали, что могли скрыться – в такой стране, как Англия! Найти вас было бы нетрудно, и к тому же булочник из Эксетера прислал сегодня утром телеграмму вашему отцу.

– И папа знает, где я нахожусь?

– Разумеется, знает, – ответила Джулия. – Он и предложил мне отправиться за вами вместе с ним.

– Так где же он теперь?

– Вы увидите его, когда оправитесь настолько, что будете в силах встретиться с ним.

– Но скажите, что папа? Как он отнесся к моему бегству?

– Он страшно беспокоился, и я не знаю, что с ним было бы, если бы не сообщение булочника Лоусона. Ах, Маргарет, будь у меня такие любящие родители и друзья, как у вас, я чувствовала бы себя, кажется, на седьмом небе от восторга! Вы сами не цените своего счастья! И, сказать по правде, все последнее время вы вели себя вовсе не похвально. Но слушайте дальше. Мы с вашим отцом сначала поехали к булочнику; там все были сильно встревожены, так как незадолго до нашего приезда обнаружилось, что не только вы сбежали, но что с вами исчезла и их дочь, тоже Мэгги. При нас, однако, была получена телеграмма, уже из этой деревни, что вы обе находитесь здесь. Мы тотчас же раздобыли экипаж и приехали сюда. В следующий раз, когда вы, мисс Маргарет, вздумаете бежать из дома, то уж постарайтесь скрыться в такой стране, где нет телеграфа!

– Значит, мое бегство только усугубило мою беду! – воскликнула я в полном отчаянии. – Боже мой, что же мне делать?

– Успокойтесь, пожалуйста. О чем вы так сокрушаетесь? Дома, разумеется, очень недовольны тем, что вы пустились в бегство, причем неизвестно ради чего, но кроме этого у ваших родителей нет ни малейшего повода упрекнуть вас в чем бы то ни было.

– Как? А история с чеками? Ведь все уже обнаружено! Миссис Роббс рассказала моей маме обо всем в тот же день, когда я бежала из дома. Разве вы не поняли, что это и послу-

жило поводом к моему бегству?

– Да, правда, эта несносная почтмейстерша вмешалась очень некстати! Она ужасно расстроила вашу маму. Когда мы вернулись домой с пикника, я тотчас же заметила, что тут что-то произошло, хотя никто еще не знал о вашем побеге. Как только ваш отец вернулся домой, ваша мама отвела его в сторону. Я вмиг сообразила, что тут не обойдется без моего вмешательства, и подошла к ней. «Простите меня, – сказала я, – но, кажется, я догадываюсь, о чем у вас идет разговор, и могу, со своей стороны, кое-что прояснить по этому делу и прошу вас выслушать меня». И мы втроем прошли в кабинет вашего отца, где я им все рассказала.

– То есть как все? – в панике перебила я.

– Да насчет чеков. Я сказала им, что тут кроется маленькая тайна, которая касается лично меня, и что чеки я сама вам дала, чтобы их разменять на деньги, и что вы тут ни в чем не виноваты. Я взяла всю вину на себя, Маргарет, потому что, во-первых, не могла же я допустить, чтобы вы вконец истерзались из-за этих несчастных чеков, и еще потому, что...

Голос Джулии прервался от охватившего ее волнения. Я пристально на нее взглянула и, быстро вскочив на ноги, бросилась к ней со словами:

– Значит, вы солгали, чтобы спасти меня от позора?

– Если хотите, пожалуй, и так, – ответила Джулия. – И при этом, – добавила она, – я нисколько не чувствую себя

несчастной, и совесть моя спокойна.

– Но вы же говорили раньше, что никогда в своей жизни не сказали ни слова лжи?

– Да, совершенно верно, я никогда не лгала раньше. Первый раз в жизни я решила солгать – ведь это была единственная возможность спасти вас. Может быть, я поступила дурно, но теперь дело уже сделано, и чем меньше мы будем рассуждать об этом, тем лучше. Теперь вам надо только подтвердить все, что я сказала, и полагаю, что этим все дело и кончится. На почте можно объяснить, что вышло простое недоразумение. Ведь письмо было адресовано мне, и если я не заявляю претензий, то им до него нет никакого дела. Ваши родители, по-видимому, вполне удовлетворились моим объяснением; следовательно, если они и будут сердиться на вас, то только из-за того, что вы сбежали из дома.

– Но как же они объясняют себе мой побег? Они же должны понимать, что я неспроста решила на такой шаг.

– Неужели вы думаете, что я настолько недогадлива, что не сумела объяснить причину вашего побега, хотя и действительно совершенно сумасбродного. Я сказала вашим родителям, что на вас сильно повлияла болезнь Сесилии, в которой вы отчасти винили себя, так как вы послали ее в Гарфилд для обмена моих чеков. Вы считали это непростительным легкомыслием с вашей стороны, и когда вы узнали, что девушка смертельно больна, то совсем потеряли голову и пустились в бегство.

Я была потрясена. И вдруг я вспомнила еще одну историю – со злополучными деньгами Джека.

– Скажите, Джулия, а вы помните, как еще раньше выручили меня – дали мне деньги, которые мне были тогда крайне необходимы. Но как вы догадались?.. И сумма – ведь ровно столько мне и было нужно!

– Секрет прост, – ответила Джулия. – Я заметила, как вы изменились в лице, прочитав письмо Джека, услышала ваш разговор с мамой и подумала: какие проблемы могут возникнуть у молодого человека, которыми он делится с сестрой, но о которых не следует знать его матери? Скорее всего, что-то, связанное с деньгами. И мне так захотелось вам помочь! Правда, если помните, не вполне бескорыстно... А что касается суммы, то ведь мы, американки, практичны. Я просто прикинула, сколько вы с Джеком можете накопить из карманных денег, то есть, на что он может рассчитывать, и решила, что двух соверенов будет вполне достаточно.

– Джулия! – вскричала я, до глубины души тронутая ее великодушием. – Вы всегда поступали так благородно! А я недостойна вашего расположения и уж тем более самопожертвования...

Я бросилась к ней и от всего сердца горячо поцеловала.

Потом я несколько минут простояла молча, закрыв лицо руками.

– Джулия, – сказала я наконец, – где мой отец? Отведите меня к нему, я сейчас же хочу его видеть.

Глава XVIII

Покаяние

Пока я шла через поле к отцу, я обдумывала, что скажу ему при встрече. Сначала я решила сразу признаться во всем ему одному, но потом подумала, что такого наказания, назначенного самой себе, как бы оно ни было тяжело, все-таки слишком мало для искупления моей вины. И я решилась на нечто гораздо более трудное.

Папа ждал моего прихода в доме фермера Ноулза; он смотрел вдаль, очевидно, беспокоясь, почему меня так долго нет, и как только заметил мое приближение, тотчас же торопливо пошел мне навстречу. Я бросилась к нему со стесненным сердцем.

– Ах ты, глупенькая моя дочурка, – ласково сказал папа. – Нужно же было тебе выдумать такое – бежать из дома. Как же ты всех нас напугала! Тебе следовало прийти ко мне и объяснить, что тебя так сильно встревожило.

Я не в силах была вымолвить ни слова и только крепче сжимала руку Джулии, которая отвечала мне таким же пожатием.

– Я хотела бы как можно скорее вернуться домой, – сказала я. – Там, дома, я все объясню.

– Что все? – прервала меня Джулия. – Ваши родители уже

все знают. Наверное, ваш отец уже простил вам ваш легкомысленный поступок.

– Меня главным образом огорчает недостаток доверия ко мне со стороны Мэгги, – сказал папа, заглядывая мне в лицо.

Я не ответила ни слова. Скоро мы уже ехали назад в Эксетер, где сели в первый же поезд на Гезельхарт, и в третьем часу дня я уже снова была у себя дома.

Нас вышли встретить мама, Джек и наши девицы; все радовались нашему приезду и громко приветствовали меня.

– Кажется, еще никогда в жизни я не встречал такой сумасбродной девчонки! – не мог не съязвить Джек, хотя было заметно, что он тоже переволновался из-за моего исчезновения.

Я молчала. И только когда мы все собрались на террасе, я, повернувшись лицом к окружающим, сказала:

– Прошу всех вас не прерывать меня, прежде чем вы не выслушаете то, что я хочу сказать. Вас, Джулия, я попрошу стать тут, возле меня.

– Слушайте, Маргарет, – тревожно шепнула мне на ухо Джулия. – Если вы начнете объяснять то, о чем мы говорили сегодня утром, то я никогда, никогда вам этого не прощу!

Я повернулась к ней и, пристально глядя ей в глаза, тихо ответила:

– Неужели вы будете сердиться на меня за то, что я наконец исполню свой долг и сниму груз тяжести со своей души?

Джулия хотела что-то возразить, но, поняв по выражению

моего лица, что я приняла твердое решение признаться во всем, только молча склонила голову.

– Если ты собираешься произнести какую-нибудь длинную назидательную речь, – издевательски заметил Джек, – так поторопись, пожалуйста, а то я вижу, что по аллее приближается экипаж сэра Уолтера Пенроуза – это Вайолет едет к тебе в гости.

Я на минуту задумалась. Если и Вайолет будет присутствовать при моем признании, это будет, пожалуй, чересчур. Но потом решила, что так даже лучше: она наверняка что-то слышала о пропаже письма с чеками; пусть она тоже узнает всю правду.

– Я подожду, пока подъедет Вайолет, – объявила я. – Пусть она тоже выслушает то, что я хочу сказать.

– Но ведь Вайолет не принадлежит к нашему семейству, – с некоторой досадой сказала мама.

– Предоставь Мэгги поступить так, как она считает нужным, – вступился папа.

По-видимому, как мама, так и папа уже поняли, что речь идет о чем-то чрезвычайно важном для меня. Все окружили меня – кто с молчаливой тревогой, кто с нетерпением.

Вайолет подъехала к нашему крыльцу и, быстро выскочив из экипажа, бросилась ко мне с распростертыми объятиями.

– Ах, как вы всех нас напугали! – воскликнула она. – Никогда не забуду, какую ночь я провела, когда узнала, что вы пропали без вести! И как же я рада, что вы опять дома!

– Пожалуйста, Вайолет, не говорите больше ни слова, – прервала я ее. – Подождите минутку. Дайте мне сначала высказаться! – я посмотрела на маму; она взяла Вайолет за руку и отвела ее немного в сторону.

Это было настоящее судилище! И я на нем являлась добровольной обвинительницей самой себя. На минуту я призадумалась, а потом начала:

– Я хочу сообщить всем вам – папе и маме, моим подругам и Джеку – нечто такое, что, наверное, поразит вас и покажет вам вашу Маргарет в настоящем свете, а не такой, какой вы ее себе представляете. Вот уже несколько месяцев, как я хожу среди вас, всеми силами стараясь скрыть от вас свою тайну и выдавая себя за прежнюю Маргарет. Все вы считаете, что я хорошая девушка или, во всяком случае, что я не хуже многих других девиц. А на самом деле я совершенно недостойна вашего уважения! Ах, как я низко пала! Все это время я добивалась только одного – чтобы никто не узнал моей тайны. Но я не думала о том, что от Бога ничего нельзя скрыть. И вот, наконец, Джулия открыла мне глаза и, сама того не подозревая, заставила меня образумиться.

– Маргарет, прошу вас, замолчите! – в сильном волнении вскричала Джулия, крепко сжав мою руку.

– Нет, Джулия, я должна высказать все до конца, – твердо возразила я. – Я должна оправдаться перед собственной совестью. А вам, Джулия, я обязана тем, что у меня наконец открылись глаза, и я могу приступить к этому трудному, но

неизбежному признанию. Папа, – продолжала я с глазами, полными слез, – я буду все время смотреть на тебя, пока не расскажу без утайки все подробности моего проступка.

И я начала свою исповедь. Откуда у меня брались слова, я и сама не понимаю; как возникла такая отчаянная решимость – не знаю; наверное, меня поддерживала глубокая уверенность, что я поступаю так, как велит нам христианский долг.

Мои слушатели стояли вокруг меня в полном безмолвии; во время своего рассказа я по очереди бросала беглые взгляды на лица окружающих и замечала, как менялись их выражения: Вайолет побледнела, а глаза милой Веды наполнились слезами; Люси притихла, а Адель многозначительно переглянулась с сестрой, которая ответила ей кивком и еще крепче сжала мою руку. Что касается Джека, то его щеки побагровели, он стоял не шевелясь, с опущенными глазами. Лицо моей мамы было мертвенно-бледным, казалось, она была готова упасть в обморок.

Один только отец помог мне довести мою исповедь до конца: его лицо все время сохраняло обычное спокойное выражение, только глаза пронизывали меня до глубины души, и в них светилось безграничное сочувствие к моему чисто-сердечному раскаянию.

Да, я рассказала все, без малейшей утайки! Рассказала, как во мне зародилась ревность, когда я видела, что мои родные, как мне казалось, слишком ласково относились к при-

езжим девушкам; как во мне росла недоброжелательность и даже ненависть к ним; как я унизилась до того, что позволила себе подслушать их разговор, укрывшись в беседке. Потом я рассказала про письмо Джека. Да, мне поневоле пришлось раскрыть тайну брата, иначе я не смогла бы объяснить побудительную причину моих последующих поступков; я коснулась и того, как я очутилась во власти Джулии, и как мне было ненавистно подчинение ее воле.

Тут я прервала свой рассказ и, обернувшись к Джулии, сказала:

– Но хотя я и ненавидела Джулию, именно она своим великодушным поведением пробудила мою совесть; она, никогда раньше не сказавшая ни слова лжи, не задумываясь солгала, чтобы выгородить меня. Она дала ложное объяснение истории с чеками, вложенными в пропавшее письмо. Но теперь, – заключила я, – я хочу, чтобы всем вам была известна истина; совесть вынуждает меня покаяться перед вами: да, я действительно утаила письмо с чеками, адресованное Джулии, и все это время я вела себя самым недостойным образом, стараясь оградить себя от справедливых нареканий...

Голос мой оборвался, накопившиеся слезы душили меня. А бедная Джулия, уже некоторое время тихо плакавшая возле меня, на моих последних словах раскрыла свои объятия, и я, обессилив, припала к ее груди.

Теперь мне остается добавить лишь несколько слов. В тот вечер я долго беседовала со своим отцом. Не буду повторять

здесь то, о чем со мной говорил отец; его слова слишком дороги мне, они драгоценны и святы. Скажу только, что он, нисколько не умаляя моего проступка, а напротив, строго осуждая его, все-таки заверил, что прощает меня – ввиду моего чистосердечного признания.

– Подобно тому, как простил своего сына тот отец, о котором говорится в притче? – спросила я.

– Да, – ответил папа, – но тебе недостаточно моего прощения, ты должна еще покаяться перед твоим Небесным Отцом.

В этот вечер я легла спать с облегченной совестью. Перед сном я долго плакала, но то были слезы, которые смывают с души накопившиеся дурные помыслы. На другое же утро я проснулась спокойной и счастливой тем, что я дома, среди своих, и у меня уже нет причин сторониться окружающих или терзаться мыслями о том, что меня могут уличить в дурном поступке. С моей души как будто свалилась страшная тяжесть, и я была готова снова восхищаться природой и домашним уютом, которыми я была окружена.

Все, о чем здесь рассказано, произошло два года тому назад. Джулия, Адель, Веда и Люси все еще по-прежнему живут в нашем доме. С Сесилией я так же дружна, как и раньше, даже еще больше полюбила ее. С Вайолет Пенроуз мы время от времени встречаемся. Но так как каждое дурное дело, даже искупленное покаянием, неминуемо оставляет след, так и мой проступок, хотя и совершенный больше под влия-

нием гордости и ревности к американкам, чем с какой-либо злой целью, все-таки нарушил дружеские отношения, которые устанавливались между мной и милой Вайолет. Мне кажется, сама Вайолет не разлюбила меня, но леди Пенроуз отнеслась к этому делу иначе; она написала письмо моему отцу, в котором сообщила, что разочаровалась во мне и считает, что ее дочери не следует часто видеться со мной.

Тем не менее, хотя мне и было тяжело лишиться дружбы Вайолет, но я приобрела нового друга – Джулию, которую я наконец вполне оценила и которая сделалась моей ближайшей, неразлучной и преданной подругой.

Все у нас в доме идет своим чередом. Все окружающие, как будто по взаимному уговору, постепенно сумели водворить меня на мое прежнее место у нашего счастливого семейного очага.